

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

**Тезисы
молодежной научной
конференции**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

22–23 мая
2018 г.

МОСКВА
2018

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

*Издание подготовлено
при финансовой поддержке
ФАНО РФ*

Ответственные редакторы:
Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Редколлегия:
*Д. Ю. Ващенко,
А. А. Леонтьева,
Н. А. Лунькова,
К. В. Мельчакова,
Л. Ю. Пахомова,
М. В. Ясинская*

Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодеж-
С47 ной научной конференции в рамках Дней славянской письменности
и культуры. 22–23 мая 2018 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хавано-
ва. — М.: Институт славяноведения РАН, 2018. — 306 с.

ISSN 2619-0869

DOI 10.31168/2619-0869

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. В 2014 г. ей был придан новый формат: молодежная научная конференция с участием международных докладчиков. Традиция была продолжена. В нынешнем году молодые ученые вновь обсуждают широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой, с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)

ISSN 2619-0869

DOI 10.31168/2619-0869

© Коллектив авторов, текст, 2018

© Институт славяноведения РАН, 2018

**Секция
«ИСТОРИЯ»**

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.1.1

А. А. Лапунов

«Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян» К.Г. фон Антона как первая энциклопедия о славянах

В 1783 г. вышел в свет первый том энциклопедии сербо-лужицкого ученого Карла Готлиба фон Антона (1751–1818) «Первый опыт описания происхождения нравов, обычаев, мнений и знаний древних славян»¹. Автор писал в предисловии: «Об одних только древностях и нравах славян у нас, насколько я знаю, нет ничего полноценного»². Действительно, фон Антон был первым, кто создал универсальную поглавную энциклопедию не только о древних, но и о современных ему славянах. Причем речь в ней шла не о конкретной народности, а именно о славянах в целом, как об одном народе (Volk), говорящем на одном языке. При этом он делил его на множество племен (Stemmen), говорящих на разных диалектах. В представлении фон Антона именно язык объединял славян. Кроме того, во «Вступительном слове» он представил классификацию славянских и «полуславянских» диалектов в Европе, которая во многом опередила свое время: он сделал это на восемь лет раньше Й. Добровского.

Будучи по образованию филологом, фон Антон попробовал с привлечением солидного числа источников, лингвистических данных и новейшей методологии реконструировать и описать религию, нравы, быт, занятия, повседневную жизнь древних славян. Стоит отметить, что фон Антон был

первым, кто прибег к критическому описанию славянского характера — до него этим никто не занимался³.

Также фон Антон изложил свое видение древнеславянской истории. Он попытался представить славян как европейский народ с древней историей. Фон Антон выводит славянских первопредков, впрочем, как и других европейцев, с Кавказа. Древних славян он называет сербами и отождествляет их с сарматами. Затем они делятся на сербов и языгов. От них же происходят все остальные славянские племена. Хотя во многом его концепция довольно запутанная и напоминает набор определенных мыслей и суждений, все же гипотезы фон Антона имеют солидную доказательную базу, основанную на исторических источниках и лингвистике.

Второй том энциклопедии вышел в 1789 г.⁴ В нем автор пересмотрел некоторые прежние суждения, а также добавил новую информацию.

Следует отметить, что часто в своей энциклопедии фон Антон переносил реалии Лужиц и лужицких сербов и остальных полабско-балтийских славян (вендов) на всех славян. Как и другие деятели серболужицкого ренессанса и просвещения, фон Антон на протяжении всей жизни собирал материалы по этнографии, филологии, мифологии, географии и истории лужицких сербов. Поэтому часто в его энциклопедии можно встретить примеры из жизни именно этого народа. С этой особенностью связан и другой очень важный момент: в энциклопедии фон Антон часто пишет о порабощении и угнетении немцами и церковью не только вендов, но и всех славян, перенося, таким образом, антинемецкие и антицерковные представления с одной плоскости на другую — с полабско-балтийской на общеславянскую.

Энциклопедия была принята и по достоинству оценена современниками. Она побудила словенского деятеля эпохи Просвещения А.Т. Линхарда написать «Опыт описания истории Крайны и других южных славян Австрии», о чем он упомянул в предисловии⁵. О ней высоко отзывался Й. Добровский, который находился с фон Антоном в переписке⁶.

Кроме того, «Первый опыт описания» оказал существенное влияние на видение славян И.Г. Гердером. В четвертой книге «Идей к философской истории человечества», вышедшей в 1791 г., в главе «Славянские народы»⁷ Гердер заимствует и переосмысливает ряд идей из энциклопедии фон Антона, с которым он не только переписывался, но и состоял в дружественных отношениях⁸. Гердер заимствует, в том числе, и «вендизм» фон Антона, трансформируя его в противостояние немецкого и славянского духа. Под «вендизмом» понимаются антинемецкие и антицерковные представления, вызванные прочтением ряда раннесредневековых немецких хроник (Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Саксон Грамматик, Титмар Мерзебургский и т. п.) в условиях зарождения и развития немецкого и славянского самосознания. Именно через произведение Гердера во многом фон Антон «ворвался» в XIX в.

Энциклопедия К.Г. фон Антона не только заложила основы немецкой научной славистики, но и положила начало сравнительному изучению славянских народов.

Примечания

¹ *Anton K.G. von. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783. Band 1.*

² *Ibid. P. II.*

³ *Собестианский И.М. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Харьков, 1892. С. 4.*

⁴ *Anton K.G. von. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783. Band 2. Leipzig, 1789.*

⁵ *Linhart A.T. Versuch einer Geschichte von Krain und der ubrigen sudlichen Slaven Oesterreichs. Laibach, 1788. P. 5.*

⁶ *Dobrovsky J., Anton K.G. Der Briefwechsel zwischen Josef Dobrovsky und Karl Gottlob von Anton. Berlin, 1959.*

⁷ *Гердер И.Г. Идеи к философской истории человечества. М., 2013. С. 499–501.*

⁸ *Лугнин А.А. Введение в историю серболоужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. С. 62.*

Образ сербов в работах И.П. Липранди 1820–1870-х гг.

В данном докладе на основании опубликованных и архивных материалов предпринимается попытка описать эволюцию образа сербов в работах Ивана Петровича Липранди¹ 1820–1870-х гг. Также мы пытаемся ответить на вопрос, почему Липранди подвергал описания сербов все большей и большей ориентализации, т. е. наделял их чертами, которые устойчиво относил к туркам и другим народам, исповедующим ислам.

И.П. Липранди (1790–1880) родился в семье выходцев из Испании. Боевой офицер, он прошел четыре кампании, в экспедиционном корпусе руководил русской военной разведкой, долгое время служил в Бессарабии и на юге России, занимался созданием агентурной сети на Балканах, в 40–50-е гг. XIX в. он служил чиновником по особым поручениям в МВД и лично руководил разгромом кружка М.В. Петрашевского. Однако именно изучение европейских областей Османской империи стало делом всей его жизни. Липранди впервые обратился к этой теме еще в 1820-х гг., а последние работы о Турции и балканских народах были напечатаны в конце 1870-х гг. Таким образом, опубликованные и неопубликованные сочинения Липранди предоставляют нам уникальную возможность проследить эволюцию образов балканских народов в российском нарративе на протяжении полувека.

В докладе на примере некоторых работ² мы показываем изменения, которые претерпевал образ сербов в творчестве Липранди на протяжении 50 лет. В работах 1820-х гг. нам не удалось обнаружить детальных описаний Сербии или сербов, однако уже в 1830-е гг., в фундаментальном словаре «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» Липранди пытался найти подходящие термины для описания

существовавших за Дунаем реалий. Сама форма словаря указывала на включенность южнославянских народов в дискурс Османской империи: мы не найдем в словаре статьи «Сербы», а только статью «Сырф»³. В ней сообщается, что турки дают всем народам «свойственные их характеру» прозвища, а сербов называют гайдуками, т. е. разбойниками. В словаре отсутствует и статья, посвященная собственно «Сербии». Липранди вычеркнул слова «Сербия», «Серли», заменив их на «Сырф» и так и ненаписанную статью «Сырф Вилайти»⁴. Таким образом, описание сербов осуществляется в рамках дискурса Османской империи и возможно только через призму восприятия этого народа турками.

В работе 1841 г. «Обозрение пространства, служившего театром войны России с Турциею 1806 по 1812 год», Липранди посвящает Сербии и сербам отдельные разделы⁵. В этой статье мы можем заметить те идеи, которые автор будет развивать в будущем. Во-первых, Липранди делает акцент на склонности сербов к войне, а не к систематическому труду⁶. Он отмечает также недисциплинированность сербов, их неспособность пожертвовать личной славой ради общего блага⁷. Позже Липранди будет указывать еще на одно негативное качество сербов — их горделивость и презрение к другим народам. Во многом это те черты, которые Липранди приписывал туркам и другим «восточным» народам. Он пишет, что Сербия представляет собой страну дикую, с затруднительным внутренним сообщением, сельское хозяйство находится в самом жалком положении, и всему этому способствует характер самих сербов, которые не хотят работать⁸.

Во-вторых, автор с явным неодобрением пишет о начавшейся европеизации Сербии. Для него обретение Сербией широкой автономии являлось достаточно противоречивым фактом. Он обращает внимание читателей, что те немногие положительные качества, которыми обладали сербы, начинают постепенно утрачиваться из-за соприкосновения с «просвещенными» народами.

Однако самое важное, что отличает характеристику сербов 1840-х гг. от той, которую Липранди привел в «Опыте

словоистолкователя...» 1830-х гг., — это то, что автор теперь писал о сербах в рамках другого дискурса. Ближе к середине века описание славянских народов перемещается в границы дискурса славянства. Таким образом, негативные дефиниции, применяемые к сербам в этот период, уже не могут быть объяснены их включенностью в категорию Османской империи.

В 1868 г. выходит одна из самых значимых работ И.П. Липранди «Восточный вопрос и Болгария»⁹. В этой статье сербам посвящено лишь несколько фрагментов. Но и этой скудной информации достаточно, чтобы увидеть, как описание сербов подверглось еще большей ориентализации.

Меняется мнение Липранди по вопросу обретения Сербией автономии: если прежде он не отрицал факт самостоятельного завоевания ее сербами, даже восхвалял их храбрость, то в конце 1860-х гг. он объяснял их успех счастливым стечением обстоятельств. С точки зрения Липранди, сербы получили автономию не в силу личных качеств, а благодаря возможности России оказать им поддержку и благоприятному внешнеполитическому фону¹⁰.

Теперь Липранди открыто критикует сербскую модель построения национального государства за ее слепую подражательность Западу. Липранди открыто высмеивал попытки Сербии стать политическим центром на Балканах. Исследователь был убежден, что другие народы будут охотнее сотрудничать с турками, чем с сербами.

Липранди считал непостоянство, самонадеянность и недисциплинированность, которые служили для него маркерами «восточного» человека, худшими чертами сербов. В тексте мы встречаем рассказы о том, как строгого командира сербов во время боя с турками застрелили в спину его же подчиненные¹¹; как Карагеоргий приказал заживо закопать священника, который требовал слишком большую плату за совершение обряда¹². Автор скрупулезно описывал кровожадность сербов, широко распространенное среди них мздоимство и невежество — главные атрибуты «азиатских»

народов. Он справедливо сомневался, что, переодев вчерашних гайдуков в европейскую форму, удастся убрать их непостоянство, самонадеянность и привить дисциплину европейской армии. Однако при этом он пишет, что большая часть населения утратила свое лучшее качество — умение обращаться с оружием¹³; все обзавелись хозяйством и не желают его лишаться даже ради общего блага. Вот результаты несвоевременного распространения идей Просвещения, о чем Липранди писал еще в 1840-е гг.

Таким образом, мы видим, что в работах Липранди образ сербов на протяжении 1820–1870-х гг. подвергался все большей ориентализации. Когда в 1830-е гг. сербы и Сербия стали для Липранди отдельными категориями, он помещал их в рамки дискурса Османской империи, и поэтому они априори имели определенные «восточные» черты (как и другие христианские народы Балканского полуострова). Однако позже, когда Балканы были помещены в рамки дискурса славянства, описания сербов, в отличие, например, от болгар, не только сохранили «восточные» элементы, но подверглись еще большей ориентализации. В 1870-е гг. Липранди приписывал уже сербам те качества — лень, вероломство, непостоянство, недисциплинированность, которыми он прежде наделял турок.

Примечания

¹ О славяноведческих сюжетах И.П. Липранди см.: *Ишутин В.В.* Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94; *Белов М.В.* «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68; *Касаткин К.А.* Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 228–236.

² [Липранди И.П.] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб., 1827; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 673. Оп. 1. Д. 172–199; *он же.* Обзорение пространства, служившего театром войны России и Турцией с 1806 по 1812 год. СПб., 1854; *он же.* Сербский вопрос // Северная пчела. СПб., 1859, № 54, 56; *он же.* Восточный вопрос и Болгария // ЧОИДР. М., 1868. К. 1.

³ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 188. Л. 35 об, 64 об.

⁴ Там же.

⁵ *Липранди И.П.* Обзорение пространства... С. 23–26, 62–71.

⁶ Там же. С. 63–64.

⁷ Там же. С. 66, 70.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Липранди И.П. Восточный вопрос и Болгария...

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Там же. С. 129–130.

¹² Там же. С. 28–29.

¹³ Там же. С. 51.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.1.3

Т. В. Гимадеев

Реакция на славянофильскую концепцию гуситского движения в чешской историографии середины XIX — начала XX вв.

Начиная с рубежа 1840-х — 1850-х гг. и вплоть до середины 1870-х гг. в русской историографии гуситского движения доминировало славянофильское направление, отчасти сохранявшее позиции (особенно в публицистике) на протяжении всего досоветского периода. Это направление уже было исчерпывающе исследовано Л.П. Лаптевой¹. Напомним лишь, что его представители (такие как А.С. Клеванов, Е.П. Новиков, А.Ф. Гильфердинг и др.) некритично приняли свидетельства протестантских авторов XVII в. — Богуслава Билейовского и Павла Странского — о том, что в Чехии на протяжении X–XV вв. якобы сохранялись элементы восточно-христианской традиции (важнейшим из которых они считали причащение мирян чашей), принесенной св. Мефодием. На основании этого они утверждали, что стремление вернуться к этой традиции и было главным движущим мотивом гуситского движения².

Еще в эпоху Просвещения Г. Добнер, основоположник исторической критики в Чехии, отвергал эти показания Би-

лейовского и Странского³. Патриарх чешской исторической науки Ф. Палацкий и в немецкой «Истории Чехии», и в первом издании уже чешской «Истории чешского народа» также признавал их свидетельства «беспочвенными»⁴. Во втором издании, вышедшем в 1870–1871-х гг., он, однако, скорректировал позицию под влиянием работ о распространении легенды о св. Вацлаве и Людмиле на Руси, а также текущей политической ситуации: после австро-венгерского соглашения Палацкий надеялся на поддержку Россией чешского национального движения⁵. В новой версии он утверждал, что «славянский обряд пустил более глубокие корни, чем думалось еще недавно», при этом оговаривая, что речь идет не о буквальном сохранении восточного вероучения, но о якобы существовавшем веками духе неподчинения католической церкви⁶.

Это обстоятельство повлияло на работу французского историка Э. Дени «Гус и гуситские войны», в которой он согласовывает новый взгляд Палацкого с позицией историка-славянофила А.Ф. Гильфердинга⁷. Именно за это работу Дени и критикует классик чешской позитивистской историографии Я. Голл в своей рецензии 1878 г. В ней он признал, что из новых утверждений Палацкого можно сделать вывод о его согласии со славянофильской концепцией. Эту теорию русских авторов о сохранении православных или кирилло-мефодиевских традиций в средневековой Чехии Голл охарактеризовал, как не подтверждающиеся документами «домысль», и противопоставил ей слова Палацкого из издания 1850 г.⁸ В работе «Братская община в XV в.» Я. Голл и вовсе назвал попытки все «увидеть в гуситском движении что-то вроде возрождения православия» «галлюцинациями, либо тенденциозным враньем»⁹.

Подробнее славянофильскую концепцию раскритиковал либеральный историк и апологет гуситского движения Й. Калоусек. В 1881 г. он написал работу «Об истории чаши в предгуситскую эпоху», годом позже в «Музейнике» вышла статья «Русские исследования о причинах и целях гуситского движения». В первой работе он напоминает, что причастие под обоими видами было распространено и в католической церкви, и утверждает, что в Чехии оно было прервано

еще в конце XI в., и потому не может быть связующим звеном между гуситством и мефодиевской эпохой¹⁰. Во второй статье Калоусек высоко оценил работу П.П. Васильева и И.С. Пальмова по развенчанию славянофильской теории в России, хотя и отметил, что первый «едва ли держал в руках чешскую книгу», а со вторым разошелся в вопросе даты прекращения в Чехии причащения под обоими видами¹¹.

Католические авторы также выступили с критикой славянофильской теории. Антонин Ленц, оппонент Калоусека в споре о пересмотре приговора Констанцкого процесса по делу Яна Гуса¹², в статье 1869 г. «Учение Гуса и православная церковь» доказывал, что Гус не согласился бы с православной позицией относительно предопределения, церковной иерархии, чистилища, а также касаясь соотношения Священного Писания и Священного Предания¹³. В работе 1915 г. «Ян Гус» Ян Седлак, один из наиболее выдающихся католических историков гуситского движения, писал, что отсутствие связи между Яном Гусом и православной или кирилло-мефодиевской традицией «уже не нужно доказывать»¹⁴. Как «ошибочные» характеризует представления славянофилов и публицист католического товарищества «Родина» Зденек Бретшнайдер (Ян Гендрих) в брошюре «Какой была историческая почва гуситства?»¹⁵.

Название работы Бретшнайдера отсылает нас к вышедшей в 1887 г. брошюре Йозефа Калаша «Какова историческая почва гуситства?», бывшей одной из немногих чешских работ, автор которой явно демонстрировал согласие со славянофильской концепцией. В своей работе Калаш, помимо всего прочего, заявил, что Ф. Палацкий знал о восточных корнях гуситства, но был вынужден молчать¹⁶. Помимо этого, он просто воспроизвел теорию русских авторов-славянофилов, активно цитируя Е.П. Новикова, А.С. Будиловича и А.Ф. Гильфердинга, ссылаясь также и на показания Павла Странского, а также демонстрируя знакомство с уже упоминавшийся работой Голла «Братская община в XV в.»¹⁷, просто игнорируя встречавшуюся там критику славянофильской концепции гуситского движения. Тем не менее данная ра-

бота была лишь одним из единичных примеров согласия со славянофильской теорией гуситского движения.

Таким образом, чешские авторы, во-первых, хорошо представляли как славянофильскую концепцию гуситства, так и в целом русскую историографию гуситского движения. Во-вторых же, несогласие со славянофильской концепцией, ее критика этой теории исходя из узости доказательной базы и тенденциозности этой теории были одним из немногих положений, объединяющих подавляющее большинство чешских авторов, писавших о гуситском движении, вне зависимости от принадлежности к научным школам, политическим партиям или религиозным конфессиям.

Примечания

¹ См. *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.). М., 1978; *она же.* Профессор И.С. Пальмов и его исследования по церковной истории зарубежных славян // Вестник церковной истории. 2007. №3 (7). С. 196–220; *она же.* История славяноведения в России в XIX в. Москва, 2005.

² *Она же.* Русская историография гуситского движения. С. 27–101.

³ *Goll J.* Huss et la guerre des Hussites par E. Denis // *Časopis Musea království Českého.* Roč. 52 (1878). Č. 4. S. 590–591.

⁴ *Palacký F.* Geschichte von Böhmen: Band III. Abt. 1. Prag, 1845. S. 157. ; *Idem.* Dějiny národu českého w Cechách a w Morawě. Díl III. Část 1. Praha, 1850. S. 7.

⁵ *Štaif J.* František Palacký — Život, dílo, mýtus. Praha, 2009. S. 273–275.

⁶ *Palacký F.* Dějiny národu českého... Díl III. Praha, 1899. S. 11–12.

⁷ *Дену Э.* Гус и гуситские войны / пер. с фр. А.Б. Ванькова. Москва, 2016. С. 13.

⁸ *Goll J.* Huss et la guerre des Hussites par E. Denis. S. 589–592.

⁹ *Idem.* Jednota bratrská v XV. století. // *Goll J.* Chelčický a jednota v XV. století. Praha, 1916. S. 153.

¹⁰ *Kalousek J.* O historii kalicha v dobách predhusitských. Praha, 1881. S. 14–19.

¹¹ *Idem.* Ruské bádání o příčinách a účelích hnutí husitského. // *Časopis Musea království Českého.* Roč. 56. Č. 1. S. 96–98.

¹² *Mečkovský R.* Katolická církev a moderní bádání o Janu Husovi. // *Sacra.* Roč. 3 (2005). Č. 1. S. 26.

¹³ *Lenz A.* Učení Husovo a církev pravoslavná. // *Časopis katolického duchovenstva.* Roč. 10 (1869). Sv. 7. S. 511–525.

¹⁴ *Sedlák J.* M. Jan Hus. Praha, 1915. S. 369.

¹⁵ *Bretšnajdr Z.* Jaká byla dějinná půda hnutí husitského? // *Husitství ve světle pravdy.* Roč. 5 (1908). Č. 1. S. 7.

¹⁶ *Kalaš J.V.* Jaká jest dějinná půda hnutí husitského? Praha, 1887. S. 2.

¹⁷ *Ibid.* S. 44, 48; 15; 39; 2.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.1.4

*М. В. Колмакова,
Д. Ю. Чернышенко*

Книги из личной библиотеки О. М. Бодянского в Славянском фонде БАН

В 2018 г. мы отмечаем юбилей выдающегося ученого, одного из первых славистов в России — 210 лет со дня рождения Осипа Максимовича Бодянского. В память о трудах ученого 31 января 2018 г. в Библиотеке Российской академии наук открылась книжно-иллюстративная выставка «Член-корреспондент Петербургской академии наук Осип Максимович Бодянский (1808–1877)». В экспозиции были представлены труды О. М. Бодянского (научные работы, переводы, стихотворения), освещена его деятельность в Московском университете и Обществе истории и древностей российских.

Одним из интереснейших стал завершающий раздел выставки, посвященный библиотекам О. М. Бодянского, собранным исследователем в ходе научной работы. Мы можем говорить о двух таких библиотеках: учебной и личной.

Первая, учебная библиотека, собиралась О. М. Бодянским во время его первой командировки за границу и позже была выкуплена Московским университетом¹. Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского ныне хранится в Научной библиотеке Московского государственного университета. Ее систематическое изучение было начато в 1980-е гг. Большая роль в изучении этого собрания принадлежит Н. М. Пашаевой и Л. Ю. Аристовой — благодаря их работе собрание О. М. Бодянского было выявлено в фондах библиотеки МГУ, сверено с имеющейся инвентарной описью, описано, систематизировано и введено в научный оборот.

Судьба второй — личной (рабочей) библиотеки О. М. Бодянского — сложилась иным, трагическим образом. После смерти ученого его вдова, не дождавшись распоряжений ми-

нистерства народного просвещения о приобретении личной библиотеки Московским университетом, приняла решение о продаже библиотеки частному лицу. Покупателем стал А.А. Астапов. Эмоциональный отклик современников на свершившийся факт нашел отражение в «Газете А. Гатцука»². Автор отмечает, что в результате длительного ожидания необходимых документов, библиотека не была сохранена целым корпусом и оказалась распродана разрозненными частями. Долгие годы не было информации о владельцах книг, которые могли приобрести отдельные издания из личной библиотеки О.М. Бодянского. Но во второй половине XX — начале XXI вв. к этому вопросу стали обращаться различные исследователи.

Сегодня мы имеем сведения о наличии изданий, происходящих из библиотеки О.М. Бодянского, в Библиотеке Российской академии наук (Санкт-Петербург), Государственной публичной исторической библиотеке (Москва)³, Российской государственной библиотеке (Москва)⁴, библиотеке Санкт-Петербургского университета⁵, Государственном литературном музее А.С. Пушкина⁶.

Наш доклад преимущественно посвящен изданиям, выявленным в Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук (далее — БАН). В ходе работы нам удалось атрибутировать книги, поступившие в фонд в составе личных собраний: В. Ганки, П.А. Лаврова, И.И. Срезневского и М.П. и Н.М. Петровских и др. Эти издания в большинстве случаев на форзацах или обложках имеют владельческие надписи О.М. Бодянского (повествующие о месте и дате приобретения / получения). Также нам удалось выявить более 100 изданий, происходящих из собрания О.М. Бодянского, приобретенных для Славянского отделения БАН в 1911 г. Настоящим сокровищем оказались 30 экземпляров с владельческой надписью О.М. Бодянского выявленных сотрудниками Иностранного фонда БАН.

В рамках нашего доклада мы постараемся представить сведения об экземплярах, некогда составлявших библиотеку уважаемого ученого О.М. Бодянского, которые в настоя-

щее время атрибутированы и хранятся в фондах библиотеки Российской академии наук, а также постараемся осветить спектр проблем, связанных с выявлением этих изданий.

Примечания

¹ Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского / сост. Л.Ю. Аристова. М., 2000.

² Москвич. Гибель библиотеки О.М. Бодянского // Газета А. Гатцука. 1880. г. 6. Т. 6. № 15 (12 апр.). С. 259–260.

³ *Плющ М.А.* Информация о частных библиотеках, вошедших в фонд библиотеки Государственного исторического музея до 1917 г. (обзор) // Научно-техническая информация: ежемесячный научно-технический сборник. Серия 1: Организация и методика информационной работы. М., 2009. № 10. С. 23–32.

⁴ *Ковригина С.И.* О.М. Бодянский (книги из его библиотеки в Отделе хранения основных фондов РГБ) // Румянцевские чтения: материалы международной научной конференции (11–13 апр. 2006). М., 2006. С. 133–137.

⁵ *Горфункель А.Х., Николаев Н.И.* Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета // Неотчуждаемая ценность. Л., 1984. С. 174; *Сапожникова О.С.* Экземпляры из личной библиотеки О.М. Бодянского в Библиотеке Бестужевских курсов // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 1–2. С. 247–258.

⁶ *Аристова Л.Ю.* Осип Максимович Бодянский как источниковед и исследователь славянских языков: Автореф... дис. к.ф.н. М., 2007.

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.2.1

К. И. Гуревич

Образ половцев-союзников в ранних древнерусских летописях

Половцы — тюркоязычные кочевники, населявшие евразийские степи с начала XI до середины XII в. Половцы не имели единого государства, хотя занимали обширные территории, простиравшиеся от бассейна Иртыша до нижнего течения Дуная. Отсутствие централизованного управления, позволявшее элите крупных половецких родов действовать сообразно с собственными интересами, определило чрезвычайное разнообразие политических взаимодействий между половцами и средневековыми государствами. Прежде всего, половцы, находясь в непосредственной близости от древнерусских княжеств, оказали существенное влияние на историю Киевской Руси.

Многочисленные описания половецких набегов и страданий «мирных христиан» от рук «поганых», приведенные в древнерусских летописях, а также детальное повествование о ряде антиполовецких кампаний сформировали в последующей историографической традиции (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) восприятие половцев как серьезных противников в исконной борьбе «леса со степью». Не вдаваясь в детали и возможную критику концепции такой борьбы, следует отметить, что негативный образ половцев-врагов здесь во многом следует заданной летописцем системе представлений о «безбожных», «окаянных» половцах, «источнике всякого зла»¹. Тем не менее, все больше и больше современных исследователей обращают внимание не на эпизоды

конфликтов, где половцы олицетворяют противодействующее начало, но на случаи взаимовыгодных контактов между Рюриковичами и половцами².

В своей работе я смещаю фокус с исторического анализа многочисленных союзов половцев и русских князей к анализу репрезентативного аспекта этих взаимодействий, то есть к анализу того образа половца-союзника, который сформировался в летописной традиции благодаря приписыванию половцам определенных черт. Я склонна утверждать, что между образом половца-союзника в летописях и актуальной практикой союзнических отношений существует значительное расхождение, не преодолеваемое на протяжении всего периода политического сотрудничества между половецкими и русскими князьями.

Половцы появляются у границ русских княжеств в середине XI в. Уже к концу столетия, как сообщают древнерусские летописи, Рюриковичи начинают устанавливать с половцами матримониальные контакты: после периода «узнавания» нового соседа и частого противника начинается этап кооперации на уровне половецкой и русской элиты. Князья стремятся использовать военные качества половцев наиболее эффективным образом, при этом неизбежно оказывается, что одни группы половецких родов мало склонны к «сотрудничеству», а другие обеспечивают военную поддержку для отдельных родов Рюриковичей в течение нескольких поколений. Здесь стоит обратить внимание, что летописный нарратив использует прямую речь при описании подобной поддержки. Половцы «оживают» на страницах летописей и, например, спрашивают у своих русских родственников, «не нужно ли прийти на помощь». Важно, что летописец уделяет пристальное внимание половецкой генеалогии, тщательно следит за всеми внутриродовыми связями половцев и при случае их актуализирует.

Союзы с половцами — чрезвычайно долговременная практика. Первое упоминание о мирных соглашениях с половцами появляется в Повести временных лет уже в 1055 г., а последние записи относятся к первой четверти XIII в.

Тем не менее во всей летописной традиции обращает на себя внимание монотонность и повторяемость нарративных формул. Более 150 лет записи о союзах обладают примерно одинаковым наполнением и следуют похожей модели: заключен тот или иной союз, произошел тот или иной совместный поход, тот или иной половецкий или русский князь был захвачен в плен. Подобная монотонность может быть только частично объяснена природой летописного источника, так как повествования о взаимодействиях русских князей часто обладают гораздо более живописными деталями.

Я склонна полагать, что враждебность, столь явно присутствующая в описаниях ранних половецких набегов оказала влияние и на описание союзов с половцами. Хотя ни одна из древнерусских летописей прямо не обвиняет Рюриковичей, заключающих союзы с половецкими князьями и берущих в жены половецких княжен, древнерусский книжник не упускает возможности обвинить половцев (уже вступивших в союз с русским князем) в чинимых ими злодеяниях и указать на языческую природу половцев. Более того, половцы часто связываются с идеей принадлежности (особенно ясно это прослеживается в статьях Киевской летописи, в эпизодах, где Юрий Долгорукий идет в тот или иной поход со своими половцами).

Половцы представлены как вспомогательное, но в то же время опасное средство в княжеской междоусобице. Характеризовать отношение летописца можно с помощью метафоры обоюдоострого меча, который возводят князья на своих врагов, но которой неизбежно в итоге поражает христианское общество. Чаще всего летописец говорит только об одной стороне меча, умалчивая о преимуществах союза для русских князей. Именно здесь можно наблюдать существенный разрыв между восприятием половцев в летописной традиции и их активной вовлеченностью в политическую жизнь Руси. Заключая союзы с Рюриковичами, половцы постепенно вовлекались в дипломатические практики, разрабатываемые и активно используемые на Руси. В подобной ситуации половцы не могли не принять существующие формы полити-

ческого поведения. Летописец, безусловно, в курсе участия половцев в политической практике: не случайно довольно часто половцы оказываются в центре повествования о политическом церемониале. «Куманоцентричность» дипломатических сцен особенно ярко выражается на лингвистическом уровне: дейктические модели, используемые летописцем, соотносятся с перспективой половецких, а не русских князей. Тем не менее вовлеченность половцев в дипломатические церемониалы не влияет на создание положительного образа половцев. Будучи «партнерами» в политических делах, половцы для книжника остаются противниками в экзистенциальном смысле. Различие в перспективах летописца и Рюриковичей видно на всем протяжении летописной традиции. Одно поколение князей сменяет другое, взаимодействие с половецкой элитой сохраняется, но летописец продолжает скрыто упрекать русских князей за связи с половцами (особенно репрезентативен в этом случае пример рода Олега Святославича).

Таким образом, когда в первой трети XIII столетия половцы терпят сокрушительное поражение от татар, летописец не только не проявляет сочувствия к бывшим союзникам, но и преподносит разгром половцев как вполне заслуженную кару за все злодеяния «поганных». Учитывая обозначенную статичность летописного восприятия половцев на фоне нарастающей динамики сотрудничества, можно сделать вывод, что за долгие годы практического взаимодействия с половцами перспектива летописца так и не приблизилась к принятию этого ближайшего языческого союзника многих русских князей.

Примечания

¹ ПСРЛ, II, 628, 634.

² См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013; Конявская Е.Л. Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // Слов'яне (Slovene). 2015. Vol. 4. № 1. С. 180–190; Добровольский Д.А. Восприятие половцев в летописании XI–XII вв. // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 286–294.

Отношения Балшичей и Венеции в конце XIV в. в контексте турецкого нашествия

Государство Балшичей появилось на политической карте Балкан еще в период правления царя Уроша, сына Стефана Душана. Их земли были расположены в Зете, в которой находились прибрежные города, интересные для торговли и экономики в целом, а сам регион был важным в экономическом и геополитическом плане. С возникновения государства Балшичи активно участвовали во внешнеполитических делах, расширяя свою территорию, а также стремясь усилиться экономически.

Венеция была одной из сильнейших морских республик средневековья, у которой были выстроены отношения с целым рядом государств. Она участвовала и в политической жизни балканских народов. Во второй половине XIV в. ее могущество было поколеблено, Венеция проиграла войну с Венгрией и лишилась своих владений в Далмации, в том числе и власти над Дубровником. Активная фаза турецкого нашествия на территории бывшего Сербского царства началась после битвы на Марице 1371 г., однако земли Балшичей ощутили угрозу лишь в 80-х гг. XIV в.

Два активных игрока на локальной политической арене не могли не привлечь внимания друг друга. Актуальны вопросы: каковы были цели политики Балшичей по отношению к Венеции и Венеции по отношению к Балшичам, насколько результаты отвечали своим целям, а также как турецкое нашествие повлияло на отношения двух стран.

Потеряв северную часть Адриатического побережья на Балканах, Венеция предприняла попытки упрочить свое положение в центральной и южной части балканского Адриатического побережья. Во второй половине XIV в. Венеция

вмешивалась в конфликты различных государств, стремясь смягчить противоречия враждующих сторон в целом и выступить покровителем Котора в частности. Котор был бы для нее своеобразной заменой Дубровника. Впоследствии Венеции пришлось переключиться с Котора на города Балшичей, которые ей были интересны и как торговые города, и как опорные пункты.

В 1385 г. Балшичи просили у Венеции четыре галеры для борьбы с турками, постоянно нападавшими на их земли, и Венеция была готова помочь, если бы Балшичи объяснили, где и как они планируют применять корабли¹. Вероятно, Балшичи хотели использовать флот против Боснии², а потому Венеция, не желавшая портить отношения с Боснией, через которую она могла бы повлиять и на Венгрию, ответила отказом.

Просьбы о получении кораблей на этом не закончились. В 1389 г. Георгий II Страцимирович Балшич дважды обращался к Венеции за разрешением владеть двумя кораблями для защиты от восставшего слуги³, при этом были наложены определенные ограничения на выход в море⁴. Венеция, предоставившая помощь Георгию в борьбе против отколовшегося от него феодала Радича Црное, сама не была его противником, хотела получить занятую им крепость Лежу⁵ и даже даровала ему венецианское гражданство⁶, правда, после того, как сам Георгий попал в турецкий плен. От Георгия турки требовали передачи Улциня и других земель. Венеция, не желавшая перехода этих городов в турецкие руки, пыталась убедить супругу Георгия продолжать борьбу и не соглашаться на требования⁷.

Георгий II сумел освободиться из плена в 1393 г., передав туркам Скадар, Дриваст и торг святого Сергия. Тогда же он безуспешно требовал у Венеции вернуть крепость Лежу⁸. Георгий также предлагал Венеции вернуть Скадар, но та отказалась⁹. Однако вскоре Венеция решила узнать, может ли он это сделать¹⁰. Возврат утерянных городов произошел лишь в 1395 г.¹¹, после чего Георгий II четыре раза предлагал Венеции принять данные земли в обмен на компенсацию¹². В четвертый раз Венеция приняла предложение, и

в 1396 г. был заключен договор, по которому Венецианская республика получала возвращенные Георгием земли, а он ежегодно получал компенсацию и венецианское гражданство¹³. Единственными землями, которые он сохранил, были Улцинь и Бар с окрестностями¹⁴.

Так, Венеция в условиях турецкой опасности использовала возможность мирно получить города, лежащие на морских и сухопутных торговых путях. Этим она упрочивала свое экономическое и военное положение, а также получала опорные пункты для морских торговых путешествий в Левант и некоторую выгоду от сухопутной торговли. И хотя по своему значению приобретенные территории были менее важными, чем Драч, получены они были на схожих условиях. Балшичи же пытались использовать Венецию для своего усиления, особенно в военно-морском плане. Подобное желание встречалось и ранее. Как и прежде, Венеция далеко не всегда удовлетворяла просьбы сербских феодалов. В ходе турецкого нашествия Балшичам пришлось выбирать из двух зол, и в итоге был сделан выбор, который более всего обезопасил их от новых нападений турок.

Примечания

¹ CCCXIII // *Ljubić Sime*. Listine o jednošaju između južnog slavenstva i Mletačke republike. Knj. 4. Zagreb, 1874. S. 219–220.

² Ђук Р. Србија и Венеција у XIII и XIV веку. Београд, 1986. С. 91; Историја Црне Горе. Титоград, 1970. Књ. 2. Т. 2. С. 47–48.

³ CCCLXXXIII // *Ljubić Sime*. Listine o jednošaju ... S. 268; CCCLXXXVI // *Ibid*. S. 270.

⁴ Историја Црне Горе... С. 54.

⁵ CCCSXXXIX // *Ljubić Sime*. Listine o jednošaju ... S. 305.

⁶ CCCSXXVIII // *Ibid*. S. 301.

⁷ CCCSXXV // *Ibid*. S. 295.

⁸ Историја Црне Горе... С. 60.

⁹ CCCCLX // Listine o jednošaju ... S. 324.

¹⁰ CCCCLXXIX // *Ibid*. S. 337.

¹¹ Ђук Р. Србија и Венеција... С. 94.

¹² D // *Ljubić Sime*. Listine o jednošaju ... S. 350; DI // *Ibid*. S. 351; DIII // *Ibid*. S. 353–354; DIV // *Ibid*. S. 354; DV // *Ibid*. S. 355; DVI // *Ibid*. S. 356–358.

¹³ DXIV // *Ibid*. S. 365–372.

¹⁴ *Спремић М*. Србија и Венеција. (VI–XVI век). Београд, 2014. С. 61.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.2.3

И. П. Ридэль

Между Римом и Прагой. Ян Пршибрам — католический гусит и гуситский католик

Чешское реформационное движение XV в. заключало в себе множество прямо противоположных позиций. Противоречия среди гуситов связаны в первую очередь с различием в степени их радикализма. Самые радикальные представители гуситского движения (пикарты) с точки зрения умеренных гуситов-пражан были еретиками. Более умеренные табориты, хотя тоже постоянно находились на подозрении в ереси, однако были готовы к конструктивному диалогу с Прагой. Вместе с тем сами табориты обвиняли пражан в соглашательстве с папой римским, отказе от борьбы за евангельскую истину и идеалов Яна Гуса.

В этой ситуации особняком стоит фигура Яна Пршибрама, одного из выдающихся деятелей Чешской Реформации XV в., который не примкнул ни к пражанам, ни к таборитам, ни к лагерю католиков, в чем первые две группы его обвиняли, но занял свою совершенно особую позицию между Римом и Прагой.

Ян Пршибрам стал магистром Пражского университета в 1413 г., в самый разгар борьбы Яна Гуса против римского папы Иоанна XXIII. Он был искренним сторонником Гуса и затем стал одним из самых идейных сторонников причащения мирян под двумя видами. Однако, столкнувшись после казни Гуса с реалиями гуситских войн, а также с религиозным брожением умов, он занял наиболее умеренную и дипломатичную позицию среди гуситов. Пршибрам принимал активное участие в переговорах гуситов с католическим Базельским собором, в результате которых в 1433 г. были приняты Базельские компактаты, по которым католическая церковь признавала на территории Чешского королевства причащение мирян под двумя видами.

Пршибрам считал, что компактаты абсолютно достаточны для примирения, и требовать от Рима большего противоречит даже идеям Гуса. Но при этом он был убежден, что причащение мирян под двумя видами должно считаться допустимым для всей католической церкви, а не только для Чехии. Причащение мирян из чаши Пршибрам воспринимал как сущность и смысл гуситского движения, все остальное рассматривая как вещи дополнительные.

Такая промежуточная позиция способствовала тому, что в 1439 г. Ян Пршибрам был избран администратором Пражского архиепископства. Однако, оказавшись меж двух огней, он так и не смог стать популярным среди горожан. И через девять лет, когда Прагу заняли войска Иржи из Подебрад, Пршибрам был заменен более независимым от Рима Яном Рокицаной, с которым он постоянно дискутировал и даже написал трактат «Против Рокицань». Несмотря на это, Пршибрам считал, что Рокицана — это компромиссная фигура, которая может быть архиепископом Праги. Он верил и надеялся, что Рим действительно заинтересован в компактатах и поэтому согласится на кандидатуру Рокицаны, но, как показало время, он ошибался.

После прихода Иржи из Подебрад к власти в 1448 г. Пршибрам отходит на второй план и вскоре умирает, так и оставшись при своем убеждении, что ни Риму нельзя без утраквизма, ни утраквизму нельзя без Рима.

От Яна Пршибрама до нас дошло несколько полемических трактатов. Его труд «Жизнь таборских священников» представляется наиболее любопытным из них. Главной целью этой книги было оправдание умеренных гуситов и исправление «заблудших»: «[Мы,] верные чехи, любящие чешский народ», не можем терпеть унижение «сирой земли чешской», жаждем полного «исправления всей святой церкви и всех верных чехов»¹.

Истинные христиане, по его мнению, как не могут не признавать над собой власти римского папы, так не могут и не признавать того, что причащение под двумя видами — важное условие спасения, согласное с Писанием. Пршибрам

соединяет католическую и утравкистскую позиции, считая, что избрание лишь одной из них приведет к неполноте христианства. Табориты-радикалы, вводя новые обряды и обычаи в церковь, унижают «великое христианство по всему свету от апостолов и доныне»².

Метод Пршибрама крайне рационален и последователен, он берет существующую практику таборитов или отдельные аспекты их учения и сравнивает с тем, что писали не столько даже отцы Церкви (он понимает, что они для таборитов не особо авторитетны), а те, кого сами радикалы называли отцами и учителями, Ян Гус и Джон Виклеф. Такой метод ясно показывает читателю, что радикалы зашли в новациях гораздо дальше своих предшественников.

«Боюсь, как бы [табориты], желая быть мудрейшими, не были глупейшими, желая быть самыми святыми — не были бы самыми проклятыми, желая быть самыми верными — не были бы самыми заблудшими»³ — пишет Пршибрам. Сравнивая учение таборитов о святых и Деве Марии с тем, что писали Виклеф и Гус, автор приходит к заключению, что те как раз не выходили за рамки общецерковной нормы, в то время как их «последователи» отвергли учение церкви. Отказываясь от почитания Девы Марии и святых, табориты «унижают Закон Божий». И помимо католиков они, таким образом, осуждают «вместе с Яном Гусом и всеми верными чехами», жившими когда-либо, «и своего Виклефа»⁴.

В том, что касается спора о реманенции⁵, табориты, казалось бы, полностью согласны с Виклефом. Они, так же как и он в своей книге «О Телѣ Божиѣм», заявляют, что хлеб и вино в Причастии являются Тѣлом и Кровью Христа лишь символически. Но Пршибрам и здесь возражает радикалам: Гус и пражские магистры осудили учение Виклефа о причащении еще в 1409 г. и запретили под страхом исключения из университетской нации кому-либо, не имеющему степени магистра читать его труды, посвященные этой теме⁶. Да и сам Виклеф, после того как церковный собор осудил его учение о Евхаристии, покался и, признав, что «часто заблуждался», отрекся ото всего из своих учений, что «против

Священного Писания». Пршибрам даже приписывает Виклефу следующие слова: «Признаю, что долгое время был обольщен лжеучением о Теле Божиим»⁷. То есть получается, что и в учении о Евхаристии табориты расходятся как с Гусом, так и с Виклефом.

Виклеф также писал, что папская власть важнее светской, как душа важнее тела, и что римского папу надо слушать, как святого Петра⁸, табориты же почитали папу за Антихриста. При этом они превозносили Виклефа и воевали с каждым, кто смел назвать его еретиком, хотя сами же называли еретиками тех, кто (как Виклеф) почитает святых, Деву Марию и уважает римского понтифика и (как Гус) верит в реальное присутствие Христа в Евхаристии. По мнению Пршибрама табориты слушают и Виклефа, и Гуса, только когда им это выгодно, замалчивая то, что противоречит их собственным взглядам⁹.

Обращается он и к отцам католической Церкви: «кому Церковь — не мать, тому Бог — не Отец» — ссылается он на Киприана Карфагенского. Если табориты не почитают «столицу святого Петра, на которой основана Церковь Христова», как они могут находиться в этой Церкви?¹⁰ Здесь он рассуждает как истинный католик и сторонник папского примата, ссылается на отцов Церкви и на схоластические авторитеты.

Завершается труд Пршибрама напоминанием о том, что на соборе в Констанце даже Гус отрекся от «лжеучений» Виклефа, заявив обвинителям: «Что вы меня вините Виклефом? Что мне до него? Он — не чех и не отец мой, он — англичанин, поэтому о том, писал ли он ересь, пусть вам отвечают англичане»¹¹. Пршибрам завершает свой трактат следующим призывом ко всем чехам-гуситам: «Давайте и мы, чехи, скажем (как Гус): что нам до Виклефа? Он — ни чех, ни отец наш, поэтому мы не хотим иметь его ни за апостола, ни за евангелиста... Не хотим “виклефами” слыть, чтоб не взять на себя его заблуждений и не противостать Богу и всему христианству».

Слова Гуса Пршибрам приводит в качестве авторитетного заявления для всех чехов, в том числе и для самого себя:

«Если Виклеф на небесах, пусть молится за нас, если он в чистилище, помоги ему, Бог. Если он в аду — слава Богу за все!».

Так в мировоззрении Яна Пршибрама причудливо сплетаются католическое миропонимание и авторитет гуситства. Он был фактически единственным гуситом, которому было реально достаточно Базельских компактат, и единственным католиком, который принципиально придерживался причастия под двумя видами: самым гуситским католиком и самым католическим гуситом. Тот компромисс между католицизмом и утраквизмом, который так долго искали, нашел свое воплощение в личности Яна Пршибрама, но не смог достичь большего распространения из-за принципиальных различий в мировосприятии сторон: католики воспринимали компактаты как временную уступку, а гуситы — как первую из необходимых, что и стало в итоге причиной отмены компактат со стороны Рима.

Благодаря своей уникальности, мировоззрение Яна Пршибрама представляет чрезвычайный интерес, и позволяет глубже понять эпоху Чешской реформации, как с католической, так и с гуситской стороны.

Примечания

¹ Výbor z literatury české, d. 2 (XV–XVI). Praha: České Museum, 1868. S. 409–411.

² Ibid. S. 412.

³ Ibid. S. 420.

⁴ Ibid. S. 412.

⁵ Реманенция — (от лат. «сохранение») учение английского богослова XIV в. Джона Викафа (затем распространенное среди протестантских церквей), о том, что в Евхаристии во время причащения, хлеб и вино остаются хлебом и вином и лишь символически напоминают о Теле и Крови Христа.

⁶ Ibid. S. 428.

⁷ Ibid. S. 427–428.

⁸ Ibid. S. 422.

⁹ Ibid. S. 426.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. S. 429.

Повседневная жизнь шляхты сквозь призму частной дело- производственной практики (на основе инвентарей Великого княжества Литовского XVI в.)

К началу XVI в. под влиянием польской письменной традиции сложилась устойчивая практика канцелярского оформления шляхетским сословием всех текущих юридических фактов. Впитывая и ретранслируя традиции и обычаи, стереотипы и нормы поведения, частные документы позволяют увидеть ментально-культурные и ценностные ориентиры раннеמודерного литовского общества.

В данном контексте особое внимание заслуживают инвентарные материалы, фигурирующие в актовых книгах с начала XVI в. под названиями «реестр / регестр» (*registr*), «опись / выписанье / списанье», с середины столетия все чаще как «инвентарь» (*inwentarz*), «реестр, або (альбо) инвентарь». Это описательно-статистические документы, составлявшиеся как для личного хозяйственного учета владельцем имения получаемых доходов и общего состояния собственности, так и при заключении имущественных сделок: передаче в арендное держание, купле-продаже имения, обмене, дарении, разграничении, залоге имущества, составлении вводных листов по смерти владельца и проч. Важно отметить, что инвентари всегда выполняли функцию разъяснения и дополнения сделки, а их содержательно-информационная часть во многом зависела от целей составления. Ввиду этого реестры могли представлять подробное, разноплановое или частичное, узконаправленное описание движимого и недвижимого имущества. Содержащиеся сведения и причины составления превращают инвентари в массовый и ценный источник по истории землевладения, этнологии,

топонимики, языкознания, архитектуры, ремесла, промыслов Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Несмотря на это, отечественная и зарубежная историография устойчиво позиционирует инвентари исключительно как источник по аграрной истории княжества. Бесспорно, реестры занимают главенствующее положение в изучении проблем организации и функционирования аграрных хозяйств, распределения земельного фонда внутри шляхетского сословия, дают многочисленные сведения об изменениях в экономическом положении населения, размерах наделов, о рентных, даннических отношениях и т. п. Такое однонаправленное рассмотрение данного источника оставляет в тени весь спектр выполняемых инвентарными документами функций в повседневной практике шляхты. В стороне от исследователей остаются и вопросы устройства быта основных сословий княжества, существующие представления о материальных ценностях шляхты, проблемы восприятия пространства и границ.

Основная цель доклада — рассмотреть инвентари в ракурсе источников, отражающих повседневную жизнь шляхты ВКЛ. Для исследования взяты опубликованные частновладельческие акты¹, охватывающие территории Виленского, Минского, Трощского, Берестейского воеводств и Жмудской земли.

Инвентарные материалы в течение XVI в. прошли трансформацию от произвольно-ситуационной формы составления до формализованной, однотипной системы инвентаризации. Однако важно вывести общую для рассматриваемого периода классификацию этих документов с целью проведения системного анализа содержания. В рамках темы нашего исследования наиболее подходящим представляется деление инвентарей согласно выполняемой ими функции: 1) акты разграничения шляхетских земельных владений; 2) хозяйственные описи; 3) реестры, составленные по смерти владельца имения.

Первый вид инвентарей — межевые или разграничительные документы. Знание границ было необходимо при всяком акте гражданской сделки по имению, будь это про-

дажа, дарение, залог, передача по наследству или в опеку. Нередко возникали судебные споры и тяжбы по нарушению пределов земельных владений, захвате чужих территорий и проч. В XVI в. в ВКЛ была известна практика обозначения границ двумя способами: составление словесной описи межи, то есть инвентаря, либо топографическая фиксация. В исследуемый период преимущественно в западной части княжества для нужд господарей Литвы и крупной магнатории составляли карты, отражающие отношения собственности и установления границ². Несмотря на достаточно примитивную форму, данный способ был материально недоступен средней и мелкой шляхте. Видимо, составление языковой описи границ по искусственным (копцы) и естественным пограничным знакам и ориентирам (деревья, водоемы, мох и т. п.) было менее затратным мероприятием, чем графическая фиксация пределов земельных владений (оформление карт и планов) и измерение точных площадей. Поэтому для большинства шляхты именно «инвентарная карта» служила доказательством меры их владений или держаний.

Хозяйственные описи являются самым распространенным видом инвентарной записи, составлявшейся при актах купли-продажи, закладе, передаче в держание имений, ведении личного учета экономического состояния владений и т. п. Документы содержат многочисленную информацию о материально-предметной обеспеченности шляхетской повседневной жизни. Помимо описания количества земельных наделов, податного населения, структуры владений, фиксировались виды и состояние построек, утвари (количество, материал), виды съестных припасов и выращиваемых культур, составлявших повседневный рацион. Особое внимание уделялось перечислению фруктовых деревьев в садах, скота, хранящихся спиртных напитков и проч. В хозяйственных описях нашло отражение изменение осмысления шляхтой земельного богатства.

В первой трети XVI в. Литва еще не воспринимала площади как квадратуры: «пахотная земля измерялась посевыми бочками, сенокосы — возами полученного сена»³, еди-

ницей податного обложения был двор. В основе представления о богатстве лежало количественное восприятие имеющихся у человека служб. Проведенная во второй половине столетия «волочная помера» внедрила в жизнь дворянства единицу измерения земельной площади — волоку, которая была взята за основу обложения податями. Теперь доход с имений напрямую зависел от размера крестьянской пашни и территории, отведенной под фольварк. Таким образом, в первой половине XVI в. земельное богатство мыслилось в обладании как можно большим количеством крестьянских хозяйств, а с 60-х гг. XVI в. во владении обрабатываемыми и окультуренными земельными наделами. Размер земельной площади лежал теперь в основе оценки материального положения человека.

Инвентари, составленные по смерти владельцев имений, представляют наиболее интересный вид описи для исследователей материальной культуры литовской шляхты. Документы содержат подробное перечисление одежды, книг, украшений, оружия, сбруи, карет, спальных принадлежностей и т. п. с указанием размеров, формы, материала, места изготовления, а порой и стоимости предметов. Как правило, эти реестры составлялись возным для передачи имущества новому владельцу при отсутствии завещания. Поэтому описывалось все, что «зостали» на месте почти что сразу после смерти собственника.

Таким образом, можно отметить многозначность исполняемых инвентарями функций в повседневной жизни шляхты. В течение XVI в. усложнялась организация имущественных юридических отношений, что связывалось с увеличением количества частного земельного фонда. Практическая социальная необходимость поставила запрос на универсальный вид документа, которым стали описи. Инвентари способны стать прочной источниковой базой для глубокого изучения специалистами социальных феноменов раннеמודерного общества Восточной Европы в дальнейшем.

Примечания

¹ Акты, издаваемые Комиссиею, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Вильна, 1887. Т. 14. С. 1–655; Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской (далее — ИЮМ). Витебск, 1890. Вып. 20. С. 355–357, 376–382, 384–387, 442–449; ИЮМ. Витебск, 1891. Вып. 21. С. 256–257; ИЮМ. Витебск, 1903. Вып. 31. С. 5–8, 35–37, 72–73.

² *Aleksandrowicz S. Kartografia Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku.* Warszawa, 2012. P. 135–138.

³ *Гудавичус Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года.* М., 2005. Т. 1. С. 385.

ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.3.1

М. В. Полякова

Протонациональные и конфессиональные мотивы в идеологии Барской конфедерации 1768–1772 гг.

Отправной точкой моего исследования был следующий вопрос — было ли в текстах польской культуры второй половины XVIII в. выражено национальное самосознание? Через призму текстов Барской конфедерации я хотела выяснить, мыслили ли поляки XVIII в. в этнических категориях и как взаимодействовала этническая самоидентификация с конфессиональной. Под этнической и конфессиональной самоидентификацией я подразумеваю такие конструкции в сознании, в которых чувство коллективной идентичности выражается в формуле «мы — поляки» или в формуле «мы — католики».

Представления, функционировавшие в сознании шляхты, отразились в текстах Барской конфедерации (манифестах, универсалах, письмах, религиозных песнях, мемуарах). Документы релевантны в области того, как авторы текстов БК или формировали, или отражали массовое сознание, показывая представления, взгляды, идеи участников конфедерации об окружающей их реальности.

Исследуя источники, я проверяю гипотезу о том, что «конфессиональное» противоречит «протонациональному» и о том, что, возможно, «протонациональные» представления постепенно вытесняют «конфессиональные». Искусственно разделив мотивы источников на «протонациональные» и «религиозные», я задаю ряд вопросов:

► Что подразумевается в данном тексте под определениями «польский народ» и «католический народ»?

► Как соотносятся понятия «шляхетского народа» и «польского народа»?

► Как именно взаимодействуют конфессиональные и протонациональные мотивы, возникает ли между ними некое противоречие?

► Можно ли уловить в текстах конфедерации обособление протонациональных представлений от религиозных?

► Являются ли тексты выражением тенденции к рождению представления об общности всех поляков безотносительно к сословной стратификации польского общества?

Из представленных источников (документальных, корреспонденции и мемуаров) следует, что в Польском государстве в XVIII в.:

а) существовало представление о поляках, которое можно понять как представление об этническом сообществе, представление об общности поляков, отличной от соседей и имеющей свою историю и государство;

б) в изученных текстах понятие «польский народ» имеет два смысловых значения: во-первых, это «шляхетский народ», состоящий уже не из сарматов, а из поляков, защищающий Польское государство и обладающий древними правами и вольностями; во-вторых, это «весь народ», т. е. несколько сословий — шляхта, духовенство, городские жители, и, возможно, крестьяне (эти тексты не всегда поддаются однозначной интерпретации);

в) противоречивость и «домодерность» этих представлений выражается в том, что определение «польский народ» понимается как одновременно католическое сообщество (исключаются протестанты, православные и евреи). Однако представления о народе не сводятся к тому, что это католический народ. Соответственно, католичество является атрибутом польского народа. С одной стороны, оно объединяет различные сословия (народ «поверх» сословий), но, с другой стороны, «выталкивает» из определения «народ» иноверцев.

Также я рассмотрела религиозные представления в идеологии Барской конфедерации в соотнесении с протонациональными.

Исследуя источники, мы видим следующее:

- а) между «религиозным» и «протонациональным» существует определенное напряжение, однако, не во всех текстах;
- б) тексты показывают, как функционируют библейские мотивы в идеологии конфедерации, более того, по данным текстам, вероятно, можно проследить, как библейские начала «подпитывают» протонациональные представления;
- в) источники свидетельствуют о глубокой религиозности конфедерации, схожей с религиозностью сарматизма;
- г) тексты позволяют утверждать, что идея «польскости» возникает как надсословная или даже антисословная.

В заключение я сделала следующие выводы:

1. Тексты Барской конфедерации противоречивы. С одной стороны, в них есть высказывания о «польском», где под народом подразумевается только шляхта. С другой стороны, есть высказывания, где под определением «польский народ» понимается и шляхта, и другие сословия. То есть существует определенная двусмысленность определения «польский народ». Эта неопределенность обусловлена существованием нескольких идейных трендов в сознании авторов текстов. Прежде всего, это остатки сарматских представлений о шляхетском народе. В то же время развиваются инспирированные идеологией Просвещения национально-патриотические взгляды. Взаимодействие этих тенденций в польской общественной жизни происходит на фоне глубокой религиозности.

2. Огромный вес в текстах имеет католицизм. Католическая вера вступает в противоречие с идеей национальной принадлежности, и тексты отражают это напряжение. Это частный пример конфликта между христианским универсализмом и идеей принадлежности к определенной нации.

3. Тексты свидетельствуют о существовании тенденции к тому, что католицизм отступает и «протонациональное» выделяется как отдельный мотив.

Итак, мы получили аргумент в пользу того, что в эпоху Барской конфедерации уже существуют тексты, которые формируют национальную идеологию. Соответственно, на вопрос, существовал ли в Польше XVIII в. национализм, мы получаем относительно утвердительный ответ. Тексты Барской конфедерации — это источники, которые позволяют говорить о формировании идеологии польского национализма (общесловного) уже в XVIII в. Данная работа является попыткой внести вклад в решение вопроса о формировании польского национального самосознания в XVIII в.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.3.2

П. Динеш

Путешествие императора Иосифа II по России в 1780 г. глазами императорского духовника Ф.К. Калатаи*

Венгерская историография пока сделала непростительно мало для анализа отношений Иосифа II (1780–1790) и Екатерины II (1762–1796). Можно сказать, что «король в шляпе», прозванный так за отказ короноваться венгерской короной, интересовал венгерских историков преимущественно, даже исключительно, как венгерский король, т. е. с точки зрения его внутривнутриполитических реформ.

Такая диспропорция особенно бросается в глаза, если посмотреть на историю российско-австрийских отношений в XVIII в. В период между 1873 г. и 2017 г. в свет вышли 23 обобщающие работы по истории Венгрии на венгерском языке: только в каждой пятой можно прочесть о первом пу-

* Статья написана при финансовой поддержке программы «Kutatási kapacitások és szolgáltatások komplex fejlesztése az Eszterházy Károly Egyetemen» («Комплексное развитие исследовательских возможностей и услуг Университета им. К. Эстерхази») № EFOP-3.6.1-16-2016-00001.

тешествии Иосифа в Россию (1780) и только в каждой шестой — о втором русском путешествии императора (1787), хотя эти события непосредственно повлияли и на Венгрию. В сравнении с венграми, по понятным причинам, намного больших результатов добились австрийские¹ и российские² ученые. Самой новой и полной на сегодняшний день работой в России является книга М.А. Петровой «Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза 1780–1790»³.

В своем докладе я хочу представить дневник, который вел венгерский священник Ференц Ксаверий Калатаи (1722–1795), сопровождавший Иосифа II в путешествии по России в 1780 г. Калатаи родился в Офалу на северо-востоке Венгрии, учился в Вене, где вступил в Общество Иисуса, после этого продолжил учебу в Граце, Капшше (ныне Кошице, Словакия) и Эгере. В 1760 г. он стал армейским капелланом, некоторое время преподавал в Будайском университете, но вернулся в армию, служил полковым священником, получил назначение генеральным викарием в военный ординариат Галиции, Лодомерии и Буковины. Именно в этот период он попал в свиту направлявшегося в Россию Иосифа II как императорский исповедник⁴.

У нас нет сведений о том, что Калатаи вел дневник путешествия, но известно, что по возвращении домой он записал свои впечатления, причем, как минимум, дважды. Первый раз по заказу барона Кароя Ревецки, второй — по просьбе неизвестных граждан Эгера. Оба «отчета» были написаны на латыни. Первый увидел свет (в оригинале) в 1806 г. в Надьвараде (Орадя Маре, Румыния)⁵, затем в 1823 г. появился его перевод на венгерский язык под редакцией Миклоша Понори-Тёрёка в венгерском научном журнале «Научная Коллекция» (*Tudományos Gyűjtemény*)⁶. Наконец, в 1831 г. в Вене и в 1841 г. в Брашшо (Брашов, Румыния) были напечатаны немецкие переводы воспоминаний о поездке в Россию⁷.

Вторую редакцию записок уже в XX в. обнаружил историк Д. Капошвари в личном фонде известного археолога В. Хилда и опубликовал их в 1959 г., используя сделанный

Хилдом перевод⁸. Ни оба оригинальных латинских текста, ни их переводы еще никто не сопоставлял. Даже Капошвари в 1959 г. ничего не писал о других публикациях, хотя он ставил себе целью выявление, сравнение и источниковедческий анализ дошедших до наших дней копий⁹. Эта исследовательская программа так и не была выполнена и остается задачей будущего.

В докладе — в качестве первого шага к комплексному исследованию разных редакций воспоминаний Ф.К. Калатаи — я предлагаю краткий пересказ основного содержания записок императорского духовника. Это, прежде всего, инструкции, данные лично Иосифом II своим попутчикам, впечатления от крупных городов, где побывал Калатаи (Киев, Могилёв, Смоленск, Москва и Санкт-Петербург), характеристики Екатерины II и русского двора, описание встреч с людьми разных сословий, в том числе действовавшими в России иезуитами, живые сцены общения монархов и досуга австрийского императора.

В заключение необходимо отметить, что путешествие в Россию повлияло на дальнейшую карьеру Калатаи: по возвращении он был назначен каноником в Лемберге (Львов, Украина), в 1787 г. получил епископскую кафедру в Надьвареде.

Примечания

¹ *May W.* Die Reisen Joseph II. nach Russland 1780 und 1787 // Österreich zur Zeit Kaisers Joseph II. — Mitregent Kaiserin Maria Theresias, Kaiser und Landesfürst. Katalog der Niederösterreichischen Landesausstellung in Stift Melk 1980 / Hrsg. von K. Gutkas. Wien, 1980; *Donnert E.* Joseph II. und Katharina II. Ein Beitrag zu Österreichs Russland- und Orientpolitik 1780 bis 1790 // Österreich im Europa der Aufklärung: Kontinuität oder Zäsur in Europa zur Zeit Maria Theresias und Josephs II / Hrsg. von R.G. Plaschka. Wien, 1980. Bd. 1. S. 575–592; *Idem.* Die Russlandreise Josephs II. im Jahre 1780 // Deutsch-russische Beziehungen in 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie / Hrsg. von K. Grau, S. Karp. et J. Voss. Wiesbaden, 1997. S. 23–38; *Aretin K.O., Freiherr von.* Russland und die Reichspolitik Kaiser Josephs // Katharina II., Russland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung / Hrsg. C. Scharf. Mainz, 2001. S. 121–132.

² *Трачевский А.С.* Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, и Иосифа II. 1780–1790. СПб., 1877; *Брикнер А.Г.* Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 году // Русский вестник. 1881. Т. 154.

№ 8; Т. 155. № 9; *Брикнер А.Г.* Путешествие императрицы Екатерины II-й в Крым // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 5–23, 242–264, 444–509; *Митрофанов П.П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги 1780–1790. СПб., 1907; *Бессарабова Н.В.* Иосиф II и Екатерина II в путешествиях по России // Немцы в России: Российско-немецкий диалог. СПб., 2001; *Петрова М.А.* Переписка Екатерины II и Иосифа II как исторический источник // Источниковедческие исследования: Сб. ст. М., 2004. Вып. 2. С. 167–194.

³ *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза 1780–1790. М., 2011.

⁴ *Molnár J.* Magyar Könyvtár. VIII. sz. 100–101; Kalatay Ferencz (Xaver) // *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái. 5. kötet. Budapest, 1897. 814–815. old.

⁵ См.: *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái. 815. old.

⁶ *Ponori Thewrewk M.* Franciscus Xaverius Kalataynak, Praepost' Báró Rewiczky Urhoz, Löwenbergből datalt és küldött Levele; mellyben, néhai b.e. II. József Császár' és Király' 1780 Eszendőbéli, Muszka Országba tett útazását írja // *Tudományos Gyűjtemény.* Pest, 1823. X. köt. 27–36. old.

⁷ См.: *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái. 815. old.

⁸ *Kaposvári Gy.* Útinapló II. József császár Kijev–Moszkva–Leningrád-i [sic!] utazásáról // *Jászkunság.* 1959 (március). 5. évf. 1. sz. 36–39. old.

⁹ *Ibid.* 39. old.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.3.3

А. А. Леонтьева

К вопросу о праве владения оружием христианами Османской империи (на материалах наследственных описей г. Софии в XVIII — начале XIX вв.)*

В Османской империи право носить оружие имели лишь лица, состоявшие на государственной службе, курьеры губернаторов и других крупных чиновников; во время разъездов они имели при себе саблю или пистолет, иногда сабля заменялась ятаганом. Однако, по воспоминаниям секретаря российского генерального консула в Смирне в 1830-х гг., оружие в империи было достаточно распространено: «По-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-18002 Болг_a.

скольку оружие разрешено иметь в дороге, погонщики, все находящиеся в пути, а иногда и земледельцы, идущие на работу, могут быть вооружены. Самое употребительное оружие в народе — ятаган и пистолеты. Кинжалов нигде не видно; иногда за поясом носят большой нож, который необходим для каждого, так как за столом ножи не подают. Люди почтенные имеют только саблю, иногда пистолеты за поясом. Ружье в дороге несет за ними слуга»¹.

В наследственных протоколах кадийских судов оружие, как огнестрельное, так и холодное, упоминается часто. Источник позволяет определить время появления и распространения в болгарских землях тех или иных его видов, стоимость и назначение, а также сравнить условия владения оружием мусульманами и христианами.

Упоминание оружия в наследственных протоколах мусульман встречается чаще, чем в протоколах христиан. Это можно объяснить тем, что, по законам шариата, неверным, живущим на завоеванных мусульманами землях, носить оружие было запрещено². Коренным образом ситуация изменилась, когда в ходе так называемой «Кырджалийской смуты» (1779–1813 гг.) простому населению, в том числе немусульманам, было впервые разрешено иметь оружие для самозащиты, поскольку официальные власти были не в состоянии противостоять разбойникам. По оценкам болгарских историков, это разрешение способствовало росту самоорганизации среди болгар — впервые за несколько столетий османской власти болгары, обладая оружием, получили возможность самостоятельно обороняться³.

Предметы вооружения, упомянутые в наследственных описях жителей г. Софии, разнообразны. Среди холодного оружия это различные виды сабель, ятаганы, реже кинжалы. Из огнестрельного оружия известны пистолеты, ружья и «пушки» — оружие для охоты. В описях имущества христиан холодное оружие не упоминается: они владели только ружьями и пистолетами.

Впервые пистолет, принадлежащий вопреки официальному запрету, христианину, упомянут в протоколе о наслед-

стве плотника Стефана (1731 г.)⁴. Он оценен в 45 акче, и эта цена невелика: так, в 60 акче оценены пять старых подушек, в 15 акче — топор. Всего опись имущества Стефана содержит 15 пунктов (включая дом и набор плотницких инструментов) общей стоимостью 4755 акче.

Целый арсенал огнестрельного оружия представлен в наследственном протоколе суконщика Йована (1798 г.)⁵, в нем числятся три пистолета общей стоимостью 10 курушей, три ружья — 15 курушей и «ружье и мелочи» — один куруш. «Мелочи» нередко встречаются в описях имущества — под этим словом подразумеваются несущественные предметы, перечислять и оценивать каждый из которых по отдельности, как считали составители, нецелесообразно.

В наследственном протоколе священника Анастаса (1790 г.) упомянуты две пары пистолетов общей стоимостью восемь курушей⁶. Такая цена за четыре пистолета невелика, а Анастас — единственный священник, в описи имущества которого присутствует оружие. Он производит впечатление достаточно состоятельного человека: в описи его имущества присутствуют собрание книг, золотые украшения, множество серебряных изделий.

Огнестрельное оружие, принадлежавшее мусульманам, более разнообразно; пистолеты и ружья в их протоколах нередко богато декорированы, украшены серебром и, несомненно, являются статусной вещью. С середины XVIII в. дорогое оружие все чаще упоминается в наследственных протоколах.

Серебряные пистолеты упомянуты в наследственной описи Эссеида Мехмеда Ага (1750 г.)⁷. Он был богат — наряду с огромным числом ценных вещей, ему принадлежали две пары серебряных пистолетов с кобурой, стоимостью 1800 и 4800 акче, что дорого для того времени и сопоставимо со стоимостью небольшого дома.

Еще одна пара посеребренных пистолетов с кобурой стоимостью в 60 курушей (7200 акче) и пистолеты английского производства за 100 курушей (12000 акче) упомянуты в наследственной описи 1809 г. Элхаджа Мустафы Ага⁸. Этот

человек также был состоятелен — помимо этих пистолетов из оружия ему принадлежали: «длинное ружье» за 50 курушей, «два других ружья — 20 курушей», посеребренный патронташ за 30 курушей, и несколько сабель, в том числе посеребренных. Кроме того, в этом протоколе упомянута некая пушка-фылынта* — вид короткоствольного охотничьего ружья.

Следует отметить, что первое упоминание ружья-фылынта в наследственных описях относится к 1762 г; ее обладателем был Чолак Осман Беше⁹. В его наследственном протоколе данное охотничье ружье оценено в 660 акче, то есть дороже, чем несколько сабель (161 и 120 акче), пара пистолетов (631 акче) и ружье (161 акче).

Со временем ружья-фылынта встречается в наследственных описях все чаще, и цена его становится ниже. Изначально само обладание этим видом оружия можно считать одним из показателей высокого статуса ее владельца. Позднее в наследственных протоколах богатых людей начинают появляться пушки-фылынта с золотой отделкой¹⁰.

К началу XIX в. чаще упоминаются также посеребренные пистолеты и ружья, оружие с рукоятками, декорированными золотом, серебром и перламутром.

Холодное оружие фигурирует практически в каждом документе, посвященном рассмотрению наследства мусульман. Чаще всего встречаются различные виды сабель, являвшихся самым дешевым оружием — ими владели даже бедные горожане. Нередко в документах они фиксируются с определением «старая» и стоят дешево. Так, в наследстве брადобрея Абди (1814 г.)¹¹, который судя по документу, был небогатым человеком, упомянуто две старых сабли общей стоимостью всего в два куруша и 21 парá. Комплект пистолетов в этом протоколе оценивается в 24 куруша, упомянутый также ятаган — в 56 курушей.

Ятаган — клинковое холодное оружие, клинок которого имеет двойной изгиб, позволяющий наносить режущий

* от англ. flint — кремь, flint-lock — кремневое ружье.

и колющий удары. Их массовое производство в Османской империи относится к периоду не ранее второй половины XVIII в.¹² В наследственных описях жителей Софии ятаганы встречаются относительно редко и появляются только в XIX в. Первое упоминание их относится к 1814 г. — в протоколе сапожника Хасана¹³, довольно состоятельного человека, ятаган оценен в 23 куруша (для сравнения пистолет в кобуре оценен в 16 курушей). Также к 1814 г. относятся еще три упоминания ятаганов. Их владельцы различны по социальному положению, а стоимость варьируется от семи до 56 курушей.

Реже всего из холодного оружия в наследственных описях фигурирует гаддаре — турецкая сабля XVII в. с малоизогнутым широким и тонким клинком¹⁴. Этот вид оружия упоминается в наследственных описях всего дважды — в 1750 и 1809 гг. В обоих случаях его хозяевами являются очень богатые люди. Так, в 1750 г. гаддаре упомянуто в наследственном протоколе сияхдара Эссеида Мехмеда Ага, общее состояние которого составляло 1 395 256 акче¹⁵. Собрание оружия этого человека роскошно: помимо уже перечисленного, в протоколе упомянуты дамасская сабля с серебряной вставкой, несколько пар посеребренных пистолетов, дорогая конская упряжь, ружья.

Таким образом оружие было неотъемлемой частью жизни мусульманского населения Софии. Упоминание различных его видов практически в каждой имущественной описи вне зависимости от финансового состояния покойного, его социального статуса и рода занятий контрастирует с практически полным отсутствием оружия у христианского населения города. Нельзя не заметить, что если среди мусульман самым распространенным оружием является сабля, то в наследственных протоколах христиан холодное оружие не упоминается вообще, чаще всего из оружия встречается пистолет. Можно заключить, что если для мусульман оружие в XVIII–XIX вв. в большой степени воспринималось как элемент престижа и неотъемлемая часть культуры, то у христиан, будучи редкостью, оружие в первую очередь слу-

жило по прямому назначению. Также стоит отметить, что вопреки официальному запрету на ношение оружия, владение им фиксировалось в наследственных описях — то есть официальных османских документах, что говорит об относительной условности этого запрета. При этом, несмотря на официальное разрешение со стороны османских властей на ношение христианами оружия, роста его числа в христианской среде в конце XVIII в. не наблюдается. Это позволяет сделать вывод, что тенденция к росту числа вооружения у населения в период Кърджалийской смуты не коснулась крупных городов в столь значительной мере, как в сельских поселениях, о чем пишут исследователи¹⁶.

Примечания

¹ Цит. по: *Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие в собрании Государственного исторического музея. М., 2002. С. 35.

² *Гиргас В.* Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб, 1865. С. 35.

³ *Мутафчиева В.* Кърджалийско време // *В. Мутафчиева.* Избрани произведения. Т. 2. Пловдив, 2008. С. 412–421.

⁴ ТИБИ. Т. 6. С. 27–28.

⁵ Там же. С. 133–135.

⁶ Там же. С. 119–120.

⁷ Там же. С. 51–56.

⁸ Там же. С. 149–153.

⁹ Там же. С. 79–87.

¹⁰ Там же. С. 184–191.

¹¹ Там же. С. 191–192.

¹² *Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие... С. 134.

¹³ ТИБИ. Т. 6. С. 179–183.

¹⁴ *Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие... С. 332.

¹⁵ ТИБИ. Т. 6. С. 51–56.

¹⁶ *Лори Б.* Разсъждения върху историческите мит «Пет века ни клада» // Историческо бъдеще. 1997. № 1. С. 92–99; *Мутафчиева В.* Кърджалийско време; *она же.* Някои разсъждения относно разсъжденията на Бернар Лори върху историческия мит «Пет века ни клада» // Историческо бъдеще, 1997, № 2. С. 75–81.

Военная граница: от армии под командованием Габсбургов к автономной провинции империи (XVIII–XIX вв.)*

В 1578 г. между императором Священной римской империи Рудольфом II (1576–1612 гг.) и австрийским эрцгерцогом Карлом II (1564–1590 гг.) Габсбургами было заключено соглашение об отделении Военной границы от гражданской администрации королевств Хорватии и Славонии. Это событие можно считать переломным моментом в истории Хорватии и владений Австрийского дома в целом. Отныне Габсбурги брали под свое управление граничар, в дальнейшем использовавшихся ими не только по прямому назначению (кордонная служба на границе с Османской империей), но и против любых европейских врагов династии. В докладе предпринята попытка ответить на вопрос, когда Военная граница оказалась окончательно инкорпорирована в правовое поле Габсбургской монархии и какие причины помешали сформироваться единому граничарскому сословию.

Как считает хорватский историк М. Валентич, на рубеже XVII и XVIII вв. Хорватия вместе с Военной границей и ее санитарным кордоном приобрела большую роль в политической и военной стратегии Вены¹. Однако лишь в середине XVIII в. управление Военной границей было окончательно сосредоточено в имперской столице в ходе реформ Марии Терезии (1740–1780 гг.). Она сделала три важных шага навстречу интеграции данной территории и ее населения в монархию, всё больше замыкающуюся в Центрально-Восточной Европе.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 0178-2018-0008 «Австро-Венгрия: механизмы (само)организации культурно-сложных сообществ в композитарной монархии».

Во-первых, она упорядочила систему управления и финансирования данной территорией, в том числе создала первое законодательство для Границы. Во-вторых, императрица способствовала экономической автономизации края путем наделения городов на территории Военной границы статусом коммун с широким самоуправлением, а также свободой торговли и предпринимательства на их территории для возможности товарообмена между городом и сельской округой². Так Граница оказалась вовлечена во внутренний рынок государства, а кроме того получила возможность частично перейти на самообеспечение. В-третьих, она приблизила милитаризованную структуру Границы к принятой в армии монархии: ввела полковые округа, делившиеся на роты (сотни), которые в свою очередь состояли из общин с офицером во главе каждой из них³. Командным языком стал немецкий, при этом не связанные с военной службой дела нужно было переводить на местный язык (§ 11 Tit. I)⁴.

Именно при Марии Терезии, как считает Фр. Ваничек, было завершено формирование Военной Границы в том виде, в каком она существовала до своего упразднения⁵. В дальнейшем законодательство Военной границы будет обновляться в 1807 г. и 1851 г., а попытка введения Иосифом II (1765/1780–1790 гг.) параллельных армейским гражданских административных органов потерпело неудачу, доказав невозможность двойного статуса Военной границы в монархии. Сербский историк И. Спасович считает, что законы для всей Границы 1807 и 1850 гг. были продолжением политики «упрощения управления и предоставления прав граничарам, начатой в XVIII в.»⁶. Таким образом, именно реформы Марии Терезии можно считать поворотными для статуса и роли Военной границы внутри монархии, но рассматривать их нужно в контексте общей интеграции наследственных земель домена династии с землями династической унии.

Для большей полноты картины особенностей развития Военной границы следует учитывать и структуру ее населения. Югославский историк Ф. Моачанин указывал, что именно с конца XVI в. история Границы приобретает

«двойной характер»: с этого времени это «больше не только история военной институции, но и история народа, который населяет определённую территорию»⁷. Верхний слой населения Границы составляло привилегированное офицерство, высшие чины которого занимали традиционно немецкие уроженцы, чаще всего, австрийские немцы⁸. При этом выходцы из военной элиты Границы даже славянского происхождения могли проходить обучение, например, в Терезианской военной академии в Винер-Нойштадте, после чего делать успешную военную карьеру в монархии⁹. Такие возможности для военной карьеры граничар способствовали лучшей интеграции Военной границы в единую структуру армии монархии в ходе реформ Марии Терезии.

Рядовые граничары и низшее офицерство Границы были преимущественно славянами, говорившими на штокавском диалекте сербскохорватского языкового единства, но различались по вере: католики, православные, униаты и др. Католики являлись представителями государственной религии, тогда как православные сербы защищались особыми «защитными» привилегиями, начиная от «Statuta Valachorum» (1630). Причем, массово переселившиеся в 1690 г. на территорию монархии сербы из Османской империи вместе со своим патриархом мыслили категориями османских миллетов, что породило развитие среди сербов монархии особого типа национализма, оказавшего сильное влияние и на православных граничар, считавших себя сербами. Граничары-католики, напротив, с момента появления иллиров-народняков присоединились к хорватскому национальному движению. В пользу этой гипотезы говорит поддержка, оказанная православными граничарами сербским восстаниям в соседних с Границей пашалыках Османской империи. Таким образом, в силу исторически обусловленных особенностей формирования населения Военной границы как преимущественно эмигрантского общества с переносом своих культурных традиций, в том числе православного «миллета» на новую почву, формирование национального самосознания у граничар вошло в противоречие с их офи-

циальным сословным¹⁰ статусом в монархии. Это помешало естественному развитию однородного консолидированного граничарского общества, превратив его в искусственную структуру, поддерживаемую лишь военной системой и зафиксированным на законодательном уровне типом семейно-родовой организации (задруга).

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о приобретении Военной границей признаков особой автономной территориальной единицы в составе монархии именно в ходе реформ Марии Терезии, что облегчило интеграцию ее милитаристской структуры управления в состав общей армии с введением государственного языка на всех уровнях и постепенного уравнивания в правах с остальными подданными престола (например по Закону о Военной границе 1807 г.), что в перспективе заложило основу для возможности ликвидации Военной границы, тем более привилегии ее населению были не только сословного характера, но и диаспорально-конфессионального, что фиксировало религиозное разделение граничар и способствовало восприятию ими особого типа национализма, который в отсутствие лучшего термина можно назвать религиозно-обусловленным.

Примечания

¹ *Valentić M.* *Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom 1849–1881.* Zagreb, 1981. S. 18.

² *Buczynski A.* *Nastanak i organizacijski oblik vojnih komuniteta od 1748. do 1850.* // *Arhivski vjesnik.* 1991–1992. №34–35. S. 187.

³ *Militar-Gränitz-Rechten von Ihre Kaiserl. Königl. Majestät für das Karlstädter- und Varasdiner-Generalat vorgeschrieben im Jahr 1754.* Wien, 1754. S. 4.

⁴ *Ibid.* S. 10–11. В этой связи представляются справедливыми наблюдения тех историков, которые проводят различие между католиками и протестантами. Первые несли слово Божье неграмотным и малограмотным, поэтому относились к языковому плюрализму гораздо терпимее протестантов, которым было важно читать и понимать печатное слово Библии. Подробнее см.: *Хаванова О.В.* Этничность, нация, «любовь к стране» в Европе раннего Нового времени // *Политическая наука. Национализм. Новейшие исследования.* 2002. № 4. С. 24.

⁵ *Vaniček Fr.* *Specialgeschichte der Militärgrenze, aus Originalquellen und Quellenwerken geschöpft.* Wien, 1875. Bd. 1. S. V.

⁶ *Спасовић И.* Банатска војна граница и њено укидање 1872 године. Панчево, 2004. С. 133.

⁷ Moačanin F. Periodizacija historije Vojne Krajine (XV–XIX st.) // Historijski zbornik. Ured. Šidak J. God. XIII. 1960. S. 111–117, 114.

⁸ U potrazi za mirom i blagostanjem. Hrvatske zemlje u 18. stoljeću / ured. L. Čoralić. Zagreb, «Matica hrvatska». 2013. S. 97–98.

⁹ См.: Svoboda J. Die Theresianische Militär-Akademie zu Wiener-Neustadt und ihre Zöglinge von der Gründung der Anstalt bis auf unsere Tage. Band I. Wien, 1894.

¹⁰ Царска и краљевска наредба од 8 авг. 1873 // Знаменита документа за историју српског народа: 1538–1918 / Д. Микавица, В. Гавриловић, Г. Васин. Нови Сад, 2007. С. 301.

В ДОЛГОМ ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.1

И. К. Петрович

Идея славянского единства в общественном движении России первой половины XIX в.

История освободительного движения и общественно-политической мысли Российской империи первой половины XIX в. является неотъемлемой частью исторического процесса, происходившего на территории России, Украины и других славянских государств. Многие славянские народы именно в это время активизировали свою борьбу за национальную независимость и социальную справедливость. В связи с этим начали зарождаться также объединяющие идеологии, которые должны были содействовать сплочению славян и консолидации их сил в борьбе за свободу.

Деятельность Общества соединенных славян (самостоятельная и в составе Южного общества) — одна из наиболее значимых и интересных страниц истории общественного движения на территории Украины и России. Его создание повлекло за собой вовлечение в декабристское движение представителей «малоимущего» дворянства, а также некоторых других сословий, сделав, тем самым, революционно-демократически настроенный коллектив полисословным. Кроме того, данное общество было первым в истории освободительного движения и общественно-политической мысли Российской империи первой половины XIX в., которая заявила о своем «общеславянском» характере.

Второй общественной организацией, основными идеями которой было объединение славянских народов, можно

назвать «Украино-славянское общество святых Кирилла и Мефодия», известное также как Кирилло-Мефодиевское братство. Его создание повлекло за собой национальное возрождение украинского народа, дало некий «толчок» развитию «малороссийской» культуры, воссозданию многолетней истории Украины и росту национального самосознания украинской интеллигенции. Кроме того, данное объединение носило общеславянский характер, что подтверждают его программные документы. Следовательно, изучение так называемой «славянской идеи» в общественных движениях Российской империи первой половины XIX в. невозможно без рассмотрения истории вышеназванных организаций.

Вопросы, рассматриваемые в докладе, связаны, прежде всего, с видением будущей организации общественно-политической жизни славянских народов членами Общества соединенных славян и Кирилло-Мефодиевского общества. Кроме того, интересно также обратить внимание на характер их деятельности, который был довольно разнообразным (преимущественно «бунтарский» у декабристов и «просветительский» в среде демократически настроенной интеллигенции 1840-х гг.).

Общество соединенных славян на протяжении своего существования носило тайный характер и старалось действовать конспиративно. Более того, до определенного времени о существовании данного общества не знали даже остальные декабристы Украины, объединившиеся в Южное общество во главе с П.И. Пестелем. Однако в сентябре 1825 г. Общество соединенных славян, как известно, слилось с Южным обществом по предложению С.И. Муравьева-Апостола и М.П. Бестужева-Рюмина. С этого момента деятельность вышеназванных организаций становится совместной и согласованной. Южное общество тесно сотрудничало с польскими общественными организациями, в частности с известным «Патриотическим обществом». Общество соединенных славян (ставшее «Славянской управой» Южного общества) активно поддерживало любые контакты с ним. Тем не менее, в отличие от программных положений декабристов, «славяне»

видели будущее Польши в составе федерации славянских народов, а не в качестве независимого государства.

Деятельность Общества соединенных славян оставила значительный след в истории освободительного движения и общественно-политической мысли России. Данная организация положила начало формированию идейной базы русского панславизма (в основе которого также лежала идея объединения славянских народов, но в существенно иной форме), ставшего потом весьма популярным явлением в общественном сознании нашей страны.

Несколько позже, в 1830–1840 гг., «славянская идея» начала также развиваться в русле украинского национально-освободительного движения. Наиболее ярко она была выражена в программных установках и деятельности «Украино-славянского общества святых Кирилла и Мефодия», известного также как «Кирилло-Мефодиевское общество» или «Кирилло-Мефодиевское братство» (1845–1847 гг.). Существование данной организации ярко показывает наличие «общеславянского» фактора в зарождающемся в середине XIX в. украинском национальном движении, которое продолжало активно развиваться уже во второй половине XIX столетия. Однако если в деятельности Общества соединенных славян идея славянского единства прослеживается не только теоретически, но и практически (одним из его создателей был польский шляхтич Юлиан Люблинский, а сама организация сотрудничала с активными участниками польского национально-освободительного движения), то в случае с Кирилло-Мефодиевским обществом можно говорить лишь о предполагаемом распространении программных установок данной организации среди остальных славян в случае их реализации.

Кроме того, сама идея славянского единства кирилло-мефодиевцами и членами Общества соединенных славян рассматривалась по-разному. Декабристы считали, что освобожденные народы в будущем должны быть объединены в полноценную равноправную федерацию, во главе которой должны стоять представители русского народа¹. Члены Кирилло-Мефодиевского общества идеал общественного

устройства видели в казацких традициях управления государством и центром будущего объединения славян считали Украину². Тем не менее, и декабристы, и представители интеллигенции 1830–1840 гг. связывали идеи освобождения своего народа от крепостной зависимости со стремлением многих родственных народов к национальной и социальной независимости, а следовательно, стремились объединить свои силы и попытаться связать их определенной «единой целью». Однако широкого распространения данные идеи в российском обществе того времени не получили. Тем не менее, идея объединения славян в одном государстве спустя некоторое время стала концептуальной базой формирования панславизма, рассмотрение которого, на наш взгляд, является темой отдельного исследования.

Примечания

¹ Горбачевский И.И. Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. 576 с.

² Манойленко А.С. «Спор славян между собою»: Общественное движение в Юго-Западном крае Российской империи в царствование Николая I. СПб., 2015. 320 с.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.2

И. А. Ксенофонтов

Франтишек Ладислав Ригер в поисках зарубежных союзников в 1867–1871 гг.

Зарубежная деятельность Франтишека Ладислава Ригера (1818–1903) была продолжением внутривосточной линии чешского политика. Потерпев неудачу в попытках предотвратить дуализацию монархии Габсбургов в 1867 г., не найдя поддержки идеи федерализации империи среди элит, Ригер попытался заявить о своей программе на международном уровне¹.

Почему Ригер выбрал именно Россию и Францию в качестве своих потенциальных союзников?

Рассматривая международные отношения того периода, можно выделить несколько ключевых тенденций. Главными из них были: ухудшение отношений между Австрией и Россией, продолжавшееся по инерции после Крымской войны, поражение Австрии в австро-прусской войне в 1866 г. (и политическое «вытеснение» ее из Германского союза), мощное усиление Пруссии, ухудшение ее отношений с Францией и одновременно сближение с Россией, тенденции к сближению Австрии и Франции (вплоть до устных договоренностей о союзе), поражение Франции во франко-прусской войне (1870–1871 гг.)².

Таким образом, одна из причин начала взаимодействия чешской элиты с Россией — это политическая демонстрация. По мнению чехов, если Вена игнорирует их требования, то уместно открыто налаживать контакты с ее политическим оппонентом.

Исходя из анализа политических выступлений Ригера в сейме, можно сделать вывод о его настроениях. Он был убежден, что славянский элемент обязан получить достойное место в структуре империи. Прославянская политика должна была оказывать влияние на внешнеполитический курс монархии Габсбургов³. Чешские политики считали, что в такой ситуации австрийские славяне могли активным образом развивать связи и сотрудничество с Россией как с родственной славянской державой. В свою очередь, Российская империя должна была помочь им в достижении поставленных целей дипломатическим давлением и, прежде всего, демонстрацией интереса к славянам монархии Габсбургов⁴. В этот период вопрос о единстве и сплоченности славянских народов, имел довольно весомое значение в заявлениях политиков Национальной партии⁵.

В жизни монархии Габсбургов, когда чехи чувствовали себя политически достаточно сильными, у них преобладали ценности австрославизма⁶. Но чем яснее чешские политики осознавали игнорирование своих требований и постепенное

торжество дуализма, тем больше они воспринимали Россию как естественного защитника чешских интересов⁷.

Чешские либералы полагали, что если уж что-то совершается в ущерб какого бы то ни было славянского народа, то «русское правительство должно было выступить против таких действий в интересах собственного государства и русского народа»⁸. Эта идея славянства давала чехам ощущение, что они не одни, за их спиной — славянские народы во главе с Россией.

Ставка на Россию объясняется еще и тем, что чешские политики допускали скорое крушение монархии Габсбургов вследствие установления дуализма. В результате этого чешские земли, по их мнению, могли быть присоединены Пруссией⁹, и Ригер боялся, что Россия может проигнорировать данный шаг. С такой концепцией чешские политики и ехали в Россию в 1867 г. для зондирования почвы по этому вопросу. В дальнейшем предполагалось заключение возможного государственного союза чешских земель с Россией как гаранта их независимости и целостности¹⁰. Таким образом, надежды на Россию мотивировались и страхом перед германизацией, который заметно усилился после победы Пруссии в войне 1866 г.¹¹.

Именно экзистенциальный страх перед германизацией, который преследовал чешский народ еще со Средневековья, логично подталкивал его элиту к союзу с Францией. Ведь именно она представлялась еще одним антагонистом для германского мира. Ставка на Францию объяснялась также личностью Наполеона III, который на словах стремился реализовать принцип национальности в политике.

Активизация контактов с Францией осложнялась тем, что с этой страной, в отличие от России, у чехов не было на тот момент таких глубоких культурных и общественных контактов. Если русофильство в чешских землях в это время усиливалось, то франкофильство находилось в стадии становления.

Таким образом, зарубежные акции Ригера были направлены на то, чтобы так или иначе повернуть внешнеполитический курс монархии Габсбургов.

Мероприятиями по поиску союзников стали: поездка Ригера в Париж, участие в Славянском съезде 1867 г. в России, контакты с принцем Жеромом Наполеоном в Праге в 1868 г., аудиенция у Наполеона III в 1869 г. Также чешский политик курировал закулисную деятельность Яна Вацлика в России. Помимо этого, лидер старочехов стал инициатором «Промемории чешских либеральных политиков о внешней политике» в 1870 г. Активно вел Ригер и переговоры с российским и французским представителями в Вене в период подготовки Фундаментальных статей в 1871 г.

Однако поиск зарубежных союзников обернулся провалом. Чешский вопрос так и не был решен в монархии Габсбургов, а империя не стала федерацией равноправных народов.

Почему Ригер потерпел неудачу? Он действовал в крайне нестабильное время на международной арене. Причем сам он видел в этой неустойчивости благоприятный фактор, но его надежды оказались просчетами. Изменение внутриполитической ситуации в России и Франции, подвижки в международной конъюнктуре фактически поставили под удар замыслы Ригера. Очевидно, что политика иногда подводило его чутье. Так, заключение союза одновременно с Францией и Россией в то время было просто невозможно: если первая двигалась к войне с Пруссией, то вторая пошла с ней на сближение.

Кроме того, Ригер во время своих поездок не осознавал, что концепция чешского государственного права и ее реализация ни для какой крупной европейской державы на тот момент не представляла особого интереса на поле большой политики¹².

Фигура Ригера неотъемлемо связана с историей франкофильства и русофильства в чешском обществе. Важно отметить, что его невозможно назвать ни чистым франкофилом, ни ярким русофилом. Лидер старочехов использовал в своих целях оба вектора. И если с Россией у чешского общества уже существовали устойчивые связи, то в сфере становления чешско-французских отношений он выступил одним из первых.

Примечания

- ¹ О взаимосвязи «чешской внутренней» и «внешней» политики См.: Urban O. Est-ce que la politique extérieure tchèque existe avant 1914? // La France et l'Europe Centrale (1867–1914). Bratislava, 1995.
- ² См. подробнее: *Медяков А. С.* Между Востоком и Западом: международная политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1865–1871). М., 2010.
- ³ Řeči Dra. Frant. Ladisl. Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl IV. Z let 1865–1867. Praha, 1888. S. 226–227.
- ⁴ *Doubek V.* Obraz Ruska v politice F.L. Riegra a F. Palackého (40.–70. léta) // F.L. Rieger a česká společnost 2. poloviny 19. Století. Sborník referátů z vědecké conference konané ve dnech 25. a 26. dubna 2003 v Semilech. Semily, 2003. S. 66.
- ⁵ *Киселькова Н. В.* Российский фактор в общественно-политической жизни чехов в 50–е–70–е гг. XIX в. (по материалам архива М. Ф. Раевского): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Киселькова Наталья Витальевна. Москва, 2008. С. 116.
- ⁶ *Doubek V.* Velikost Ruska a národní zájem české politiky // «Slavme slavně slávu Slávův slavných». Slovanství a česká kultura 19. století. Sborník příspěvků z 25. ročníků symposia k problematice 19. století, Plzeň, 24.–26. února 2005. Praha, 2005. S. 30–31.
- ⁷ *Idem.* Obraz Ruska ... S. 64–66.
- ⁸ *Киселькова Н. В.* Российский фактор... С. 125.
- ⁹ *Doubek V.* Česká politika a Rusko (1848–1918). Praha, 2004. S. 122.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 128.
- ¹¹ *Ibid.* S. 127–128.
- ¹² *Velké dějiny země Koruny české.* Svazek XII. a 1860–1890. Praha–Litomyšl, 2012. S. 185.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.3

К. В. Мельчакова

«Благочестивый обманщик» митрополит Дионисий в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е гг. (по материалам донесений российских консулов)*

На территории Боснийского вилайета Османской империи располагались три православные епархии¹: Герцего-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-09-00346а «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».

винская (Мостар), Дабробосанская (Сараево) и Зворницкая (Тузла). Во главе каждой из них стояли митрополиты и, несмотря на разрешение турецких властей назначать на эти должности представителей сербского населения², по-прежнему их занимали греки-фанариоты или эллинизированные болгары. Власть митрополита основывалась на канонах православной церкви и на берате³. Глава епархии имел несколько источников дохода: собирал налог с населения — мирию, а также дань лично для себя, брал деньги со священников за процедуру рукоположения, за получение прихода и владение им, за освящение новой церкви, крещение, венчание. Именно митрополит должен был быть главным защитником православного населения, однако недовольство греческими иерархами в Боснии было повсеместным.

Многие владыки вели себя неподобающим образом. На это обращали внимание европейские путешественники и иностранные консулы. Одним из таких «благочестивых обманщиков»⁴ был Дионисий II Илиевич (1838–1894). Дионисий владел сербским языком. Уже в 1865 г. он стал митрополитом в Тузле.

Молодой владыка быстро проявил себя — поползли слухи о его корыстолюбии, непотребном поведении и тяге к воровству. На строительство церквей и школ в митрополии приходили средства из Сербского княжества⁵. Австрийские сербы на страницах новисадской газеты «Народни лист» уличали Дионисия в растрате этих денег⁶. Он писал оправдательные письма сербскому митрополиту Михаилу. В Сербии ему поверили и даже напечатали опровержение на клеветы. В ответ из Тузлы в Белград поступили гневные письма от паствы, в которых Дионисий представал «главным гонителем и душителем просвещения в Боснии, иностранным шпионом, подобием Иуды»⁷.

Занимая кафедру в Тузле, Дионисий плел интриги против дабробосанского митрополита Игнатия (1860–1868 гг.), обвиняя его в сожительстве с женой покойного брата. Дионисий даже составил на имя патриарха прошение об отстранении сараевского владыки⁸. В 1868 г. Игнатий скоропостижно скончался.

Дионисий наладил контакты с османскими властями и подкупил ходжу-баши⁹ Гавро Вучковича. Последний убедил российского консула в Сараеве Е.Р. Шулепникова (1858–1868 гг.) похлопотать о назначении Дионисия в Дабробосанскую епархию¹⁰.

В 1868 г. Дионисий возглавил митрополию в Сараеве. Только тогда вскрылось, что Вучкович являлся тайным агентом турецких властей, а Шулепников был обманут. Из-за случившегося сараевская православная община с негодованием смотрела на российское консульство.

Прибыв в Сараево, Дионисий первым делом начал «охоту» за наследством покойного митрополита Игнатия (15 тыс. червонцев). Главной подозреваемой в сокрытии денег являлась вдова брата Игнатия Еленка Димитриевич. Для расследования дела о наследстве из Константинополя прибыл экзарх. Поздно ночью люди митрополита ворвались в дом Е. Димитриевич с обыском. Не обнаружив искомым средств, они вынесли все ее имущество, включая платья и белье¹¹. На крики женщины сбежала половина города. На следующий день Димитриевич отправилась за помощью к иностранным консулам. «Дело о белье» невестки усопшего Игнатия приобретало масштабы международного скандала. Консулы просили Дионисия вернуть подозреваемой личные вещи. В ответ на страницах официальной газеты вилайета «Босна» появилась нота митрополита Дионисия, обличающая консулов. Их обвиняли во вмешательстве во внутренние дела вилайета¹². Агенты иностранных держав нашли такой выпад в свою сторону оскорбительным, потребовали объяснений и извинений. Чем закончилась эта история остается неясным.

На Дионисия поступало множество жалоб от православной паствы. Донесения российского консула в Сараеве А.Н. Кудрявцева (1868–1877 гг.) пестрят историями о непотребном поведении владыки в духе «Декамерона» Боккаччо. Несоблюдение постов, распевание шутливых французских песенок, танцы, заискивания перед османскими чиновниками, торговля иконами по завышенным ценам, публикация статей антирусской и антисербской направленности в бо-

снийских газетах — самые безобидные из прегрешений владыки. От действий митрополита пострадали передовые умы Боснии и Герцеговины, работавшие на ниве просвещения соотечественников: В. Пелагич, Б. Петранович, С. Перович и многие другие¹³.

В 1870 г. скандалом окончился визит Дионисия в Баньский монастырь (Нови-Пазарский санджак). По сообщениям Кудрявцева, владыка в продолжение двух месяцев жил со своими людьми на счет скудных средств монастыря и ежедневно устраивал там «оргии»¹⁴. Он занял общедоступные целебные источники и купался там в компании женщин. Проезжающие мимо турецкие солдаты захотели посетить это место, но наткнулись на запертые ворота. Дионисий их обругал и попытался прогнать. В ответ они выломали двери, митрополит успел бежать в последний момент и еле уберется от расправы¹⁵.

Все это вызывало недовольство в православной среде Боснии. В 1871 г. при посредничестве Кудрявцева сараевская православная община направила константинопольскому патриарху просьбу провести расследование в отношении митрополита Дионисия. В это время в разгаре был греко-болгарский церковный конфликт¹⁶. Российская дипломатия опасалась, что если Константинополь не отреагирует на жалобы боснийских христиан, то мог родиться и греко-боснийский церковный вопрос¹⁷.

Патриарх Григорий VI вызвал Дионисия на судебное разбирательство в Константинополь. Дабробосанский митрополит всячески оттягивал отъезд. Путем обмана, запугиваний и подкупа ему удалось собрать 900 подписей в свою защиту против 150 от сараевской православной общины¹⁸. Расследовать жалобы христиан в Сараево отправили митрополитов из Тузлы и Мостара¹⁹. Новый константинопольский патриарх Анфим VI в 1871 г. известил общину об оправдании Дионисия. В ответ сараевцы выдвинули ультиматум и добились отстранения митрополита. Дионисий не понес никакого наказания. К большому негодованию православного населения края его вернули на митрополичью кафедру в Тузлу²⁰.

Это был беспрецедентный случай в истории Боснии, когда паства добилась удаления из Сараева неугодного митрополита. Большое влияние на решение Константинопольского патриархата оказали греко-болгарский церковный вопрос и вмешательство российской дипломатии.

Примечания

¹ Иногда к Боснии относят и Рашко-Призренскую епархию.

² В 1856 г. христианская церковь в Османской империи попала под защиту международного права. См. подробнее: *Веселиновић Р.* Историја српске православне цркве са народном историјом. Књ. 3 (1766–1945). Београд, 2010. С. 227–228.

³ *Скарић В.* Избрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југо-словенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 53–54.

⁴ Такую характеристику английский историк, археолог и путешественник Артур Эванс дал митрополиту Дионисию в 1877 г. См.: *Evans A.J.* Illyrian letters. London, 1878. P. 9.

⁵ Архив Србије (далее — АС.). Ф. МБ. 1867. 906; АС. Ф. МБ. 1867. 1001; АС. Ф. МБ. 1867. 1376.

⁶ Народни лист. Нови-Сад. 1867. бр. 43.

⁷ АС. Ф. МБ. 1867. 732. Л. 1.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36. Л. 3–5.

⁹ Ходжа-баши — представитель райи, избираемый православной, латинской и еврейской общинами.

¹⁰ Архив внешней политики российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2330. Л. 41–42. Копии материалов из АВПРИ были получены в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

¹¹ Там же. Л. 45 об., 62 об.–63.

¹² Там же. Л. 64 об.

¹³ Там же. Д. 2331. Л. 136–137.

¹⁴ Там же. Д. 2332. Л. 186 об.

¹⁵ Там же. Л. 187–187 об.

¹⁶ См., например: *Лилуашвили К.С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.

¹⁷ В 1868 г. боснийские христиане отказались поддержать движение болгарского народа за независимость своей церкви. См.: *Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875.* Документы. М., 1988. С. 151.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Д. 2333. Л. 104–106.

¹⁹ Там же. Оп. 517/2. Д. 2334. Л. 27–27 об.

²⁰ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 296–297.

Политические решения Сербского княжества по восстанию в Боснии и Герцеговине в августе — сентябре 1875 г.

Доклад посвящен первым политическим действиям, осуществленным Сербским княжеством для поддержки повстанцев в Боснии и Герцеговине в период с августа по сентябрь 1875 г.¹

В июле 1875 г. в Невесине (Восточная Герцеговина) вспыхнуло восстание. Стремление сербской общественности участвовать в судьбе повстанцев вынуждало сербского князя Милана Обреновича (1854–1901) и его министров реагировать на эти события, несмотря на то, что активное участие в судьбе Боснии и Герцеговины к 70-м гг. XIX в. фактически сошло на нет. Позиция князя Милана и кабинета Данило Стефановича (1815–1886) колебалась от стремления поддержать восстание до опасения вызвать недовольство со стороны великих держав, в первую очередь Австро-Венгрии. Обстоятельство вынудило князя Милана поручить формирование правительства активным сторонникам поддержки восстания, таким как Йован Ристич (1831–1899) и Стевча Михайлович (1804–1888). Существенным фактором был и затянувшийся политический кризис в Белграде, который в сочетании с милитаристскими настроениями в обществе привел к тому, что на выборах в августе 1875 г. значительную часть мест в скупщине заняли оппозиционные князю политические силы (как либералы, так и социалисты).

19 (31) августа 1875 г. был сформирован новый кабинет министров. Йован Ристич занял пост министра иностранных дел, Еврем Груич (1827–1895) — министра внутренних дел, военным министром был назначен Тихомиль Николич (1832–1886), а председателем правительства стал Стевча Михайлович.

Парламент Сербского княжества оказался разделен в вопросе поддержки восстания. Социалисты выступили против военного содействия, опасаясь усиления влияния либералов в обществе². Они связывали необходимую помощь повстанцам в Боснии и Герцеговине с радикальными изменениями в политической жизни самого Сербского княжества, вплоть до передачи всех полномочий власти народной скупщине. Кабинет Михайловича — Ристича также не решался объявлять войну Османской империи, как того хотела бы сербская общественность и радикально настроенная интеллигенция, но с первых дней работы принимал меры по оказанию помощи повстанцам и подготовке к войне, делая это осторожно во избежание конфликта с Высокой Портой и Австро-Венгрией³. Для обсуждения восстания министры созвали тайное собрание 29 августа (10 сентября) 1875 г., на котором присутствовали и министры, и депутаты скупщины. Они решили создать два подкомитета. Первый отвечал за обращение к князю Милану Обреновичу по вопросу восстания в Боснии и Герцеговине. В состав подкомитета входили Димитрие Йованович, Панта Сречкович, Урош Кнежевич, Адам Богославлевич; от правительства был направлен Йован Ристич. Второй подкомитет (Милош Глишич, Коста Спужич, Стоян Маркович, Йован Бошкович; от правительства был направлен Йован Груич) был ответственен за средства и занимался подготовкой секретного акта.

5 (17) сентября 1875 г., по результатам работы комитетов и подкомитетов, было проведено тайное заседание скупщины, на котором 77 из 107 голосовавших депутатов выступили за поддержку восстания, чего бы эта поддержка не стоила. Князю Милану скупщина предложила подписать документ о чрезвычайной ситуации или введении военного положения в княжестве⁴. Вплоть до 7 (19) сентября 1875 г. парламент обсуждал текст обращения князю Милану Обреновичу. Отдельно рассматривался вариант займа на военные расходы, которые включали в себя средства на поддержку повстанцев, на снабжение сербской армии. Представление текста князю было поручено министру юстиции Радивою Милойковичу.

Милан отказался признавать комитет по восстанию, сформированный скупщиной, и не согласился подписать бумаги о военном положении⁵. Уже 10 (22) сентября появились слухи о том, что Милан Обренович собирается распустить кабинет Михайловича. Как пишет сербский историк Сузана Райич, различие также коренилось в специфике отношения Милана и Ристича к вопросам международной дипломатии: в первую очередь Милан не хотел идти против воли великих держав и видел в этом большой риск, тогда как Ристич считал, что Милан и его правительство должны действовать, исходя из воли народа⁶. 22 сентября (5 октября) 1875 г. на заседании скупщины в Белграде об отставке объявили сами министры. Уже 27 сентября (10 октября) был сформирован новый кабинет министров.

Правительство и Скупщина с августа 1875 г. занимали позицию поддержки восстания, в то время как князь Милан Обренович колебался под влиянием внешних политических факторов. Однако политические реалии скорректировали внешнеполитический курс нового кабинета: война с Турцией рассматривалась как возможный, но нежелательный сценарий и правительство Михайловича склонялось скорее к тайной поддержке восстания. Несмотря на то, что сформированному в августе 1875 г. кабинету министров не удалось принять каких-либо действенных решений за два месяца работы, «правительство действия» смогло наметить план по решению проблемы финансирования сербских вооруженных сил, которые не были готовы к войне с Турцией. Кроме того, правительство Михайловича разработало план о финансовой и материальной поддержке сербских повстанцев, реализацией которого в полной мере занимался новый кабинет Любомира Калевича (1841–1907).

Примечания

¹ По юлианскому календарю.

² *Бочкарева (Данченко) С.И.* Русско-сербские отношения в связи с сербо-турецкой войной 1876 года // *Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim Balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875–1878.* Godine. T. 1. Sarajevo, 1977. С. 353.

³ Стојић С. Српско-турски ратови и унутрашњи политички односи у Србији // Србија у завршној фази велике кризе (1875–1878). Научни скуп. Књ. 2. Београд, 1980. С. 275.

⁴ Грујић Ј. Записи. Т. 3. Београд, 1923. С. 126.

⁵ Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875–1878. Т. 1. Београд, 1896. С. 57.

⁶ Рајић С. Спољна политика Србије: између очекивања и реалности. 1868–1878. Београд, 2015. С. 388.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.5

Н. Г. Струнина-Бородина

О поездке русского художника В.Д. Поленова на Балканы в 1876 г.

Период с 1876 по 1878 гг. в творчестве русского художника Василия Дмитриевича Поленова (1844–1927) считается малоизвестным, а произведения, относящиеся к нему, немногочисленны¹.

Осенью 1876 г. Василий Дмитриевич отправился добровольцем на сербо-черногоро-турецкую войну, которая вскоре переросла в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. В это время Поленов, уже в качестве фронтового художника и сотрудника Санкт-Петербургского еженедельного иллюстрированного журнала «Пчела», находился на Балканах. В течение данного периода (1876–1878 гг.) художник создал серию зарисовок и картин. Это вовсе не сцены сражений, а бивуачные сюжеты, в основном портреты местных жителей, и пейзажи. Его дневник «От Киева до Делиграда»² содержит интереснейшие данные о времени, проведенном на Балканах.

24 сентября 1876 г. Василий Дмитриевич приехал в Белград. Художник с высоким чувством уважения отнесся к сербской столице³. Восхищенно описывая величественный вид города, Поленов, однако, отметил: «Странное дело — мы идем драться за христиан против ислама, а тут мечети»⁴.

Из Белграда 26 сентября 1876 г. Поленов на пароходе отправился в Смедерево и Дубровицы, а оттуда в Парачин и Делиград в армию. На пароходе вместе с художником-добровольцем ехали три доктора, одним из них был Н.В. Склифосовский. Врач возвращался из Черногории и осматривал русские госпитали в Сербии; он рассказывал «чудеса храбрости про черногорцев»⁵. Отметим, что героический образ воин-черногорцев укоренился в России еще с начала XVIII в. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. представления о воинской храбрости и непобедимости черногорцев настолько укрепились в России, что император даже учредил специальную военную субсидию на содержание черногорской армии⁶, чтобы в случае военных действий на Балканах (предположительно с Австро-Венгрией) Российская империя могла не перекидывать туда свои войска, а воспользоваться черногорскими (около 30 тыс. чел.)⁷.

Когда русский художник-доброволец плыл на пароходе до Дубровиц, он с интересом описывал окружающих его людей: «Много сербов — усатые и безусые, несколько недурных сербиянок в городском национальном костюме: ярко-алая феска с маленькой черной кисточкой (мужчины носят темно-коричневого цвета), обвитая огромной косой черных волос. На торсе надета атласная или суконная турецкая куртка, обшитая серебряным или золотым галуном. У сербских женщин глаза особенно хороши — темные, глубокие, продолговатые»⁸.

В месте следующей своей остановки, г. Пожаревац, Василий Дмитриевич осмотрел местные госпитали, после чего оставил следующие строки в своем дневнике: «Много новых ощущений испытал я в этот день — эти палаты с больными, эти перевязанные руки, ноги, головы, некоторые ампутированные»⁹. Но не все участники боевых действий имели столь тяжелые повреждения. Поленов рассказывает про специальный «дисциплинарный лазарет», где лечат раненых в палец. Художник был удивлен, когда выяснил, что «их приходится почти 80 процентов на остальных раненых. Все утверждают, что они нарочно простреливают себе руку, чтобы иметь пред-

лог уйти из армии»¹⁰. Не самое храброе поведение сербских солдат на поле боя описывает Поленов: «Война ведется тут большей частью так: идут сербы и турки друг на друга и “пуцают” (стреляют), пока не страшно, наконец, подойдут на ружейный выстрел, дадут залп — и кто куда, воображая, что одни других преследуют»¹¹.

По заметкам Поленова можно судить, как сербские солдаты относились к русским и сербским офицерам: русские куда храбрее и добрее сербских, которые, по словам солдат, «неразвиты и невежественны»¹². Красочно и интересно описывает Поленов караван беженцев, болгар и сербов, бежавших из-под Зайчара: множество повозок, тянувшихся друг за другом, женщин с прялками в руках в красивых, богатых одеяниях, кто в монистах из турецких монет, кто в браслетах и других украшениях, и просто красивых платках. «Почти все были одеты хорошо, а многие даже богато, они бежали не после разгрома, а от него», — отмечает русский художник¹³.

Так как Василия Дмитриевича интересовали школы (сам он построил две школы близ деревни Бёхово Тульской области), он воспользовался возможностью осмотреть сербскую школу, когда на одной из станций познакомился с сербским учителем. «Довольно чистая большая комната с немецкими картами. Учится в ней человек семьдесят, теперь, что, впрочем, не мешает им быть еще в очень первобытном и тупом состоянии»¹⁴. Подобные острые и порой грубые высказывания Поленова не были напечатаны в «Пчеле», но содержатся в полной версии дневника, опубликованной дочерью художника¹⁵.

Во время своего пребывания на Балканах осенью 1876 г. доброволец служил под началом полковника Андреева — главы летучего передового отряда. Поленов был удостоен нескольких наград: 1) сербской медалью серебряной «За храбрость», которую ему вручил уважаемый черногорский воевода, делегат от Черногории в Верховном командовании Сербии и Черногории, Машо Врбица; 2) сербским золотым орденом «Таковский крест» с надписью «За веру, князя и отечество»; 3) свидетельством о храбрости за участие в боях 7, 8,

9 октября — выдано художнику-добровольцу полковником Андреевым. В настоящее время военные награды Василия Дмитриевича вместе с его кавалерийской саблей хранятся в музее-усадьбе «Поленово».

Участие В.Д. Поленова в сербо-черногорско-турецкой войне в 1876 г. имело большое значение как для самого художника, выразившего таким образом свой благородный порыв души и желание поддержать братские югославянские народы; так и для русского читателя, которому Василий Дмитриевич показал сербов, черногорцев не только словами (в своем дневнике), но и в своих картинах, частично опубликованных в «Пчеле»; а также и для славянских народов, борющихся за свою свободу и желающих отстоять независимость своих государств, — в их глазах художник своим собственным примером возвысил образ русского человека, благородного и храброго, «старшего брата Руса», как тогда говорили сербы и черногорцы, готового помочь всеми силами и вступить за них.

Примечания

¹ Каталог юбилейной выставки произведений В.Д. Поленова 1844–1924. Издание государственной Третьяковской галереи. М., 1924. С. 6.

² Пчела. 1877. № 9. С. 135–142, № 10. С. 152–153, № 23. С. 352–354; *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964.

³ Пчела. 1877. № 9. С. 135–140; *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. С. 214.

⁴ *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов... С. 215.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // *Le Montenegro dans les relations internationales.* Titograd, 1984. P. 15–55; *Хитрова Н.* Вступительная статья к сборнику документов «Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.». Т. I. Подгорица. М., 2003. С. 15–25; *она же.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 111–125; *Бабовић-Распоповић С.* Руски утицај на културно-просветну политику династије Петровић-Његош // *Династија Петровић-Његош.* Т. II. Подгорица, 2002. С. 407–412; *Струнина Н.Г.* Из истории российско-черногорских отношений: визиты Николая Петровича-Негоша в Россию // *Славянский альманах.* 2012. М., 2013. С. 142–158; *Струнина-Бородина Н.Г.* Черногорский вопрос во внешней политике России при Николае II // *Императорский Дом Романовых и Балканы.* М., 2014. С. 303–316.

⁷ *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // *Славяноведение*. № 5. М., 1997. С. 35–51.

⁸ *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов... С. 217.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Там же. С. 218.

¹³ Там же. С. 219–220.

¹⁴ Там же. С. 220.

¹⁵ Там же. С. 213–224.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.6

Л. Ю. Пахомова

Российское консульство в Боснии и Герцеговине в австро-венгерский период*

В 1878 г. на Берлинском конгрессе Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины — территорий, где Порта не смогла провести реформы танзимата. Важными свидетелями проведения как османских¹, так и австро-венгерских реформ были иностранные консулы, писавшие о ситуации в крае. Донесения российских дипломатов оказываются одновременно и ценным источником исследования провинции, и уникальным материалом по изучению русско-австрийских отношений в боснийской проекции. Однако интересны не только сведения, предоставляемые консулами, но и сама работа российского консульства.

Россию в габсбургской Боснии представляли консулы Николай Николаевич Ладыженский (Ладыженский; 1879–1880 гг.), Модест Модестович Бакунин (1880–1893 гг.), Гус-

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-09-00346а «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».

тав Викторович Игельстрём (Игельстром; 1893–1914 гг.). Первый из них проработал там всего несколько месяцев, затем вместо него прибыл Бакунин, который был уже консулом в Сараеве во время Восточного кризиса — с начала восстания в Герцеговине в 1875 г. и до начала русско-турецкой войны в 1877 г. В 1893 г. он был переведен в Батавию (совр. Джакарта), тогда же в Сараево из болгарского Пловдива был командирован Игельстрём, оставшийся в Боснии вплоть до начала мировой войны.

Цель доклада — проследить, как смена администрации с османской на австро-венгерскую сказалась на работе российского консульства Боснии и Герцеговины.

Прежде всего, нужно отметить неопределенный статус иностранных дипломатов в провинции, управляемой Австро-Венгрией, но де-факто остававшейся под властью султана. До сих пор не удалось найти документов, описывающих официальный статус русских консулов и процедуру получения ими разрешения на приезд в провинцию. Вероятно, работа дипломатов в оккупированной провинции не регламентировалась ни австро-венгерскими, ни османскими документами. То, что Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД отказался отправлять из Петербурга консульский патент Игельстрёму, не помешало ему представлять Россию в Боснии и Герцеговине². Наиболее остро этот вопрос встал, когда в Сараево в 1888 г. приехал эрцгерцог Рудольф. Давая инструкции Бакунину, чтобы тот даже косвенно не признал право Габсбургов на владение Боснией, российский посол в Вене князь А.Б. Лобанов-Ростовский писал: к эрцгерцогу следует относиться только как к наследнику австро-венгерского престола, какие бы цели он ни преследовал на оккупированных территориях³.

Поиск источников информации представлял для русских консулов определенную трудность. Помимо сообщения официальных данных консулам вменялось в обязанность писать в донесениях и о точке зрения самих местных жителей. Но консулу Ладыженскому не удавалось наладить такие связи: население, чтобы не навлекать на себя подозрение новой

администрации, не входило в контакт с русским консулом. Если английский, германский и французский представители, которые не покидали боснийско-герцеговинские земли во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., могли пользоваться своими старыми каналами, то Ладыженский был лишен их⁴.

Его преемник Бакунин (поскольку уже был знаком с краем) мог задействовать свои прежние связи в среде местных жителей. Он часто путешествовал по региону — бывал не только в Боснии или Герцеговине, но и в Далмации. В 1887 г. консул писал: «Частые поездки совершенно необходимы для собирания всех тех сведений, которых в Сараеве достать нельзя и которые местное управление будет ныне еще тщательнее, чем когда-либо таить от русского здесь консула»⁵.

Сменившему Бакунина Игельстрёму вновь пришлось нелегко: он не знал местного языка, найти же учителя оказалось затруднительно. Кроме того, домовладельцы, у которых российский МИД снимал здание для своего представительства в Сараеве, в 1893 г. отказались от договора аренды, опасаясь неприятностей со стороны австро-венгерской администрации. «Сербы до того запуганы, что прямого общения с ними иметь почти невозможно», — подчеркивал дипломат. Он признавал, что в результате «главный вопрос, представляющий для нас интерес, — выяснение положения сербского населения — именно представляет наибольшее затруднение»⁶.

Не только боснийцы остерегались контактов с русскими дипломатами, но и австро-венгерские чиновники старались оградить местное православное население от общения с консулами. Причина была не в «близости языка и единства веры», как считал Ладыженский⁷, но, скорее всего, в том, что австро-венгерские власти знали об опыте общения русских дипломатов с жителями в бывших османских провинциях. Тем более что Б. Каллаи, австро-венгерский общеперский министр финансов, управлявший оккупированными провинциями с 1882 г., был консулом в Белграде в 1868–1875 гг. Тогда, в османский период Россия выступала покровительницей православных христиан и была гаран-

том их прав. Петербург стремился использовать то обстоятельство, что православная церковь выполняла важнейшую политико-пропагандистскую и культурно-образовательную миссию⁸. Консулы, тесно сотрудничая со славянскими комитетами, помогали православной общине, прежде всего в образовательной сфере. Однако попытки влиять и помогать приводили к множеству конфликтов между дипломатами и османскими властями⁹.

И теперь, когда Боснией управляла Австро-Венгрия, она старалась сделать все, чтобы иностранные державы, особенно Россия, не имели повода вмешиваться в дела провинции. Новая администрация учредила «коммунальные» школы, чтобы снизить роль религии в образовании; снабжала церкви всей необходимой утварью и литературой; платила зарплаты церковным иерархам. Поэтому Бакунину сложно было доставить книги и иконы, которые славянское благотворительное общество, памятуя о своей деятельности в 50–70-е гг. XIX в., отправляло из России¹⁰. Вмененный консулам в обязанности сбор информации военного характера не мог не беспокоить представителей австро-венгерской администрации¹¹.

С контролем над деятельностью российских дипломатов связана работа австрийских агентов. Их рапорты, составленные для генерал-губернатора оккупированного края, сохранились в Архиве Боснии и Герцеговины, в фонде «Общеимперское министерство финансов»¹². О каждом шаге русских дипломатических представителей и других российских подданных, приезжавших в Боснию и Герцеговину, сообщалось через главу боснийского правительства в Вену, общеимперскому министру финансов.

Поездки Бакунина и его связи с местным населением приводили к постоянным стычкам с австро-венгерскими властями. Бакунину казалось, что местная администрация, в частности гражданский управляющий барон Х. фон Кучера, не уважает его и специально демонстрирует, что он *persona non grata* в Сараеве. Бакунин характеризовал свое положение следующим образом: «Чрезвычайно трудное, де-

ликатное и фальшивое положение в Сараеве русского консула среди враждебности и подозрительных австрийцев, придирчивых, вызывающих, постоянно смешивающих политику с политикой»¹³. Это же заметил тотчас по прибытии Игельстрём.

Несмотря на конфликтность и некоторую мнительность Бакунина, МИД не отказывался от его услуг и с его помощью продолжал внимательно следить за австро-венгерской политикой. Однако, видимо, ситуация с российским представительством после очередного громкого скандала в 1893 г. стала настолько критической, что Бакунина отозвали, а нового консула Игельстрёма Лобанов-Ростовский снабдил инструкцией: поддерживать «наилучшие отношения и отнюдь не вмешиваться в дела внутреннего управления, сообщать императорскому посольству о всех распоряжениях и нововведениях австрийского правительства, имеющих общее значение для страны, и указывать при этом, какое [...] могут иметь полезное или вредное последствие эти реформы для жителей провинций»¹⁴.

Таким образом, признавая право Австро-Венгрии на управление, но не присоединение Боснии и Герцеговины, российские дипломаты адаптировали работу консульства к новым реалиям: через 15 лет после начала оккупации ему пришлось из агента влияния стать в большей степени представительским и наблюдательным учреждением.

Примечания

¹ Подробнее см., например: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским извори-ма, 1856–1878. Сарајево, 1988; *Мельчакова К.В.* Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А.Ф. Гильфердинг и А.С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево // *Славянский альманах.* М., 2014. № 1–2. С. 61–73.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1139. Л. 3–3 об.

³ Там же. Оп. 514/2. Д. 303. Л. 94.

⁴ Там же. Ф. 161/2. Оп. 181. Д. 830. Л. 1 об–2.

⁵ Там же. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. Л. 63 об–64.

⁶ Там же. Оп. 514/1. Д. 1139. Л. 25–26.

⁷ Там же. Ф. 161/2. Оп. 181. Д. 830. Л. 1 об–2.

⁸ Хевролина В.М. Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консульств) // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XX века. М., 2007. С. 261.

⁹ Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850–1870-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Мельчакова Ксения Валерьевна. М., 2016.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 303. Л. 47.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² Arhiv Bosne i Hercegovine. F. Zajedničko ministarstvo finansije.

¹³ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 330. Л. 15 об.

¹⁴ Там же. Д. 384. Л. 56–56 об.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.7 *Е. С. Киреева (Сергеенко)*

Сербско-черногорские отношения и Косовский вопрос на рубеже XIX–XX вв.

Вопрос о судьбе европейских территорий Османской империи после ее неминуемого распада оставался на европейской повестке дня вплоть до Первой мировой войны. У всех заинтересованных сторон, среди которых были как балканские государства (Сербия, Черногория, Болгария), так и некоторые великие державы (прежде всего Австро-Венгрия и Италия), было свое собственное видение того, кому в итоге достанутся эти земли. Одним из наиболее спорных районов был Косовский вилайет. Руководство Сербии не скрывало своих планов по приращению территорий, лежащих к югу от ее границ, а именно территории современного Косово, однако у нее был соперник в лице Черногории, которой в конце XIX — начале XX вв. правил амбициозный князь Николай (1841–1921).

В конце XIX в. сербский престол занимала проавстрийская династия Обреновичей, а Черногорией правил пророссийский князь Николай, отношения между ними были на-

тянутыми. Поэтому, даже имея общую цель, государства не могли сблизиться и предпринять совместные шаги. Однако в центре проблемы были отнюдь не династические распри. Как считает современный российский историк В.Б. Хлебникова, главной причиной напряжения и враждебности сербских и черногорских правителей оставался тот факт, что они никак не могли договориться о разделе «турецкого наследства», о судьбе Старой Сербии¹.

Традиционно Сербия считала Косово и Метохию своей законной территорией, которая когда-то была «колыбелью сербского государства» и где находились все важные сербские православные святыни. Кроме того, в Косово проживало сербское население. Как отмечалось выше, сложными отношения Белграда и Цетинье делали претензии на одни и те же земли, то есть на Старую Сербию и Северную Албанию, объединить которые в рамках Черногории хотел Николай. Князь полагал, что «в прошлом славянские земли», а именно города Шкодер, Печ и Джаковица являлись «естественной территорией Черногории», а проживающее там славянское население в случае завоевания встанет на сторону княжества². Уже в 80-е гг. XIX в. оно начало налаживать контакт с местным населением, и православным, и мусульманским, что в итоге имело успех.

Со временем стало ясно, что в одиночку добиться усиления влияния и территориальных приращений за счет османских земель весьма трудно. Следовательно, Сербии и Черногории пришлось разработать общий план «о совместной национально-просветительской деятельности среди сербов в Турции», который Цетинье и Белград подписали в 1890 г.³.

Налаженные дружественные отношения важно было укреплять, поэтому в июне 1896 г. князь Николай прибыл с визитом в Белград. В ходе визита стороны снова подтвердили свои намерения о совместном освобождении сербского народа, что на деле означало присоединение югославянских земель к своему государству. Переговоры велись и на уровне министров иностранных дел, которые договорились, что Сербия и Черногория «совместно выступят против каждого,

кто будет угрожать правам сербского народа, будь то Турция, Австро-Венгрия или Болгария. Кроме того, министры договорились о будущем разделе сфер влияния, по которому Сербии досталась Македония, а Черногории — Северная Албания и Метохия⁴.

Предпринимавшиеся в 1897 г. попытки обозначить более точную границу снова не увенчались успехом, так как черногорский князь высказал претензии на Призрен, что не могло удовлетворить короля Александра (1876–1903)⁵.

В целом, отношения были сложными вплоть до 1903 г., когда в Сербии произошел переворот и престол занял Петр Карагеоргиевич (1844–1921). И хотя спор вокруг Призрена все еще оставался на повестке дня, отношения в целом можно расценить как удовлетворительные. По-настоящему два государства сблизилось в период Аннексионного кризиса 1908 г. Действия Австро-Венгрии нарушали планы Сербии и Черногории по будущему расширению территорий. Уже 12 октября 1908 г. сербская сторона направила в Цетинье меморандум, где говорилось о том, «как совместно действовать в связи с аннексией и на каких компенсациях сообщать настаивать»⁶, а к 24 октября Сербия и Черногория подписали договор, по которому они обязались защищать свои интересы всеми способами, в том числе военными, если это потребуется⁷. И хотя добиться от великих держав компенсаций им так и не удалось⁸, общая проблема сблизила Белград и Цетинье.

В 1911 г. во время албанских волнений в Косово и Северной Албании князь Николай начал переговоры с сербским правительством «о совместных действиях на случай возникновения серьезных осложнений из-за албанского вопроса»⁹. В итоге к началу Первой Балканской войны (1912–1913) Сербия и Черногория оставались союзниками и вместе выступили против Турции.

Молодые Сербское и Черногорское государства не вступали в открытый конфликт, однако их отношения в период с 1878 по 1912 гг. были весьма переменчивыми. В указанное время отношения между Цетинье и Белградом то ухуд-

шались, то снова налаживались. Влияние на это оказывало то, что, с одной стороны, оба государства претендовали на одну и ту же территорию, а именно на Старую Сербию, что обостряло отношения между ними. С другой же — внешние факторы, такие как усиление Австро-Венгрии и ее агрессия в 1908 г. (Аннексионный кризис), вели к сближению двух стран на фоне угрозы национальным интересам.

Примечания

¹ *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916. М., 2016. С. 163.

² *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 годах. М., 1993. С. 114.

³ В «пороховом погребе» Европы. 1878–1914. М., 2003. С. 186.

⁴ *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория... С. 156–157.

⁵ *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. С. 163–164.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Там же.

⁸ См.: *Попов Р.* Сербия, великие державы и вопрос о компенсациях в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976.

⁹ *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. С. 178.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.8

Н. Махмутай

Политическая философия в Албании во время национального возрождения

Для периода албанского Возрождения¹ характерно развитие новой идеологии и культуры с национальным и демократическим характером. В это время развивались политические и социально-философские идеи, над которыми работали выдающиеся мыслители, обобщая опыт албанского национального движения и вооруженной борьбы народа

против Османской империи. Значительную роль в развитии политической и общественной мысли эпохи Возрождения сыграли патриотическая пресса и художественная литература, настроенные на поддержание национального боевого духа. Историю Возрождения Албании принято делить на несколько этапов²:

I этап начинается в 30-е гг. XIX в. и продолжается до кризиса в Османской империи 1875–1878 гг. В этот период происходят существенные изменения в социально-экономической жизни, политические и культурные события, способствующие консолидации и формированию албанской нации. Тогда также началось определение основного направления политической философии Возрождения, которая была разработана идеологами этой эпохи. Видным представителем движения стал *Н. Векильхарджи* (род. в 1797 г.). Он является автором первой албанской азбуки (1844 г.), составленной на основе изобретенного им же алфавита. В 1821 г. Н. Векильхарджи принимал участие в восстании против Османской империи. Как просветитель, он пришел к выводу, что для материального и духовного прогресса албанскому народу, погруженному в невежество, необходимо образование на родном языке, так как без культурного развития невозможно политическое освобождение.

II этап (1878–1881 гг.) связан с решающим шагом в развитии национального движения — созданием и работой Албанской лиги. Наиболее выдающиеся деятели этого периода: *К. Кристофорид’хи*, *А. Фрашери*, *П. Васо*, *З. Юбани*. В основе идеологической платформы лежала философская концепция нации. Впервые ее сформулировал *А. Фрашери* (1839–1892). В своих трудах, опубликованных в 1878 г., он исследовал язык, территорию, историю и духовную жизнь, которую видел не в единой религии, а в привычках, рассказах, песнях, танцах и достоинствах народа. Он стремился прежде всего создать общее государство. «Только этнические критерии, — отмечал *А. Фрашери*, — могут установить мир на Балканском полуострове и настоящую гармонию между народами». А известный идеолог *З. Юбани* (1818–1880) из

Шкодера рассуждал о важной роли развития албанского народа и укрепления национального духа. З. Юбани пришел к выводу, что албанцам необходимо создание единого алфавита. Он, как и другие деятели Возрождения, обратился к историческому прошлому Албании и написал «Историю жизни и творчества Георгия Кастриоти».

III этап национального движения охватывает время с 1881 по 1908 гг., заканчиваясь младотурецкой революцией. Этот период не считается кульминационной точкой, но его значимость постепенно осознается с дальнейшим развитием политической философии и культуры. Тогда возросла роль албанцев, находившихся в эмиграции. *Н. Фрашери* (1846–1900) является центральной фигурой в литературе эпохи Возрождения и известен как активный деятель национального движения. Для Н. Фрашери Возрождение нации и свобода тесно связаны с возрождением свободного человека, с пробуждением его духовного обогащения, его нравственного совершенства³. Большой вклад в дальнейшее развитие албанской общественно-политической и философской мысли сделал видный идеолог *С. Фрашери* (1850–1904).

IV этап (1908–1912 гг.) начинается с победы младотурецкой революции и заканчивается провозглашением независимости Албании 28 ноября 1912 г. В этот период усилилось политическое и национально-культурное движение (1908–1910 гг.), а также противостояние этнических албанцев Османской империи в 1910–1912 гг. Национальное движение в этих условиях стало важным международным событием на Балканах. Многочисленные восстания за независимость Албании приблизили албанский народ к великой исторической победе, которая увенчала эпоху Возрождения.

Примечания

¹ Подробнее по теме см.: *Смирнова Н.* Краткая история Албании. М., 1965; *Худолей К.К.* История Албании. СПб., 2005; *Anamali S., Islami S., Korkuti M., Prendi F.* Historia e popullit shqiptar. Tirane, 2002; *Anamali S., Prifti K.* Historia e popullit shqiptar. Tirane, 2002; *Buda A.* Historia e Shqiperise. Tirane, 1984; *Demiraj Sh.* Historia e popullit shqiptar. Prishtine, 1984; *Feraj H.* Skice e mendimit

politik shqiptar. Tirane, 2006; *Frasheri S.* Shqiperia c'ka qene c'eshte e cfare do behet. Tirane, 1889; *Haskaj Z.* Mendimi politik e shoqeror i Rilindjes Kombetare shqiptare. Tom 2. Tirane, 1988; *Hoti U.* Filozofia politike e ceshtjes shqiptare. Tirane, 1995; *Pashko Vaso.* Shqypnia dhe shqyptaret. Tirane, 1987; *Pollo S.* Historia e popullit shqiptare. Tirane, 1986; *Vickers M.* Shqiptaret nje histori moderne. Tirane, 2008; *Zoto N.* Antologjia e letersise shqipe. Tirane, 2012.

² *Anamali S., Prifti K.* Ibid. F. 95–130.

³ *Pollo S.* Ibid. F. 199–203.

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ: НА ПУТИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.5.1

Н. С. Гусев

Хотели ли русские войны из австро-сербского конфликта в 1912 году?*

В 2018 г. исполнилось сто лет с окончания Первой мировой войны, изменившей карту Европы. Но начаться она могла и раньше 1914 г.: в 1912 г. по схожему поводу — давлению Австро-Венгрии на Сербию, на защиту которой встала Россия. Отличий между ситуациями можно насчитать множество, но прежде всего они касаются дипломатической позиции остальных великих держав и настроений русского общества...

Осенью 1912 г. началась Первая балканская война: Болгария, Сербия, Греция и Черногория совместно выступили против Османской империи. Сделали они это наперекор «европейскому концерту», готовившемуся к войне, но еще не готовому. Угрозы не допустить изменения status quo не остановили союзников. Великие державы вскоре смирились с тем, что Турция будет отброшена к Константинополю с небольшим хинтерландом и согласились на передел Балкан, всячески от него дистанцируясь. Сербия рассчитывала разделить побережье Адриатического моря с Грецией, тем самым получить самостоятельный выход к морю и избавиться от зависимости от северной соседки, но в Австро-Венгрии вынашивали свои планы проникновения на полуостров, и Вена настойчиво выступила за создание независимого ал-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-18002 Болг_a.

банского государства в границах, ставящих крест на проектах Белграда.

Сербия обратила свои взоры на Россию, которая могла бы встать на защиту ее притязаний и поддержать в противостоянии с Австро-Венгрией. В Петербург отправились сербские эмиссары, в прессе и на публичных собраниях настаивавшие на терминальной необходимости получения их родиной выхода к Адриатике.

Выступления официальных австро-венгерских лиц усугубляли напряжение в Европе, по Дунаю барражировали корабли и недвусмысленно высвечивали прожекторами правительственные здания в Белграде. В России все это вызывало тревогу, и правительство начало подготовку к войне. При этом в самом кабинете произошел раскол: не согласовав свою позицию с премьером и главой МИД, военный министр стал настраивать императора на вооруженное вмешательство. Под давлением С.Д. Сазонова и В.Н. Коковцова мобилизация в приграничных округах была отложена, ограничились лишь выделением дополнительных средств военному министерству и задержкой увольнения в запас отслуживших свой срок. Параллельно власти стали выяснять настроения общества относительно возможной войны¹. И здесь картины однозначной не получалось.

Военные (как офицеры, так и солдаты) по всей стране находились под влиянием и идеологического воздействия, и жажды самореализации, потому желали войны. В регионах на нее смотрели скорее отрицательно, понимая, что она будет стоить немалых людских и экономических жертв, опасались, что вновь, как и в 1904 г., страна окажется не готова к противостоянию. Но в целом интереса проявляли мало, особенно в Сибири. В крестьянской среде он вовсе отсутствовал; войны боялась и буржуазия, которая мечтала о пресловутых 20 годах покоя внутреннего и внешнего, но ее голос был не слышен.

Иные настроения царили в столицах, прежде всего, в среде интеллигенции и политиков, поскольку читающая публика так или иначе была вовлечена в перипетии внешней политики. Предчувствие войны зафиксировано в дневниках

и письмах современников, для М. Горького это даже стало поводом для шуток. Правая часть политического спектра и ряд октябристов настаивали на войне, правда, радикальные националисты выступали против, поскольку в данном случае во главу угла ставились не российские интересы. Кадеты демонстрировали более взвешенное и глубокое понимание ситуации, они учитывали интересы Сербии, сочувствовали ей. Но и среди них не было единства: одни члены партии считали возможным распространить сочувствие вплоть до вооруженного вмешательства, другие же — настаивали на примате интересов России, а их они видели в обладании проливами, война же с Австро-Венгрией из-за Сербии не могла решить эту проблему. Но, поддаваясь общим настроениям, и либералы постепенно переходили на воинственные позиции. Левые партии надеялись, что война создаст революционную ситуацию, этим же хотели воспользоваться сепаратистские организации поляков и прибалтов. Доходило до того, что редакторы популярных газет, боясь потерять читателей, отказывались печатать антивоенные статьи. Как отмечает российский историк Е.Г. Кострикова, «слово “война” легко произносилось на “патриотических” манифестациях, мелькало на страницах газет», и для части общества была перейдена черта, за которой война не воспринималась со всей опасностью².

Чем же руководствовались сторонники войны? В первую очередь соображениями престижа. Столичные умеренные круги считали войну допустимой лишь в случае вооруженного выступления Австро-Венгрии или «оскорбления достоинства России», а в чиновничьих кругах и вовсе видели в ней возможность укрепить патриотические настроения сограждан. Редко кто заявлял о необходимости защитить Сербию, она являлась лишь поводом для спора Вены и Петербурга, могущего перерасти в боевые действия, но начинать их из-за порта на Адриатике никто не хотел, этот повод даже называли нелепым. Как ни старались сербские эмиссары донести до русского общества жизненную необходимость выхода к морю, абсурдность создания албанского государства,

основным мотивом для милитаристски настроенных оставались интересы и престиж России. Время славянофильских заявлений и объявления войн в защиту славян прошло, к тому же в данном случае не стояло вопроса о жизни и смерти народа.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что в 1912 г. русское общество оказалось перед дилеммой «мир» или «престиж», и основная масса населения выбирала первое, второе же являлось бóльшей ценностью для интеллигентских и политически ангажированных кругов, которые в итоге и определяли вектор развития настроений публики.

В конечном итоге, поняв опасность ситуации, не получив от союзников твердых заверений в полной поддержке, российская дипломатия согласилась на создание Албании. Это не могло предотвратить новую войну, поскольку причина конфликта не была решена каким-либо способом: из европейского погреба не убрали пороховые бочки, а лишь погасили фитиль. Однако начавшаяся в прессе в 1912 г. антиавстрийская истерия³ воздействовала на русское общество, все более и более настраивавшееся на войну с «немцем». Это вместе с тем, что летом 1914 г. требования Австро-Венгрии будут угрожать не экономическому процветанию Сербии, а самому ее существованию и объясняет разницу в отношении народа к войне в 1912 и 1914 гг.

Примечания

¹ Итоговый доклад, представленный императору см.: *Гусев Н.С.* «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // *Славянский альманах*. М., 2017. Вып. 1–2. С. 426–439.

² *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007. С. 398–399.

³ Об этом см.: *Котов Б.С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны. 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Котов Борис Сергеевич. М., 2014. С. 106–273.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.5.2

Е. Е. Артюшкова

Балканский опыт РОКК: отчет о Первой Балканской войне

В ходе Балканских войн Российское Общество Красного Креста (далее — РОКК) приняло деятельное участие в оказании медико-санитарной помощи воюющим армиям. Вскоре после возвращения последнего отряда РОКК с Балканского полуострова в мае 1913 г. состоялось общее собрание членов Российского Общества Красного Креста, и один из докладов на нем был посвящен Балканской войне, которую позже стали называть Первой балканской войной. Также участникам был роздан очерк — типографское издание, в котором более подробно была описана деятельность РОКК в этой войне¹. Он был составлен на основе материалов Главного Управления Российского Общества Красного Креста и отчетов каждого учреждения РОКК — участника событий — и позволяет познакомиться с «официальной» краснокрестной версией происходившего. При этом приведенные данные, вероятно, соответствовали действительности, и информация документа представляет определенный интерес.

Приготовления Красного Креста к оказанию помощи воюющим государствам начались в сентябре 1912 г. с известия о мобилизации балканских государств и Турции. Помощь РОКК в основном заключалась в формировании и отправке на театр военных действий лечебных учреждений как за счет собственных средств, так и благодаря содействию разных лиц и организаций². Отряды прибывали на Балканы, там от местных Крестов, военных министерств получали указания, где открывать свою деятельность. В Константинополь был отправлен отряд для организации русского лазарета для раненых, подчинявшийся, что характерно, российскому императорскому послу³.

От военных интендантств отряды получали помещения (бывшие турецкие казармы, здания школ, училищ, офи-

церского военного клуба), которые далеко не всегда были приспособлены для размещения в них лечебных учреждений. Некоторые из помещений до прибытия русских отрядов были заняты местными госпиталями, которые двигались дальше за войсками, оставив тяжело раненых. Здания приходилось несколько дней чистить, дезинфицировать, достраивать, для чего за определенную плату привлекались местные жители. Затем учреждения начинали прием раненых и больных⁴.

Местные Кресты, военные министерства оказывали серьезную поддержку русским отрядам в вопросах пополнения санитарного персонала и организации продовольствия. Часть санитаров и переводчики были прикомандированы из числа местных ополченцев. Продукты либо безвозмездно поставлялись военными интенданствами Болгарии и Сербии, либо закупались у местных жителей. Так как раненые и больные хотели получать исключительно пищу местной кухни, русские повара либо обучались болгарской, сербской кухне, либо учреждения нанимали местных поваров. Болгары и сербы также служили по вольному найму кучерами, прачками и проч.⁵.

Следует отметить, что заведения РОКК весьма успешно приспособлялись к местным обстоятельствам, увеличивая количество коек, нередко меняя характер своей деятельности. Так, к примеру, часть этапных лазаретов в Болгарии стала стационарными больницами, куда доставлялись тяжелообольные и раненые. Когда возникла необходимость, из состава одного из лазаретов был выделен особый летучий отряд, получивший назначение на передовые позиции под Адрианополь, что «до того времени Болгарским военным начальством не допускалось ни для одного иностранного отряда Красного Креста». Во время штурмов крепости 11 и 12 марта отряд, находясь под артиллерийским огнем, накопил свыше 2 100 человек, сделал массу перевязок, 18 трепанаций, 5 ампутаций, наложил 50 гипсовых повязок⁶.

Во многих случаях «отряды Русского Красного Креста, хорошо оборудованные, оказывались единственными учреж-

дениями, в которых раненые могли получить надлежащую военную помощь». Как неоднократно отмечалось в разных отчетах отрядов РОКК, особенно тяжелым в плане организации медицинской помощи был первый период войны (октябрь–декабрь), когда остро ощущался недостаток медицинского персонала балканских армий, а также перевязочного материала. В лазареты РОКК поступали раненые в тяжелом состоянии: «Сплошь и рядом из пулевых проходов приходилось извлекать турунды (небольшой узкий марлевый тампон. — *Е. А.*), введенные в передовых пунктах в чистые раны», «повязки были наложены из грязных кусков марли [...], промокали и кровоточили»⁷.

Врачи РОКК вели бесплатный амбулаторный прием местных жителей — как христиан, так и мусульман, порой выделяя из собственных аптек лекарства. Некоторые врачи проводили операции в болгарских и сербских госпиталях, выступая хирургами-консультантами⁸.

Учреждения Российского Креста неоднократно посещали болгарская королева Элеонора, сербский король Петр, королева эллинов Ольга и члены королевских семей, а также иностранные врачи, представители миссий, давшие прекрасные отзывы о работе РОКК⁹.

После перемирия в январе часть учреждений была отозвана Главным Управлением РОКК в Россию, часть — осталась на театре военных действий, вернувшись к 12 мая 1913 г.¹⁰.

По неполным сведениям (ко времени составления очерка не была получена информация о деятельности нескольких лазаретов), в учреждениях Российского Общества Красного Креста на Балканах в период Первой балканской войны на излечении находилось 13 636 раненых и больных (их них 9 737 в Болгарии, 1 722 — в Сербии, 340 — в Греции, 745 — в Черногории и 191 человек в Турции). Больные и раненые провели в учреждениях РОКК на Балканах 171 482 дня. Амбулаторно получили помощь РОКК 8 043 человека¹¹.

Всего на обеспечение деятельности учреждений РОКК было израсходовано 859 087 руб. 63 коп.¹². В эту сумму во-

шли 574 926 руб. 22 коп.¹³ из кассы Главного Управления, 284 161 руб. 41 коп. поступило от частных лиц и учреждений.

Следует отметить, что для РОКК опыт Балканских войн 1912–1913 гг. был весьма значим, так как после русско-японской войны руководство Российского Креста предприняло ряд мер, призванных улучшить работу учреждений РОКК в военное время. И в ходе Балканских войн Общество смогло убедиться в эффективности проведенных изменений¹⁴. Одним из важнейших изменений в работе Красного Креста стало появление в 1912 г. собственного мобилизационного плана, разработка которого привела к необходимости установить типы и штаты лечебных учреждений Красного Креста военного времени и вспомогательных к ним учреждений¹⁵. В целом деятельность РОКК в период Первой балканской войны можно считать весьма успешной¹⁶. В ходе войны были проверены в действии новые типы учреждений, медицинский и санитарный персонал получил серьезный опыт. 25–26 мая Главное Управление организовало слушание докладов врачей-участников кампании¹⁷. Позже при составлении новых инструкций, мобилизационных планов РОКК неоднократно обращалось к опыту Балканских войн¹⁸.

Примечания

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 47–115 об.

² Позже в связи с возникшей необходимостью на Балканы был также отправлен санитарный транспорт. Часть сербских раненых эвакуировал в Салоники присланный из Одессы пароход.

³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 48–50 об.

⁴ Там же. Л. 59–59 об.

⁵ Там же. Л. 78, 80 об., 83, 84 об., 88 об.

⁶ Там же. Л. 60–69 об.

⁷ Там же. Л. 56 об., 62–62 об., 68, 71, 73, 74, 90 об.

⁸ Там же. Л. 62–62 об., 73 об., 74, 94.

⁹ Там же. Л. 74, 82.

¹⁰ Там же. Л. 107–109 об.

¹¹ Там же. Л. 104 об.

¹² Там же. Л. 46–46 об.

¹³ Из них 68 918 руб. 30 коп. были взяты из специально хранившегося в Главном Управлении Славянского капитала, оставшегося от русско-турецкой войны.

¹⁴ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 115 об.

¹⁵ Штаты (кроме передового отряда) были утверждены 16 февраля 1912 года: РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1059. Л. 90–94 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 323. Л. 115 об.

¹⁷ Там же. Л. 11.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1056. Л. 81.; там же. Оп. 3. Д. 347. Л. 98–101.; там же. Оп. 3. Д. 348. Л. 44–45.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.5.3

И. А. Градобоев

Балканские войны в мемуарах и дневниках македонских болгар

Балканские войны были инициированы Балканским союзом, ядром которого стала Болгария, подписавшая двусторонние договоры с Сербией, Грецией и Черногорией, тем самым оформив военно-политический блок. Секретные договоренности, касавшиеся раздела Македонии, были подписаны без учета интересов местного населения, которое к моменту начала Балканских войн уже имело сформировавшееся национальное сознание. Одной из наиболее многочисленных этнорелигиозных групп, проживающих на македонских землях, были болгары. В контексте Балканских войн является важным рассмотрение позиции и отношения македонских болгар к самим военным конфликтам и проблемам, возникшим во время боевых действий, используя дневники и мемуары свидетелей тех событий.

На протяжении первого десятилетия XX в. Македония являлась полем, где происходили постоянные кровавые столкновения между разными этнорелигиозными общностями. Непрерывная конфликтная обстановка способствовала желанию македонских болгар реализовать свою национальную идею, а именно воссоздать Сан-Стефанскую Болгарию.

По словам И. Михайлова, будущего члена ВМОРО*, многие его учителя в различное время, так или иначе, были связаны с ВМОРО, некоторые из них участвовали в антитурецком Илинденском восстании 1903 г.¹ Данный факт свидетельствует о приверженности болгарского общества в Македонии общеполитической национальной идее.

Объявленная осенью мобилизация в странах Балканского союза и другие подготовительные меры к войне были известны в Македонии, поэтому объявление войны Черногорией Османской империи, а потом и остальными союзниками, не вызвало удивления среди болгарской части населения, скорее наоборот — люди ожидали начала войны и восторженно ее приветствовали. Так, 5 октября 1912 г. Г. Трайчев, болгарский учитель и деятель ВМОРО, называл ее «великим моментом освобождения поработанной Македонии». В этот день регулярная болгарская армия, в которой служили и болгары-македонцы, ставшие болгарскими подданными, получила полковые знамена².

Активно шла подготовка и в самой Македонии, где Т. Александров, член ЦК ВМОРО, формировал компактные боевые отряды — четы — и отправлял их в разные части региона³. После начала боевых действий македонские болгары стали активно выступать на стороне союзников, формируя полки ополчения из Македонии и Фракии. По сообщениям Х. Силянова, деятеля ВМОРО и четника, в партизанских четах, относящихся к ополчению, можно было встретить людей любых профессий и видов деятельности: «бывшие четники, рабочие, лавочники, мастера, мельники, молочники, студенты»⁴. Четнические отряды также часто пополнялись дезертирами, покидавшими турецкую армию, не желая воевать против своих соотечественников.

Местное болгарское население, непосредственно не участвовавшее в боевых действиях, «с трепетом и волнением»⁵ следило за маневрами болгарской армии, стараясь помогать

* Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМОРО) своей главной целью ставила воссоединение Македонии и Болгарии в едином государстве.

ей и четам продовольствием⁶. Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о высоком уровне мобилизации среди болгарского населения Македонии в период Первой балканской войны.

Важно отметить, что отношения среди союзников уже с начала войны нельзя было охарактеризовать в каком-то едином ключе. По сообщениям участника боевых действий Хр. Силянова, греческие офицеры публично чествовали царя Фердинанда и болгар, на что болгарские солдаты отвечали тем же в отношении короля Георга и греков, подчеркивая радость за успехи союзников в войне⁷.

Однако Первая балканская война постепенно обнажила между союзниками противоречия и претензии, которые становились все более заметными, пока полностью не вышли на первый план. Такие трения, безусловно, были зафиксированы болгарскими македонцами. Например, греки установили цензуру на захваченных ими территориях, не давая выходить газетам, занимавшим проболгарскую позицию⁸. В свою очередь сербские офицеры с наступлением перемирия просили болгарских четников сдать оружие, намеренно провоцируя болгар на конфликт, так как разрешение от Т. Александрова для них не имело никакого значения⁹.

Уже 30 октября 1912 г. в Солуни собрались члены ЦК ВМОРО, обеспокоенные действиями сербской и греческой армий, действовавших не в рамках союзного договора. Центральный комитет пришел к выводу, что союзники будут препятствовать национальному объединению болгар, и написал письмо премьер-министру Болгарии И. Гешову, в котором говорилось, что правительство не имеет права распоряжаться хоть частью болгарской земли¹⁰.

С течением времени конфликтных ситуаций становилось все больше, пока на захваченных греками и сербами территориях не начались открытые гонения и убийства болгарского населения. Прежде всего, сербы старались покончить с болгарской интеллектуальной элитой, куда входили священники и учителя, закрывая экзархистские церкви и школы¹¹. Нечто подобное можно было увидеть и в Солу-

ни, только в этом случае греки пытались ограничить распространение болгарского влияния путем присвоения себе строений, являвшихся при турках мечетями¹².

Некоторые представители болгарского национального движения, осознавая, что значительные территории с болгарским населением оказались в руках сербов и греков, стали предлагать варианты выхода из сложившейся ситуации. Широко обсуждаемой идеей стала автономия Македонии, которая бы позволила сохранить ее целостность. В своих воспоминаниях С. Радев, военный корреспондент болгарской газеты, называет такую идею наивной. Позже, когда П. Чаулев предложил поднять восстание и объявить союз Македонии и Болгарии, Г. Атанасов, деятель ВМОРО, называл его «фантазером»¹³.

Вторая Балканская война и ее итоги вызвали настоящий шок среди всего болгарского народа, нарекшего те события национальной катастрофой. Предательство Сербии вызывало только ненависть у болгар¹⁴. В связи с этим, поражение для болгарского народа стало еще более тяжелым с психологической точки зрения. Г. Попхристов характеризует Македонию после Бухарестского договора 1913 г. не иначе, как «порабощенную и раздробленную»¹⁵.

После неудачной попытки реализовать свою национальную мечту македонские болгары стали искать виновных в поражении. В частности, назывались имена царя Болгарии Фердинанда¹⁶ и императора России Николая II¹⁷, которые допустили существенные дипломатические и военные просчеты в Балканских войнах. Македонские болгары в своих дневниках и мемуарах смогли отразить не просто канун Балканских войны, боевые действия и их итоги, а еще смогли наполнить воспоминания важными событийными точками и комментариями к ним. Именно с помощью данных материалов возможно наиболее глубоко понять чаяния, ментальность македонских болгар и болгарского народа в целом в то время.

Примечания

- ¹ *Михайлов И.* Спомени. I-младини. Льовен, 1958. С. 97.
- ² *Трайчев Г.* Духовни качества на македонските българи. София, 1928. С. 12–13.
- ³ Материяли за историята на македонското освободително движение, кн. XI. София, 1931. С. 74.
- ⁴ *Силянов Х.* Писма и изповеди на един четник. Спомени от Странджа. От Вишога до Грамос. София, 1984. С. 354.
- ⁵ *Николов К.* Странстванията на един учител: Спомени на Коста Николов. София, 2001. URL: <http://macedonia.kroraina.com/kn/knsolun.html> (дата обращения: 02.04.2018).
- ⁶ *Силянов Х.* Писма и изповеди на един четник. С. 382.
- ⁷ Там же. С. 414–420.
- ⁸ *Хаджидимов Д.* Живот и дело. София, 1985. С. 189.
- ⁹ Материяли за историята на македонското освободително движение. С. 84.
- ¹⁰ *Хаджидимов Д.* Живот и дело. С. 188.
- ¹¹ *Михайлов И.* Спомени. I-младини. Льовен, 1958. С. 115.
- ¹² Там же. С. 108.
- ¹³ *Радев С.* Това, което видях от Балканската война. София, 1993. С. 73–84.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Материяли за историята на македонското освободително движение, кн. IV. София, 2014. С. 204.
- ¹⁶ *Николов К.* Странстванията на един учител...
- ¹⁷ *Кусев М.* Погрома на България. Виновникът. Стара-Загора, 1914. С. 4.

РАСПАД АВСТРО-ВЕНГРИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.6.1

Д. С. Парфирьев

Холмщина в геополитических планах украинских политиков Австро-Венгрии (1915–1916 гг.)

В мае 1915 г. русские части перешли в отступление в Галиции и Царстве Польском под натиском германских и австрийских армий. Вернув контроль над Галицией и Буковиной, войска центральных держав вторглись на западные окраины Российской империи со значительным удельным весом украинского (малороссийского) населения: Холмщину, Подляшье, Полесье и Волынь. Украинские круги Австро-Венгрии, центром которых был Всеобщий украинский совет (далее — ВУС) — национальный представительный орган, состоявший в основном из австрийских украинских политиков, — больше всего опасались, что занятые территории перейдут под власть поляков. В меморандуме, направленном в Вену в октябре 1915 г., подчеркивалось: «Всеобщий Украинский Национальный Совет [...] ожидает, что оккупированные украинские области России, к которым уже относятся Холмщина, а также Волынь, будут обособлены от польских областей и ни в какой форме не будут с ними объединены»¹.

Судьба Холмщины, а точнее Холмской губернии, особенно беспокоила украинские политические круги, поскольку именно ее конкурирующий польский лагерь активно предлагал присоединить к Люблинской губернии. Холмская губерния была создана российскими властями 1912 г. путем выделения из Царства Польского ряда территорий с преимущественно восточнославянским православным населе-

нием. Это возмутило польские круги в самой империи и за ее пределами. Украинские активисты, в свою очередь, считали Холмщину украинским регионом. Еще до начала войны географ, доцент Львовского университета С. Рудницкий доказывал, что в Холмщине «испокон веков сидит украинский народ», но из-за политики русификации и «неугасших еще католических симпатий населения» в регионе быстро набрала обороты полонизация². Во время войны украинские лидеры в Австро-Венгрии продолжали настаивать, что Холмская губерния — исторически и географически украинская, а не польская земля³. В конце 1915 г. в календаре общества «Просвита» на следующий год историк и географ Иван Крипякевич прогнозировал четыре теоретически возможных варианта судьбы оккупированных Волыни и Холмщины: часть самостоятельного украинского государства в союзе с Австрией и Германией; переход в состав Австрии; раздел между Австрией и Германией; раздел между Австрией и Польшей⁴. Первые два варианта были наиболее предпочтительными: украинские политики Австро-Венгрии открыто выражали надежду, что «завоеванные в победном походе» земли, то есть Волынь и Холмщина, войдут в состав Австро-Венгрии⁵.

Представители австрийской власти в переговорах с украинцами не говорили ничего конкретного о судьбе оккупированных украинских земель России. 4 августа 1915 г. глава правительства К. Штюргк пояснил председателю ВУС К. Левицкому, что не может дать никаких гарантий насчет этих земель и их будущее зависит от результата войны⁶. 21 сентября того же года аналогичный ответ членам ВУС дал министр иностранных дел империи И. фон Буриан⁷. После ответа Штюргка совет принял резолюцию с «глубочайшим убеждением», что политическая судьба занятых войсками центральных держав территорий России будет определяться «в строгом соответствии принципу национальности». Отмечалось, что Волынь, Холмская губерния и юго-западные части Гродненской и Минской губерний России должны стать или частью независимой Украины, или «обособ-

ленной, автономной государственно-правовой единицей в тесном союзе с центральными державами», где решающее значение будут иметь национально-политические интересы соответствующего населения при одновременном гарантировании прав национальных меньшинств»⁸. Присоединение какой-либо части украинских земель к польскому государству, по прогнозам украинской публицистики, грозило «полным банкротством» ориентации украинцев на центральные державы и поворотом их взглядов на Восток⁹.

На заседании ВУС 20 декабря 1915 г. политик Л. Цегельский усомнился, что украинские земли Австрии получат национальную автономию, а Холмщина, Подляшье и другие «спорные земли» не достанутся Польше. Цегельский предложил президиуму совета проект официального изложения украинских требований для публичного распространения¹⁰. В итоге ВУС поручил географам С. Томашевскому и С. Рудницкому разработать меморандум о западной границе Украины. 28 января 1916 г. ВУС постановил считать западной границей оккупированных украинских земель границу российской Холмской губернии, определенную в 1912 г.¹¹.

В начале 1916 г. украинские круги беспокоило то, что Германия намеревалась создать подконтрольное себе польское государство, а Австро-Венгрия «колебалась и откладывала на потом» вопрос об украинском государстве¹². В марте–апреле австро-венгерское верховное командование заверяло руководство ВУС, что присоединение округов Холм, Грубешув и Томашув к Люблинской губернии неактуально, а в начале мая того же года письменно уведомило совет, что эти округа не будут присоединены. Глава МИД фон Буриан же по-прежнему отказывался давать какие-либо гарантии насчет будущего Холмщины¹³. 4 июня 1916 г. русские войска развернули стратегическое наступление на юго-западном фронте. Удары были направлены на Волынь и на Буковину. К началу июля австрийцы утратили контроль над всей Буковиной, а на Волыни вступили в тяжелые бои под Ковелем, затянувшиеся на два месяца. Нуждаясь в лояльности поляков, Вена окончательно отказалась признавать право

украинцев на восточную часть Холмщины. 5 июня 1916 г. вся Холмская губерния вопреки протестам украинцев была присоединена к Люблинской губернии под предлогом военной целесообразности¹⁴, а позднее, в ответ на очередной меморандум ВУС, австро-венгерские верховное командование и МИД фактически признали политический, а не военный характер этого шага¹⁵. Внимание венских правящих кругов к украинскому фактору заметно снизилось, и украинским политикам ничего не оставалось, кроме как активно добиваться внимания Берлина, где их требования продолжали принимать во внимание¹⁶. В последующие годы войны украинские политики еще не раз обращались к проблеме принадлежности Холмщины и других «освобожденных» земель, но уже при иных обстоятельствах.

Примечания

¹ Цит. по: *Левицький К.* Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1928. С. 245.

² *Рудницький С.* Коротка географія України. Часть. II. Львів, 1914. С. 8.

³ *Левицький Є.* Союзні війська на українській землі // *Українське слово.* 28 вересня 1915. Ч. 78. С. 1.

⁴ *[ван] К[рип'якевич].* Визволена Україна // *Календар Товариства «Просвіта»* на 1916 р. Львів, 1916. С. 95.

⁵ Діло. 25 падолиста 1915. Ч. 110. С. 1; *Лозинський М.* Утворенне українського коронного краю в Австрії. Відень, 1915. С. 75.

⁶ *Левицький К.* Історія визвольних змагань... С. 291–292.

⁷ Там же. С. 228–230.

⁸ Зі Загальної Української Ради // *Українське слово.* 4 серпня 1916. Ч. 191. С. 2; *Левицький К.* Історія визвольних змагань... С. 294.

⁹ Діло. 14 жовтня 1915. Ч. 63. С. 1; *Лозинський М.* Війна і польська політична думка. С. 98.

¹⁰ Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–23.

¹¹ XVII Засідане Загальної Української Ради // *Українське слово.* 1 лютого 1916. Ч. 29. С. 3; *Левицький К.* Історія визвольних змагань... С. 304.

¹² *Левицький К.* Історія визвольних змагань... С. 290–291.

¹³ *Левицький К.* Історія визвольних змагань ... С. 340, 359; *Кураєв О.О.* Українська проблема у політиці Берліна та Відня у Першій світовій війні (1914–1918). К., 2006. С. 139.

¹⁴ *Левицький К.* Історія визвольних змагань... С. 359.

¹⁵ *Кураєв О.О.* Українська проблема... С. 154–155.

¹⁶ Там же. С. 154.

Чешско-Словацкий корпус между Западным и Восточным фронтами (конец 1917 — начало 1918 г.)

1917 г. стал важным этапом в истории чешско-словацкой заграничной акции. Произошедшие в России революционные события внесли серьезные коррективы в подходы к чешскому и словацкому вопросам как в кругах российской политической элиты, так и у лидеров заграничной акции. В марте — апреле 1917 г. был завершен процесс по упразднению Чешско-Словацкого народного совета, руководство которым осуществлял депутат австрийского рейхсрата от Чешской аграрной партии Йозеф Дюрих. Этот орган был создан для организации на территории России центра чешско-словацкого национального сопротивления, альтернативного образованному в Париже в феврале 1916 г. Чешско-Словацкому национальному совету (далее — ЧНС). На состоявшемся в конце апреля 1917 г. III съезде Союза чешско-словацких обществ в России было принято решение о поддержке политической линии, проводимой лидером ЧНС Томашем Гарригом Масариком. Для реализации ее на практике было учреждено Отделение Чешско-Словацкого национального совета для России (ОЧНС)¹.

Масарик прибыл в Петроград в ночь на 3 (16) мая и пробыл в России до марта 1918 г. Основным направлением его деятельности стало завершение процесса формирования чешско-словацкой национальной армии. Параллельно острый характер приобрела проблема транспортировки военнослужащих-добровольцев чешско-словацких частей и военнопленных чехов и словаков во Францию. Намерение председателя ЧНС отправить на Западный фронт, по крайней мере часть из них, было обусловлено как нестабильностью внутривнутриполитической ситуации в России, так и

заинтересованностью властей Третьей республики. В пользу отъезда чехов и словаков из России во Францию говорило и недоверие российских военных к проектам, предлагавшимся представителями национально-освободительного движения. По словам самого Масарика, на фоне проблем, господствовавших внутри российской армии, ее постепенного распада они не видели никакого смысла в завершении формирования чешско-словацкого войска до уровня корпуса². В частности, крайне негативную позицию по данному вопросу заняли начальник Киевского военного округа полковник К.М. Оберучев и военный и морской министр Временного правительства А.Ф. Керенский³.

Главным сторонником Масарика в переговорах с российскими властями об отправке чешско-словацких добровольцев стал пребывавший на тот момент в России министр вооружений Французской Республики Альбер Тома. Одной из стоявших перед ним задач по-прежнему оставался набор людских ресурсов, в которых во Франции чувствовалась острая необходимость. Получив согласие председателя ЧСНС, Тома обратился к Временному правительству с просьбой об отправке в течение лета 1917 г. 30 тыс. чешских и словацких военнопленных в качестве рабочих для французских военных заводов и фабрик и военнослужащих для службы в рядах армии Третьей республики⁴. Его ходатайство получило положительный отклик со стороны Главного управления Генерального штаба⁵. В июне 1917 г. чешско-словацкая сторона приступила к реализации своих планов на практике. 31 мая (13 июня) 1917 г. Тома и Масарик заключили договор об отправке во Францию рабочих чешского и словацкого происхождения⁶. Параллельно председателю военной комиссии ОЧСНС В. Гоуске, ее референту А. Эйзенбергеру и председателю комиссии по делам военнопленных В. Халупе было поручено разработать новый проект военной акции, предусматривавший формирование чешско-словацких частей для Французской Республики⁷. Впоследствии он был представлен на рассмотрение начальника французской военной миссии в России генерала А.А. Нис-

селя и получил его одобрение. Окончательное утверждение этого плана должно было состояться в Париже⁸.

Тем временем ситуация в России начала складываться в пользу чешско-словацкой стороны. Известие о героическом поведении военнослужащих Чешско-Словацкой стрелковой бригады в сражении у Зборова (19 июня (2 июля) 1917 г.) способствовало кардинальному изменению отношения российских военных властей и лично А.Ф. Керенского к проблеме дальнейшего наращивания потенциала чешско-словацкого войска. Их готовность оказывать помощь в наборе добровольцев и формировании войсковых единиц, а также отсутствие известий от правительства Третьей республики привели к корректировке отношения ОЧСНС к проекту отправки войска во Францию. В таких условиях Масарик сконцентрировался на формировании чешско-словацких частей для России.

О согласии французской стороны с предложениями Отделения Национального совета стало известно лишь в конце августа⁹. По договоренности с ее военными представителями осенью 1917 г. из России выехали два транспорта с чешско-словацкими добровольцами. Первый из них прибыл во Францию в ноябре 1917 г., второй — в конце марта 1918 г.¹⁰.

Новым испытанием для руководства ОЧСНС для России и частей сформированного к тому времени Чешско-Словацкого корпуса стала Октябрьская революция, которую они застали на Украине. Сложная и крайне противоречивая внутривойсковая обстановка в регионе способствовала возникновению у действовавших там чешско-словацких политиков проектов использования частей корпуса в качестве основы для возрождения русской армии и возобновления военных действий на Восточном фронте¹¹. Их несостоятельность стала очевидной после того, как правительство Украинской Народной Республики начало склоняться к заключению сепаратного мира с Центральными державами. Теперь председатель ЧСНС был твердо намерен окончательно связать судьбу войска с Францией. Для этого имелись все необходимые основания, ибо 16 декабря 1917 г. президент

Третьей республики Р. Пуанкаре подписал декрет об организации во Франции автономной чешско-словацкой армии. 25 января (7 февраля) 1918 г. ОЧСНС опубликовал официальное сообщение о провозглашении Чешско-Словацкого корпуса ее частью¹².

Примечания

¹ Выписки из протоколов заседаний в г. Киеве III-го съезда земляческих обществ чехов и словаков в России с резолюциями о признании ЧНСовета во главе с Т.Г. Масариком в качестве верховного органа национально-освободительного движения, а его Отделение для России — руководящим и исполнительным органом // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. М., 2013. С. 681–682.

² *Масарик Т.Г.* Мировая революция. Воспоминания. Т. 1. Прага, 1926. С. 177.

³ *Fic V.M.* Revolutionary War for Independence and the Russian Question: Czechoslovak Army in Russia. 1914–1918. New Delhi, 1977. P. 65.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474. Д. 224. Л. 244–245 об.

⁵ Отношение ГУГШ председателю Отделения для России ЧНСовета Б. Чермаку о поднятом министром вооружений Франции А. Тома вопросе передачи чешских воинских частей и рабочих Франции // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 1. С. 693–694.

⁶ V Petrohradě dne 13. června (31. května) 1917. Pracovní statut pro česko-slovenské dělníky — bývalé valečné zajatce ruské — ve Francii, sjednaný mezi francouzským ministrem výzbroje Albertem Thomasem a předsedou Národní rady československé T.G. Masarykem // *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce: vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl 1. Praha, 1935. Dok. 260. S. 621–622.

⁷ *Kudela J.* Masaryk v OČSNR na Rusi // *Naše Revoluce.* 1931. Roč. VII. Sv. 1. S. 6–7.

⁸ Записка председателя ЧНСовета Т.Г. Масарика в МИД «О формировании чешско-словацких войсковых частей для русского и французского фронтов» // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 1. № 432. С. 824.

⁹ Там же.

¹⁰ *Fic V.M.* Revolutionary War... P. 74–78.

¹¹ Direktiva Československému armádnímu sboru v Rusku // *Masaryk T.G.* Válka a revoluce. Díl II: Články — memoranda — přednášky — rozhovory. 1917. Praha, 2008. S. 316–319.

¹² Prohlášení // *Československý denník.* 1918. Č. 15. S. 1.

Как Чехословакия получала свои границы: дискуссия о Гроссе-Шют

Парижская мирная конференция была созвана по окончании Первой мировой войны державами-победительницами для решения проблем послевоенного устройства мира и территориального передела с установлением границ новых государств.

Одно из таких государств — Чехословакия — к началу конференции (январь 1919 г.) уже столкнулось с рядом территориальных вопросов и конфликтов. Сложилась напряженная обстановка в пограничных регионах с преимущественно немецким, польским и венгерским составом населения. Чехословацкие политики планировали включить эти территории в новое государство. При этом делегаты опирались на разнородные аргументы: чешское историческое право и экономическую необходимость.

Основные решения конференции по разграничению были довольно быстро приняты в пользу чехословацких делегатов. Однако некоторые вопросы, связанные с присоединением территорий с высокой концентрацией венгерского, немецкого и польского населения, привели к неоднозначным дискуссиям среди представителей великих держав. Дело в том, что изначально в вопросах разграничения конференция должна была опираться на естественное право народов на самоопределение. Задачей чехословацких делегатов стало переубедить оппонентов, используя экономические и стратегические доводы¹.

На фоне таких дискуссий особенно выделяется вопрос о дунайском острове Гроссе-Шют (с 1919 г. — Житный остров), так как споры по этому поводу возникли не только среди экспертов от великих держав, но и среди самих чехословацких

политиков. Самый большой в Европе речной остров выгодно выделялся стратегическим расположением и урожайностью, но при этом относился к областям с наибольшей концентрацией венгерского населения.

В начале дискуссии о словацкой границе французы хотели отдать остров Чехословакии², американцы — Венгрии, собираясь при этом провести границу «вдоль этнической линии». Великобритания не собиралась озвучивать свое мнение, пока не будут приняты другие решения, однако известно, что британский эксперт, дипломат Г. Никольсон к включению острова в состав Чехословакии относился крайне отрицательно³ и опасался, что государству «не переварить» блок враждебных избирателей⁴.

Президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик не считал присоединение острова приоритетным, полагая, что важнее включить в состав нового государства правобережье Дуная. Однако чехословацкий делегат и министр иностранных дел Эдвард Бенеш не был готов отказаться от Гроссе-Шют и, обладая неоспоримым влиянием в вопросах границ, смог склонить на свою сторону большинство экспертов от великих держав⁵.

Внутренний конфликт интересов привел к недоразумению. Хотя изначально вопрос о Гроссе-Шют был решен в начале марта 1919 г., в мае этого же года он был поднят снова в связи с информацией о том, что Масарик готов отказаться от него. Был заготовлен черновик новой резолюции, однако Бенеш настоял на том, что информация ошибочна, вызвав явное неудовольствие представителей Великобритании, до конца надеявшихся на пересмотр решения⁶. Скорее всего, в реальности Масарик отказался от своей позиции под давлением правительства.

Вхождение острова в состав Чехословакии было окончательно одобрено 13 июня 1919 г., а официальное утверждение чехословацко-венгерской границы произошло в рамках Трианонского мирного договора от 4 июня 1920 г.

Примечания

¹ *Masaryk Tomáš Garrigue, Beneš Eduard. Vzájemná neoficiální korespondence T.G. Masaryka s Eduardem Benešem z doby pařížských mírových jednání (říjen 1918 — prosinec 1919). Praha, 1993–1994. S. 147–148.*

² *Irmanova E. Pařížská mírová konference 1919 a požadavky vůči Maďarsku // Z dějin visegrádského prostoru — Richardu Pražákovi k pětasedmdesátinám. Brno, 2006. S. 130.*

³ *Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С. 216–217.*

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ *Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. М., 1957. С. 154; Никольсон Г. Как делался мир. С. 248–249.*

ИЗ ИСТОРИИ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.7.1

А. Е. Кузьмичёва

Юзеф Бек: «диктатор внешней политики»

П. Стаженский, секретарь министра Юзефа Бека в 1937–1939 гг., описывая внешний вид его кабинета, отмечал, что он был выдержан в строгих стальных цветах. На стене висело лишь два портрета — Ю. Пилсудского и С. Батория, двух вождей-победителей, которые, по мнению Бека, символизировали величие Польши¹. Именно таким вождем пытался стать и сам Бек.

При всей важности этой личности для польской истории остается актуальным мнение историка из Лодзи П. Самуся: «Полная, документированная источниками, биография министра Юзефа Бека, как известно, еще не появилась»². Несмотря на то, что книги, так или иначе затрагивающие его влияние на внешнюю политику, исчисляются десятками, в архивах многих стран мира обнаружены документы, проливающие свет на его работу во главе МИД, а основательная биография все еще не написана³.

Взросление будущего главы польского МИД внешне ничем не указывало на его дипломатическое будущее. Однако на карьерные перспективы повлиял всего один, но ставший судьбоносным эпизод из жизни 18-летнего Бека. В 1913 г. он гостил у дяди в Закопане и там обстоятельно побеседовал с ровесником своего отца Юзефом Пилсудским. Будущий маршал запомнил способного молодого человека, к которому он впоследствии будет питать самые теплые чувства. Аджютант Пилсудского М. Лепецкий вспоминал: «Полковник Бек помимо семьи был ему (Пилсудскому. — А. К.), пожалуй, самым

близким человеком. [...] С течением лет все больше людей отпало от визитов к маршалу (многим людям отказывали в возможности посещения Пилсудского. — А. К.), оставшимся все труднее удавалось добиться желанных бесед, лишь для Бека ничего не менялось. И даже напротив, все чаще в словах маршала проскальзывала необычная для него нота нежности, адресованная “любимому Беку”⁴.

Попав под обаяние будущего маршала, Юзеф уже в августе 1914 г. отправился служить в польские легионы, воевавшие с Россией на стороне Австро-Венгрии, однако уже к июлю 1917 г. его интерес к военным подвигам во имя Центральных держав исчезает напрочь. В 1919 г. Пилсудский, ставший временным начальником государства, поручил Беку первую акцию, связанную с дипломатией. Его отправили в Румынию с военной миссией, призванной обеспечить пропуск через Бессарабию польских формирований Л. Желиговского. За Румынией последовала Венгрия, а уже в январе 1922 г. 27-летний капитан Бек уезжает в Париж военным атташе. Но новое назначение принесло не только положительные впечатления. Получивший по ходу парижской службы звание майора офицер занимал должность военного атташе без малого два года, и за это время его отношения с французским Генеральным штабом накалились до предела. Вокруг молодого поляка стали возникать самые разнообразные и фантастические слухи⁵. Но неприятнее всего были рассказы о шпионстве Бека, которые можно встретить и в работах западных историков⁶. По информации советских дипломатов, «французский штаб получил совершенно достоверную информацию, что сведения о французских вооруженных силах, сообщавшиеся Беку, как представителю союзной польской армии, стали известны штабу рейхсвера. По данным французского штаба не подлежало сомнению, что эти сведения “позаимствованы” немцами от Бека. Бека попросили срочно убраться из Парижа. При его отъезде не были даже соблюдены обычные формы международной вежливости»⁷.

В 1924–1926 гг. Бек некоторое время находился в тени, однако с установлением в Польше режима «санации» он ста-

новится одним из ближайших и перспективных, на взгляд Пилсудского, его сотрудников. В 1926–1930 гг. Бек руководил кабинетом Пилсудского как военного министра, выполняя незаметную широкой публике, но очень важную функцию ближайшего помощника. 6 декабря 1930 г. Бек был назначен заместителем министра иностранных дел, которым с 1926 г. являлся англофил А. Залеский. Для посторонних это выглядело как понижение в должности, но внимательный наблюдатель сразу замечал, что подобным образом Беку должны были постепенно передать бразды правления польской дипломатией. Постепенно Бек прибирает к рукам все отрасли работы министерства иностранных дел и, наконец, в ноябре 1932 г. вытесняет самого Залеского и занимает пост министра иностранных дел. С этого времени начинается новая эра во внешней политике Польши⁸.

В исторических трудах и мемуарах часто повествуется о недостатках Бека, при этом невольно складывается стереотип «высочки» и даже «тупого исполнителя», незаслуженно вознесенного на вершины власти благодаря странному выбору Пилсудского. Стоит особо обратить внимание на несомненные достоинства польского политика, которые были верно указаны в справке НКВД СССР 1937 г.: «Бек оказался идеальным помощником диктатора. Способный и трудолюбивый, молчаливый, сдержанный и одновременно исполнительный, преторианец в полном смысле этого слова»⁹. Для окружения Пилсудского непререкаемым стало высказывание маршала о том, что Бек якобы «принадлежит к тем людям, которые появляются на свет с врожденным даром управления»¹⁰. Эта фраза стала для него охранной грамотой и после кончины диктатора 12 мая 1935 г., когда Бек вплоть до сентября 1939 г. фактически единолично вершил международные дела страны. Юзеф Бек обладал полной властью, намного превосходящей исполняемые им министерские функции. По меткому замечанию польского дипломата и публициста К. Моравского, Бек был «диктатором, берущим на себя все бремя ответственности и решений в сфере внешней политики»¹¹.

Примечания

- ¹ *Starzeński P.* Trzy lata z Beckiem. Warszawa, 1991. S. 35.
- ² *Samuś P.* Minister Józef Beck. Dom rodzinny i lata młodości. Łódź, 2015, S. 9.
- ³ Для более подробного анализа см.: *Борисенок Ю.А., Кузьмичева А.Е.* Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 179–196.
- ⁴ *Lepcki M.* Pamiętnik adiutanta Marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1987. S. 140.
- ⁵ См.: *Кузьмичева А.Е.* «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 1. С. 17–19.
- ⁶ См., например: *Roberts H.L.* The Diplomacy of Colonel Beck. — The Diplomats, 1919–1939. Princeton University Press, 1953; *Watt R.M.* Gorzka chwała. Polska i jej los 1918–1939. Warszawa, 2005.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 122 (референтура по Франции). Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 83.
- ⁸ Там же. Л. 85.
- ⁹ Там же. Л. 84.
- ¹⁰ Цит. по: *Samuś P.* Minister Józef Beck. Dom rodzinny i lata młodości. Łódź, 2015. S. 15.
- ¹¹ Цит. по: *Łossowski P.* Dyplomacja polska 1918–1939. Warszawa, 2001. S. 340.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.7.2

А. С. Шишкова

Польская пресса межвоенного периода: обзор источников. Роль ежедневных изданий в исторической политике Второй Речи Посполитой

Польская Республика, известная также как Вторая Речь Посполитая, возникла в 1918 г., после завершения Первой мировой войны. После возрождения государства польские власти столкнулись с рядом задач, важнейшей из которых была консолидация польского населения. Для осуществления этой цели активно привлекались средства массовой информации как основное орудие агитации. Исторический нарратив составил патриотическую основу пропаганды

и был поставлен во главу угла в национальной политике польских властей. Тем не менее стоит отметить наличие оппозиции существовавшей власти, которая также получала существенную поддержку в СМИ.

Именно газеты в межвоенный период были основным транслятором программ политических партий, высказываний политиков, публичной полемики, разоблачений и критики оппонентов. Все это непосредственно влияло на становление политической системы возрожденной Польши.

В период 1918–1939 гг. на территории Второй Речи Посполитой выходило 220 изданий. Среди них можно видеть 48 наименований ежедневников, 60 еженедельников, 20 публикаций, издававшихся раз в две недели (*dwutygodniki*), 58 наименований ежемесячников, шесть двухмесячников, 22 кварталника, четыре ежегодника¹.

Узкая спецификация отмечается в польских ежегодниках и кварталниках. В большинстве случаев это были литературные издания («*Marchoń*», Варшава и др.), научно-исторические издания («*Przegląd Bydgoski*», Быдгощ и др.) и т. д. Несмотря на историческую направленность журналов, привлекаемые образы не играли агитационной роли для населения.

Большое количество изданий публиковалось раз в два месяца либо ежемесячно. Двухмесячники ориентировались по большей части на культурную («*Almanach Nowej Sztuki*», Варшава и др.) и религиозную тематику («*Ku Szczytom*», Вильно и др.). Спектр ежемесячных изданий был несколько шире: юмористические («*Mucha*», Варшава и др.), научные («*Roczniki Chemii*», Варшава и др.), религиозные («*Powściągliwość i Praca*», Галиция и др.) издания и т. д. Придерживающиеся коммунистической идеологии журналы «*Lewar*» (Варшава) и «*Lewy Tor*» (Варшава) были закрыты практически сразу после начала публикаций². В противовес антиправительственной агитации большим тиражом выходили издания на военную тематику, рассказывающие о различных видах вооружения Войска Польского («*Przegląd Artyleryjski*», «*Przegląd Lotniczy*» и др.). Ежемесячные публикации не ставили главной целью

ведение пропаганды. Срок публикаций раз в две недели также был не столь актуален среди издательств.

Стоит отметить популярность еженедельных публикаций — так называемых тыждников (польск. *Tygodnikow*). Они давали возможность польским художникам, писателям и поэтам обнародовать свои произведения. Некоторые еженедельники, как варшавский «*Czarno na Białem*», с которым сотрудничал Станислав Ежи Лец³, или калишские еженедельники «*Kaliszer Leben*» и «*Kaliszer Woch*», издаваемые еврейской общиной, открыто выражали антифашистские взгляды. Много внимания в изданиях уделялось плебисцитам в Силезии, пресса («*Inwalida Śląski*», Тешин и др.) активно распространяла антинемецкие настроения в регионе, провоцируя распространения национальных конфликтов. Подобным же вопросам, возникающим в ином регионе, посвящен вейхеровский журнал «*Kłëka*»⁴, акцентирующий внимание на связи кашубской культуры с Польшей, нежели с Германией. Тыждники, отражающие взгляды левой оппозиции, также подвергались цензуре: варшавские «*Kultura Robotnicza*» и «*Nowa Kultura*» не просуществовали и года⁵. Важным элементом Второй Речи Посполитой являлась патриотическая социализация новой польской молодежи, поэтому большое значение играл еженедельник «*Рюмук*», издававшийся с 1917 по 1991 гг. Особняком стоит старейший и наиболее популярный «*Tygodnik Ilustrowany*», источник для множества ценных литературных и научных произведений с середины XIX века⁶. Среди значимых изданий народных демократов можно выделить лишь варшавский «*Myśl Narodowa*»⁷, просуществовавший с 1921 по 1939 гг. Стоит отметить, что некоторые еженедельники уменьшали частоту публикаций и издавались реже. В данном случае можно говорить о финансовых проблемах польской межвоенной прессы. То есть, чем реже издавались газеты, тем меньшую роль они играли в деятельности пропагандистских элементов.

Для оперативного освещения большей части событий в мире и конкретном регионе редакции старались печатать выпуски ежедневно. Следовательно, *dzienniki* можно считать

основным инструментом исторической политики межвоенной Польши. В результате анализа сохранившихся ежедневных изданий нами были выделены следующие группы газет. Основная часть прессы была поделена на два противоборствующих лагеря: проправительственный («Gazeta Lwowska», Львов; «Gazeta Polska», Варшава и др.) и народно-демократический («Kurjer Lwowski», Львов; «Robotnik», Варшава и др.). Издания проправительственной ориентации, как правило, выпускались в крупнейших польских городах и впоследствии положительно восприняли майский переворот 1926 г. Самым популярным из данной группы стал краковский ежедневник «Piustrowany Kurjer Codzienny». Публикации несли пропаганду авторитарных идей, которые, по мнению редакций, должны создать однородное польское общество под властью сильного лидера с единым языком и единой религией. Газеты, выражавшие симпатии к позициям «эндеков», подвергались репрессивным мерам. Важным их требованием была полонизация национальных меньшинств. Сильное влияние имели провинциальные публикации (в Быдгощи, Ченстохове и т. д.), в том числе львовские, где польское население не являлось преобладающим большинством.

В особую группу выделены издания, изменившие свою политическую направленность («Słowo Polskie», Львов и др.). Наличие подобных изданий говорит о чрезмерно авторитарных мерах правительства по отношению к прессе. Отправной точкой смены редакции и политических взглядов в пользу правительства был майский переворот 1926 г. Газеты, критиковавшие как взгляды «бельведерцев», так и взгляды «эндеков», можно отнести к христианско-демократической направленности («Kuryer Poznański», Познань и др.). Как правило, это были газеты, издававшиеся на оккупированных немцами во время разделов территориях, пропагандировавшие идеи польского национального языка и католические традиции.

Помимо прочего, сохранилось много еврейской прессы, где публикации велись как на польском языке, так и на идише («Hajnt», Варшава и др.), относительно молодые издания. Публикации выходили регулярно, что может сказать

о твердой поддержке газет со стороны общины польских евреев. Также отдельную группу составляли газеты с антисемитскими взглядами («ABC — Nowiny Codzienne», Варшава и др.). В противовес еврейским газетам по мере развития отношений с Германией, особенно после 1933 г., значение антисемитских изданий возрастало.

Гораздо менее распространенными были издания консервативной («Czas», Краков / Варшава и др.) и коммунистической («Sztandar Socjalizmu», Варшава и др.) направленности. Проводники консерватизма выражали позицию польских землевладельцев. Коммунистические издания быстро закрывались из-за цензуры и находились в конфликте с властями, что подчеркивает нетерпимость правительства к идеологическим противникам.

Таким образом, исходя из числа газет, публиковавших программы правящей партии или оппозиции, можно говорить о неоднородности политических взглядов среди населения, а значит, и четко поставленной цели правительства — добиться единства населения в поддержке проводимого режима. Множество провинциальных изданий отмечены своим недолгим существованием из-за плохого экономического состояния и конкуренции, которую составляли тиражируемые по всей стране газеты. Так, практически все издания завершили свое существование с захватом Польши нацистами.

Примечания

¹ Анализ произведен на основе данных, опубликованных на ресурсе: Polska Prasa. Wszystkie tytuły. URL: <http://polskaprasa.cba.pl/tytuły/index/0.html> (дата обращения: 08.04.2018).

² *Gazda G.* Dwudziestolecie międzywojenne. Słownik literatury polskiej. Gdańsk, 2008. S. 117.

³ См.: Encyklopedia powszechna PWN. Tom 1. Warszawa, 1983. S. 536.

⁴ *Schodzińska J.* Integracyjna rola czasopism regionalnych na Pomorzu Gdańskim w 20-leciu międzywojennym na przykładzie wejherowskiej «Klęki» // Z dziejów kultury Pomorza XVIII–XX wieku. Tom II / J. Borzyszkowski i C. Obracht-Prondzyński (red.). Gdańsk, 2004.

⁵ *Stępień M.* Nowa Kultura // Literatura polska, przewodnik encyklopedyczny. Tom II. Warszawa, 1985. S. 42.

⁶ *Markiewicz H.* Pozytywizm. Warszawa, 2004. S. 43.

⁷ См.: *Jastrzębski P.* Myśl Narodowa 1921–1939. Studium politologiczno-pra-
soznawcze. Warszawa, 2012.

ЮГОСЛАВИЯ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.8.1

Н. Б. Городецкая

Начало идеологического раскола в социалистической Югославии (первая половина 1960-х гг.)

Социалистическая Югославия — государство, просуществовавшее чуть менее полувека, и каждое десятилетие ее истории было ознаменовано тем или иным кризисом. Не стал исключением и период 1960-х гг.

1960-е гг. в Социалистической Федеративной Республике Югославии (далее — СФРЮ) принято называть «временем застоя»¹. Вдобавок к экономической стагнации, работа над новой конституцией (принята в 1963 г.) привела к серьезному расколу в высших политических кругах СФРЮ. Тогда начался конфликт между словенской партийной элитой во главе с Э. Карделем и сербской элитой во главе с А. Ранковичем по вопросу дальнейшей судьбы федерации. Справедливо мнение Е.Ю. Гуськовой: «Одни отстаивали интегральное югославянство, другие хотели видеть свои республики сначала экономически более самостоятельными, затем экономически и политически самостоятельными, а через это — независимыми»². Особую остроту этот конфликт приобрел в середине 1960-х гг. и был разрешен на Брионском пленуме ЦК СКЮ в 1966 г. в пользу Э. Карделя и его программы конфедерализации страны. В этот период обострился и национальный вопрос. В качестве же средства противодействия проблеме межнациональных противоречий партократия развернула пропаганду концепции югословенства³.

Лишь интеллектуальная сфера, как представляется, не была подвержена кризису в первой половине 1960-х гг. Это время называют «золотым периодом» развития литературы и искусства⁴. В частности, на о. Корчула начинается регулярно проходить летняя школа, которая стала форумом марксистов-гуманистов со всего мира. Гостями школы в разные периоды были Г. Маркузе, Э. Фромм, Л. Калоковски⁵. В 1963 г. там было принято решение о создании журнала «Праксис», который быстро завоевал себе имя всемирно известного издания, пропагандирующего т. н. «марксистский» или, «социалистический» гуманизм⁶.

Таким образом, может показаться, что такая свободная, либеральная обстановка должна была препятствовать развитию критических настроений у интеллектуалов. Укрепляют это убеждение и сообщения о различных интеллектуальных форумах, все участники которых выражали согласие с существующей идеологией и поддержку власти. Ярким примером является VI конгресс писателей Югославии (сентябрь 1961 г.). Как показывает анализ «Информации о шестом конгрессе писателей Югославии (16–18 сентября 1961 г.)»⁷, подготовленной для Идеологической комиссии ЦК СКЮ, конгресс прошел практически без дискуссий и критики существующей идеологии и реальности. Конечно, объяснить это можно страхом выступавших писателей подвергнуться осуждению за негативные высказывания. Но высокая степень интеллектуальной свободы в те годы, снисходительное отношение партократии к интеллектуалам и одобрение критики и самокритики, неоднократно высказанное Й. Броз Тито⁸, позволяют предположить высокую степень искренности выступавших на этих мероприятиях.

Тем не менее даже в эти благополучные годы ситуация в интеллектуальной среде вызвала пристальное внимание партийно-политической элиты. Не случайно председателем Идеологической комиссии (далее — ИК) ЦК СКЮ в те годы был П. Стамболич — политический «тяжеловес», член партии с довоенным стажем, активный участник партизанской борьбы в 1941–1945 гг.⁹. Анализ протоколов заседания ИК

за первую половину 1960-х гг. заставляет сделать неожиданный вывод. Несмотря на благоприятные, либеральные условия, именно в первой половине 1960-х гг. появились первые ростки недовольства среди интеллектуалов, заставившие их обратиться к поиску альтернативных идеологий.

Судя по протоколам ИК, недовольство высказывали преимущественно представители гуманитарной и творческой интеллигенции¹⁰. Отклонение от генеральной идеологической линии члены ИК ЦК СКЮ фиксировали прежде всего в творческой среде¹¹, в выступлениях на телевидении, в газетах и журналах. Также идеологические деформации встречались в публикуемой художественной литературе¹².

В среде ученых гуманитариев и обществоведов фиксируется не столько критика существующей идеологии, сколько увлечение альтернативными идеями. Причем протоколы заседаний ИК ЦК СКЮ показывают достаточно широкий идейный разброс данных поисков, которые идут не только и не столько в рамках марксистских догм. Социологи копировали научные дискуссии, которые шли на Западе. В философии «то доминирует абстрактный гуманизм в духе учения Ле Февра и Сартра, то идет откат в догматизм» (советскую или даже сталинскую идеологию. — *Н. Б.*). В экономике, с одной стороны, процветала «защита бюрократизма и государственного капитализма», а с другой — появлялись «либеральные уклоны» и возникли «теории о развитии капиталистических отношений»¹³.

Конечно, эта критика и идейные поиски объясняются нестабильной экономической и политической ситуацией в стране. Нам представляется, что данные признаки идеологического кризиса весьма важны в контексте разворачивания и углубления идеологического кризиса конца 1960-х — 1980-х гг. Это первое относительно массовое проявление недовольства и поиска альтернатив в интеллектуальной среде.

Зарождение диссидентства в Югославии принято связывать с именем М. Джиласа¹⁴. Не умаляя значимости протеста М. Джиласа и появившегося вскоре М. Михайловича, заметим, что это были яркие, интересные и многогранные выступ-

ления одиночек. Тогда как критика и идейные искания, зафиксированные ИК ЦК СКЮ в начале 1960-х гг., коснулись не отдельных личностей, но всей творческой и гуманитарной интеллектуальной среды. Не даром в протоколах ИК ЦК чаще всего фигурируют некие абстрактные философы, экономисты, социологи, подверженные идеологическим деформациям. Вероятно, отсутствие имен свидетельствует о том, что целью членов ИК ЦК было не выявить и наказать отдельных «еретиков», а проанализировать состояние интеллектуальной среды. Этот анализ позволил обнаружить очень тревожные для партийно-политической элиты настроения.

Таким образом, идеологический кризис, ставший одной из многих причин распада социалистической Югославии, зародился именно в первой половине 1960-х гг. Символом же этого являются идейные поиски, зафиксированные в творческой и гуманитарной интеллектуальной среде Идеологической комиссией ЦК Союза коммунистов Югославии во главе с П. Стамболичем.

Примечания

¹ Гуськова Е.Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011. С. 701.

² Там же. С. 702.

³ См. подробнее: Городецкая Н.Б. «Сербы» или «югославы»: к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2. С. 63–76.

⁴ *Dragović-Soso J.* Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i oživljavanje nacionalizma. Beograd, 2004 S. 48.

⁵ *Ibid.* S. 249.

⁶ *Sučeska A.* Spekulativnost Praxis — filozofije: pokušaj marksističke kritike // *Praxis. Društvena kritika i humanistički socializam. Zbornik radova sa međunarodne konferencije o jugoslovenskoj levice: Praxis-filozofija i Korčulanska ljetna škola (1963–1974)*. Beograd, 2012. S. 134.

⁷ Архив Југославије (далее — АЈ.), Ф. № VIII, Оп. 2-б, Ед. хр. 159. Л. 1–3.

⁸ См., например: Наша печать — один из основных факторов формирования и распространения социализма (беседа президента Тито с членами президиума Союза журналистов Югославии) // *Речи президента Тито. Возвращение из СССР. В Железнике. Новогоднее послание. Беседа с журналистами*. Београд, 1963. С. 31–51; Выступление президента Республики И. Броз Тито на собрании руководства актива Социалистической республики Сербия, состоявшегося

16 октября 1972 года // Идейное и политическое наступление СКЮ. Выступление тов. Тито, Карделя и Доланца. Белград, 1977. С. 94–108.

⁹ Букић С. Политичко гробље. Београд, 2010. С. 96.

¹⁰ АЈ. Ф. VIII. Оп. II. Ед. хр. 2-b-162. Л. 9.

¹¹ АЈ. Ф. 507. Оп. К-11. Ед. хр. 2-b. Л. 21.

¹² АЈ. Ф. VIII. Оп. II. Ед. хр. 2-b-161.

¹³ АЈ. Ф. 507. Оп. К-11. Ед. хр. 2-b. Л. 14.

¹⁴ См., например: *Dragović-Soso J. Spasioci nacije; Nikolić K., Cvetković S. Rađanje jeretika: suđenje Milovana Đilasu i Vladimiru Dedijeru 1955.* Београд, 2011.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.8.2

Б. С. Новосельцев

«Еретики» в международном коммунистическом движении. Реакция Югославии и Румынии на интервенцию в Чехословакию

1968 г. стал одним из этапных моментов в истории XX века. Ряд ключевых процессов, определявших жизнь и ценности нескольких последующих поколений, наиболее ярко проявился именно в это время. Речь идет о борьбе за расовое и гендерное равноправие, демократизацию и гуманизацию в политической и социальной сфере. Дети послевоенного бэби-бума чувствовали себя отчужденными от участия в важнейших экономических и политических процессах и требовали, чтобы их голос был услышан. Повсеместным было увлечение различными левацкими и социалистическими идеями. Молодежь и левые интеллектуалы требовали перемен, реальной демократии и того, чтобы государство наконец развернулось лицом к народу.

Подобные требования звучали и по другую сторону «железного занавеса», в странах победившего социализма, несмотря на все различия в идеологии, социально-политическом устройстве и экономической модели. Но если в США или во Франции реакцию государства на общественные

протесты хотя бы условно можно назвать «разворотом к обществу», то ответом на самое известное движение за обновление социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы — Пражскую весну в Чехословакии, стала интервенция пяти стран Организации Варшавского договора (ОВД) 21 августа 1968 г.

Это событие подвело итог либерализации отношений между СССР и его европейскими союзниками, начавшейся во второй половине 1950-х гг., когда после XX съезда КПСС был провозглашен тезис о разных путях строительства социализма в зависимости от специфических условий, сложившихся в той или иной стране, и началась критика культа личности И.В. Сталина. Таким образом, в странах советского лагеря были заложены две тенденции, определившие основные направления их политического развития в следующие десятилетия: попытки демократического реформирования социализма, создания «социализма с человеческим лицом» и национальное понимание марксизма-ленинизма, постулировавшее приоритет национально-государственных интересов над абстрактными классовыми, за которыми легко угадывались интересы Советского Союза. В Москве подобные установки воспринимались как «еретические», противоречащие интересам рабочего класса по всему миру и идущие вразрез с коммунистической идеологией. Периодически эти тенденции проявлялись в виде кризисов в социалистическом лагере: венгерской революции в 1956 г.; ухудшения отношений с Румынией вследствие проведения ее руководством так называемого «особого курса» в 1960-е гг.; Пражской весны. Сюда же относятся и постоянные кризисы в отношениях между СССР и Югославией, страной, вставшей на позиции национального понимания марксизма еще в конце 1940-х гг., и бывшей, таким образом, наиболее «закоренелым еретиком» в международном коммунистическом движении. Вместе с тем Югославия не входила в ОВД и не являлась частью советского блока, хоть и, без сомнений, оставалась социалистическим государством. Поэтому, быть может, даже больший негатив в Кремле порождала позиция

Румынии, имевшей свое, особое мнение по каждому вопросу развития социалистического лагеря¹.

Реакция югославских и румынских руководителей на известия об интервенции пяти стран ОВД в Чехословакию была замечательно схожей. Руководители двух государств в публичных выступлениях и через прессу решительно осудили ввод войск в ЧССР². Охарактеризовали его как «акт агрессии» и даже «оккупацию»³. При этом подчеркивалось, что для интервенции не было никаких оснований⁴ и опасности контрреволюции не существовало.

В обеих странах немедленно (уже 21 августа 1968 г.) были собраны высшие органы партийного управления: совместное заседание Президиума и Исполнительного комитета ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ) и заседание Исполнительного комитета ЦК и расширенный пленум ЦК Румынской коммунистической партии (РКП). Первую скрипку на них играли руководители двух партий, однако выступить со своей позицией (а иными словами, заявить о поддержке курса, озвученного в выступлениях Йосипа Броза Тито и Николае Чаушеску) должны были все члены высшего партийного руководства⁵.

Кроме того, в Румынии и Югославии были приняты меры по мобилизации населения, организовывались массовые манифестации солидарности с позицией, занятой руководством двух стран. Так, 21 августа 1968 г. в Бухаресте Н. Чаушеску произнес речь с балкона здания ЦК РКП при большом скоплении народа, а в Белграде 22 августа состоялся многочисленный митинг солидарности. Армии двух стран были приведены в состояние повышенной боеготовности, создавались отряды самообороны. В Румынии на фабриках и предприятиях активно формировались отряды рабочей милиции⁶, а в Югославии 18 сентября 1968 г. был принят «Закон о народной обороне». Согласно этому закону, в составе общин и республик создавались отряды территориальной обороны, которые в случае нападения должны были вести партизанскую войну против армии противника⁷.

23 августа представители СФРЮ⁸ и СРР⁹ встретились с американскими дипломатами. Тито провел беседу с американским послом в Югославии Б. Илбриком, а заместитель Государственного секретаря США Ч. Болен и ответственный за восточноевропейское направление в Государственном департаменте Г. Каплан встретились с румынским послом К. Богданом. В обоих случаях американцам было подтверждено, что будут предприняты все усилия для поддержания нормальных отношений с пятеркой стран Варшавского договора, участвовавших в интервенции. При этом югославы и румыны получили заверения в моральной поддержке со стороны США, а при определенных условиях — и в технической¹⁰. В обоих случаях дипломаты социалистических государств вели себя с американцами довольно уклончиво, очевидно не веря в возможность нападения на свои страны. В Белграде и Бухаресте не были готовы разорвать отношения с СССР и пойти на резкое сближение со странами Запада. Жесткие заявления, с которыми они выступили в отношении интервенции в Чехословакию и политики Москвы, были ориентированы на США, Англию и западное общественное мнение, чтобы подстраховаться в случае, если подобная практика будет применена против их государств, и получить некоторые гарантии Запада. Кроме того, таким образом Тито и Чаушеску поддерживали свое лестное реноме независимых политиков, сопротивляющихся давлению советского руководства, и укрепили свои позиции внутри страны.

Примечания

¹ См. подробнее: *Гладышева А.С.* Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 1950-х — начало 1960-х гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. № 2. Ставрополь, 2014; *Новосельцев Б.С.* Югославно-румынские отношения во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. и позиция СССР // Внешнеполитические интересы России: история и современность сборник материалов III Всероссийской научной конференции. Самара, 2016. С. 148–160; *Стыкалин А.С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия члена-корреспондента Академии наук Владимира Константиновича Волкова. М., 2010.

² Чехословацкая Социалистическая республика.

³ См.: *Покивайлова Т.А.* В августе 68-го... Реакция румынского руководства на события в Чехословакии // 1968 год. «Пражская весна» (историческая ретроспектива): сб. статей. М., 2010. С. 298–299.

⁴ См.: Arhiv Jugoslavije (далее — AJ), F. 837. Kabinet Predsednika Republike (далее — KPR). I-3-a/97-22. Poseta predsednika državnog saveta NRR i generalnog sekretara KPR Nikolae Čaušeskua 24.8.1968 // Zabeleška o razgovorima Tito — Čaušesku. 24.08.1968.

⁵ См.: Diplomatski arhiv Ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije (DAMSP RS). str. pov. 1968. f-2. 38. Stenografske beleške sa zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ. 21.8.1968; *Покивайлова Т.А.* В августе 68-го... С. 299–302.

⁶ AJ. KPR. I-3-a/97-22. Poseta predsednika državnog saveta NRR i generalnog sekretara KPR Nikolae Čaušeskua 24.8.1968 // Zabeleška o razgovorima Tito — Čaušesku. 24.08.1968.

⁷ См. подробнее: *Radić A.* Vežba Avala. Jugoslovenska odbrana od Varšavskog pakta 1968. godine // Istorija XX veka. № 2. 2006. S. 87–104.

⁸ Социалистическая Федеративная республика Югославия.

⁹ Социалистическая республика Румыния.

¹⁰ *Улунян Ар.А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.). М., 2013. С. 263, 271.

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.1

Е. А. Колосков

Косовский миф в сербском политическом дискурсе (1986–1991)*

Косово традиционно воспринимается многими исследователями в качестве отправной точки драматической истории распада Югославии. Именно использование национальной карты стали причиной запуска процессов обострения межэтнической напряженности, а Косовский миф и его использование официальным Белградом стало ключевым фактором роста национализма в Югославии. Исследованию Косовского мифа, его влиянию на рост сербского национализма и приходу к власти Слободана Милошевича посвящено достаточно много научных работ как в странах бывшей Югославии, так и за ее пределами¹, но, на наш взгляд, не достаточно подробно исследован официальный политический дискурс в СР Сербии в последние пять лет существования федерации. Именно на примере коммеморации Косовского мифа и рефлексии на него в период 1986–1991 гг. мы хотим показать взаимодействие политических элит Приштины и Белграда.

В историографии традиционное описание конфликта, протекающего в Косово в последнее десятилетие существо-

* Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «"Мобилизованное Средневековье": обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

вания второй югославской федерации, как правило, воспринимается через призму именно этнического противостояния албанской и сербских общин края или, в меньшей степени, через противостояние республиканской и краевой власти. Основное внимание исследователей обращено на процесс повышения градуса националистической риторики руководства СР Сербии и реакции краевых властей или же реакции славянских властей республики на всплеск албанского «национализма и ирредентизма» (позднее «ирредентизм» сменился «сепаратизмом»). В рамках изучения сербо-албанского конфликта подробнейшим образом разбирается политика Белграда относительно изменения культурно-исторического ландшафта Косово в пользу сербской интерпретации Косовского мифа². При этом уделяется, на наш взгляд, весьма незначительное внимание действиям собственно Приштины в рамках формирования политики в области истории на фоне происходящих в Сербии и, шире, в Югославии идеологических изменений.

То есть нам представляется крайне важным продемонстрировать, что, во-первых, позиция ЦК СК Союзного автономного края Косово (далее — САКК) не была тождественна позиции Белграда относительно идеологической политики, с одной стороны, и лозунгам сторонников независимости — с другой. Во-вторых, очевидно, что различные этнические группы представленные в ЦК СК САКК и администрации края, в первую очередь албанцы, сербы и турки, весьма по-разному относились к инициативам Белграда относительно новой интерпретации Косовского мифа, становившегося именно в этот исторический период основным нациообразующим и мобилизующим мифом Союзной Республики Югославии, а позднее Сербии и Черногории.

Под Косовским мифом мы будем понимать концепцию критической важности памяти Косовской битвы 28 июня 1389 г. и самого региона для сербской нации; набор эсхатологических представлений о сознательном выборе святого князя Лазаря, сознательно пожертвовавшего своей жизнью, жизнями своих воинов и государством — «царством

земным» — ради обретения «царства небесного» («Небесной Сербии») и последующего национального и культурного возрождения. Таким образом, согласно мифу, проиграв решающее сражение, сербские воины не просто одержали моральную победу над своими более сильными и многочисленными противниками, но и заложили основы дальнейшего духовного и морального превосходства сербской нации.

Под политическим дискурсом мы понимаем набор общения, понимания и конструирования конкретной политической реальности со стороны представителей политической элиты. То есть мы выходим за рамки определения политического дискурса Т.А. ван Дейка, согласно которому это лишь дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ и речей политиков³. В своем исследовании мы опираемся на тезис Л. Филипс и М.В. Йоргенсен: «Люди не видят реальность такой, какая она есть, потому что идеология искажает их мировоззрение»⁴. Соответственно, для понимания конфликта необходимо зафиксировать основные векторы формирования идеологии и ее трансляции через официальные каналы.

Источниками нашего исследования стали публичные выступления и публикации ведущих политических деятелей, находящиеся в открытом доступе (как, например, Меморандум Сербской академии наук и искусств (далее — САНУ)) и опубликованные в трех наиболее популярных газетах в СР Сербии: «Борьбе» («Борба»), «Политике» («Политика») и «Вечерних новостях» («Вечерње новости»), трех основных газетах Автономного края (далее — АК) Косово: «Возрождение» («Rilindja»), «Единство» («Jedinstvo»), фактически «предвыборная» книга С. Милошевича «Годы развязки» («Године расплета»), увидевшая свет в 1989 г., и фонд ЦК СК АКК Архива Косово в Приштине. Особое значение для нас имели материалы, связанные с подготовкой и празднованием годовщины Косовской битвы 1389 г. В первую очередь, конечно, имеется в виду празднование в 1989 г.

Хронологические рамки нашего исследования обуславливаются, на наш взгляд, знаковыми событиями в жизни

югославской научной и политической элиты: публикацией в популярной газете «Вечерние новости» Меморандума САНУ 24–25 сентября 1986 г. и провозглашением независимости Словенией и Хорватией, фактически положивших начало распаду югославской федерации 25 июня 1991 г. Наибольшее внимание в нашем исследовании уделяется событиям лета 1989 г. — подготовке и празднования 600-летнего юбилея Косовской битвы 1389 г.

Мы можем сделать осторожный вывод, что в условиях нарастающих дезинтеграционных процессов и размежевания по национальному признаку определенные институты в Приштине старались сохранить официальное «братство и единство» в Косово в период 1985–1989 гг. После фактической отмены автономного статуса Косово в начале 1989 г. и массовых отставок лидеров края (только за 1988–1989 гг. сменились четыре председателя Верховного вече САК Косова, три председателя президиума САК Косово и три председателя президиума СКК, не считая исполняющих обязанности). Местные политические кадры в значительной степени оказались отброшены на вторые роли, а зачастую даже отлучены от политики, что позволило занять вакуум власти более молодым и более радикальным лидерам косоваров и сербской, и с албанской стороны.

Кроме того, достаточно сдержанная реакция, в том числе, и официальных органов на мероприятия, связанные с популяризацией Косовского мифа в Косово, с нашей точки зрения, говорит о нежелании региональных властей подвергать рискам как собственные позиции в стране, так и весьма неустойчивое распределение властей между этническими общинами.

Примечания

¹ См., например: *Колосков Е.А.* Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2. С. 152–168.

² См., например: *Berger S.* On the role of Myths and History in the Construction of National Identity in Modern Europe // *European History Quarterly* 39.3 (2009). P. 490–502; *Bieber F.* Nationalist Mobilization and Stories of Serb Suffering: The

Kosovo Myth from the 600th anniversary of the present // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. No 1. P. 95–110; *Djokic D.* Whose Myth? Which Nation? The Serbian Kosovo Myth Revisited // *Uses and Abuses of the Middle Ages: 19th–21st Century*. Munich, 2009. URL: <http://research.gold.ac.uk/3455/1/Kosovomyth2.pdf> (дата обращения: 06.04.2018).

³ Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 26.

⁴ Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 292.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.2

Я. Н. Смирнов

Российская дипломатия и Югославский кризис в 1992–1995 гг.

Югославский кризис стал крупнейшим конфликтом в Европе после Второй мировой войны. В то же время он стал и одним из ярчайших примеров совместных усилий мирового сообщества по разрешению конфликта. В этой связи особый интерес для исследователя всегда представляла та деятельность, которая велась участниками конфликта, а также международным сообществом по дипломатической линии. Однако если работа западных дипломатов получила довольно широкое освещение в виде опубликованных за последние два десятилетия многочисленных мемуаров, публицистических и научных статей и монографий, то отечественной дипломатии в этом плане было посвящено не так много трудов. В связи с этим наша основная цель — с использованием как можно более разносторонних источников попытаться сделать общий обзор дипломатической деятельности России в Югославии в период с 1992 по 1995 гг.

Серьезное внимание проблематике дипломатической активности России в ходе Югославского кризиса уделяет в своей работе К.В. Никифоров «Между Кремлем и Республикой Сербской»¹. Акцент в ней сделан на особой роли России в ходе двух последних лет противостояния, когда политическая и дипломатическая борьба за регион вошла в свою

заключительную и наиболее острую фазу. Особый интерес также представляют воспоминания и замечания К.В. Никифорова о его участии в миссии помощника президента РФ по национальной безопасности Ю.М. Батурина на территории Югославии в 1994–1995 гг. Стоит также отметить работу Е.Ю. Гуськовой «История Югославского кризиса», в которой автор рассматривает общую стратегию России в ходе разрешения Балканского кризиса, а в рамках особой главы проведен анализ политики Москвы в 1990-е гг. на Балканах². К.В. Никифоров и Е.Ю. Гуськова пришли к выводу, что в ходе попытки включиться в качестве полноправного участника международных отношений в процесс разрешения кризиса Россия фактически встала в фарватер политики западных стран. Похожую точку зрения высказывает в своих недавно опубликованных воспоминаниях Добрица Чосич³, занимавший в 1992–1993 гг. пост президента СРЮ. Ожидаемо несколько отличную от упомянутых точку зрения на работу российской дипломатии можно встретить в воспоминаниях зарубежных авторов. Так, Д. Оуэн в своей работе «Balkan Odyssey» довольно высоко оценил работу российских дипломатов в качестве специалистов по Югославии, считая своих коллег довольно значимыми посредниками в их переговорах с сербами из Белграда и Пале⁴.

На первом этапе затрагиваемых событий, в преддверии войны в Боснии в 1991 и в 1992 гг., когда этническое противостояние в Югославии набирало обороты, на фоне деклараций о независимости Словении и Хорватии еще тогда советская дипломатия изначально заняла довольно неоднозначную позицию невмешательства во внутренние дела СФРЮ, официально поддерживая территориальную целостность страны. Однако уже ближе к осени 1991 г. с обострением ситуации в регионе позиция СССР начинает немного конкретизироваться — официальный МИД выступает с осуждением действий Югославской Народной Армии. Именно в этот момент отечественная дипломатия начинает входить в фарватер официальной политики США. С окончательным развалом СССР и приходом небезызвестного А.В. Козырева

на пост министра иностранных дел РФ этот разворот в политике России начинает приобретать все более четкие формы. Весной 1992 г., когда началась война в Боснии и Герцеговине, Россия в числе других стран совершенно неожиданно для руководства Югославии вслед за США и некоторыми странами ЕС возложила вину за это на СФРЮ, проголосовав в апреле 1992 г. за пакет масштабных экономических санкций против страны. В то же время в ходе начатых Международной конференцией по бывшей Югославии (МКБЮ) переговоров с лидерами расколовшейся страны российские дипломаты порой активно «привлекались» западными коллегами для давления на сербскую сторону. Фактически в этот период иных активных действий российская дипломатия не предпринимала, а общая дипломатическая линия в этот период полностью шла в фарватере политики США и ЕС, которые надеялись использовать авторитет России на Балканах для реализации своих планов по мирному урегулированию.

На следующем этапе, в 1993–1994 гг., Россия пытается уже более активно и самостоятельно вовлечься в международную политику на Балканах. Официальная миссия МИД РФ в Югославии, возглавляемая в этот период В.И. Чуркиным, начинает продвигать различные мирные инициативы, в рамках мирного процесса активно работая с сопредседателями МКБЮ. Кроме того, в высказываниях отдельных дипломатов наблюдается явное желание более самостоятельной российской позиции по югославскому кризису. Так, президент СРЮ Д. Чосич в воспоминаниях отмечает, что сам Чуркин был не в восторге от указаний своего руководителя А.В. Козырева, призывавшего российскую миссию в Белграде координировать свою деятельность исключительно в соответствии с политикой западных коллег.

Общее же изменение позиции России видно по официальной реакции Москвы в ходе так называемого Февральского кризиса 1994 г. Тогда, в ответ на якобы организованную сербами артиллерийскую бомбардировку рынка Маркале в осажденном Сараеве, НАТО было готово нанести авиаудары

по позициям боснийских сербов. На переговорах в Москве с премьер-министром Великобритании Д. Мейджором президент России Б.Н. Ельцин резко осудил планируемую атаку, в качестве мирной инициативы предложив разместить на артиллерийских позициях сербов русских миротворцев. Как видим, российское руководство явно пыталось определить альтернативную стратегию поведения в регионе. В рамках реализации такой альтернативы президент Ельцин в июле 1994 г. отправил в Югославию делегацию во главе со своим помощником по национальной безопасности Ю.М. Батуриным — фактически она действовала параллельно официальным представителям МИД, работавшим в регионе. Это позволило установить прямые контакты между Москвой, Белградом и неофициальной столицей боснийских сербов Пале. Между лидером боснийских сербов Р. Караджичем и Б.Н. Ельциным завязывается деловая переписка, и президент РФ даже дает указание А.В. Козыреву продвинуть на переговорах Контактной группы ряд позиций сербской стороны. Тем не менее в дальнейшем такая политика ни к чему не привела.

На третьем этапе, в 1995 г., происходит резкое снижение активности российской дипломатии на югославском направлении и возвращение к прежним прозападным позициям. Активность так называемой альтернативной дипломатии была сведена на нет фактическим ее игнорированием со стороны самого же президента и противодействием А.В. Козырева. Некоторое оживление последовало после личной встречи Б.Н. Ельцина и С. Милошевича в Москве в августе 1995 г., однако уже было поздно — американцы начинали запускать переговорный процесс в Дейтоне.

Таким образом, общая внешнеполитическая линия Москвы не была постоянно подчинена «западным партнерам». В рамках отдельных инициатив, «альтернативных» стратегий, Россия на определенном этапе все же пыталась закрепитсь на своей собственной, более самостоятельной позиции по разрешению Югославского кризиса. Однако из-за внутренних противоречий в российском руководстве этот

процесс был прерван, а ход мирного урегулирования в Югославии полностью отдан в руки «западных партнеров».

Примечания

¹ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

² Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.

³ Чосич Д. Заметки писателя и президента СР Югославии 1992–1993. Сергиев-Посад, 2012.

⁴ Owen D. Balkan Odyssey. New York, 1997.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.3

Е. П. Каткова

Феномен «югоностальгии» в современной Словении

Явление «югоностальгии» в той или иной степени характерно для каждой из бывших республик Югославии, однако его словенский вариант имеет особенный характер. Дело в том, что изначально словенцев с другими югославскими народами разделяли исторические, языковые и культурные различия. Словения первой в 1991 г. объявила о своей независимости и на данный момент достигла наибольших политических, экономических и социальных успехов среди «новых» балканских государств. Однако вопрос самоидентификации нации, ее принадлежности к западно- или восточноевропейской семье до сих пор окончательно не решен.

Аргументом в пользу того, что Словения — часть восточноевропейского мира, является ностальгия, которую испытывает часть населения страны по отношению к своему социалистическому прошлому, несмотря на его однозначно негативную трактовку со стороны официального политического, культурного и медийного дискурса. Любопытно, что склонность к «югоностальгии» не зависит ни от возраста, ни от пола, ни от социального статуса и в равной степени встре-

чается как среди иммигрантов-несловенцев, так и среди коренного населения¹. Реальный масштаб распространения «тоски по Югославии» в независимой Словении достаточно сложно оценить, хотя мониторинг общественного мнения относительно исторического прошлого страны проводится на систематической основе.

Феномен ограничивается исключительно областью культуры и повседневной жизни — о Югославии как о политической реальности в данном случае речи не идет. В некоторых словенских населенных пунктах до сих пор сохраняется старая топонимика, отсылающая к социалистическим временам. Городские граффити (многие из них написаны на кириллице) используют коммунистические или партизанские образы. Особенно часто на улицах словенских городов встречаются изображения Иосипа Броз Тито. Его день рождения становится поводом для организации многочисленных фестивалей и концертов. Множество кафе, ресторанов, клубов в Словении носит его имя. Фигура Тито воспринимается гражданами страны как символ межнациональной дружбы и солидарности, в то же время являясь прибыльным коммерческим брендом: одежда, сувениры, брелоки с изображением вождя хорошо раскупаются туристами. Югославские партизанские и революционные песни исполняются на местных празднествах, перепеваются и перезаписываются. Нередко словенскую молодежь можно заметить в одежде с принтами в виде югославской государственной символики, а в разговорах старшего поколения услышать негодования по поводу качества современных продуктов питания (по большей части экспортированных из Австрии и Италии) по сравнению с югославскими.

Так называемая «балканская культура» в Словении имеет высокий уровень популярности и развивается преимущественно молодым поколением. Не только старые югославские фильмы до сих пор активно транслируются на словенских телеканалах, но и современные сербские киноленты (например, фильмы режиссера Эмира Кустурицы) приобретают большой успех в местных кинотеатрах. С регулярными гастрольями сюда приезжают музыканты (ансамбль Горана

Бреговича, сербские исполнительницы Светлана Ражнатович и Дивна Любоевич и т. д.) из бывших югославских республик, собирая при этом целые стадионы и становясь гостями словенских теле- и радиошоу. Лингвистический аспект «югоностальгии» выражается в стремлении словенцев выучить сербскохорватский язык. В сленге молодежи в достаточном количестве присутствуют сербские, хорватские и боснийские слова.

Культурный национализм, чувство превосходства своей нации над «отсталыми» балканскими народами приводит к тому, что со стороны политической власти «югоностальгия» и «балканская культура» воспринимаются как подрывная деятельность или провокация. Вместе с тем нет никаких свидетельств о том, что популяризация этих культурных феноменов в Словении как-то спонсируются или стимулируются официальными властями в Белграде, Загребе или Сараеве, их дипломатическими ведомствами или специализированными учреждениями. Вероятно, приверженность «югоностальгии», «титоностальгии» объясняется реакцией граждан на тотальную пропаганду и всеобщую агитацию «словенства», выражением протеста против его единственной западноевропейской ориентации, которая порой приобретает очертания ненависти ко всему несловенскому. С другой стороны, ностальгия становится следствием разочарования в капиталистических реалиях, неудовлетворения текущим социальным и общественным устройством.

Таким образом, «югоностальгия» — это органичный элемент «культурного плюрализма»² современного словенского общества. Культурные предпочтения, добрые воспоминания о прошлом, личные семейные и дружеские отношения не могут быть внезапно отвергнуты со сменой политической или идеологической конъюнктуры.

Примечания

¹ *Andrić I., Arsentjević V., Matic D.* Leksikon Yu mitologije. Beograd; Zagreb, 2004. S. 52.

² *Velikonja M.* «Red shades»: nostalgia for socialism as element of cultural pluralism in the Slovenian Transition // *Slovene Studies*. 2008. № 30.2. P. 173.

Особенности протестного движения в Греции на начальном этапе финансово-экономического кризиса

В конце 2009 г. в Греции начался финансово-экономический кризис, распространившийся со временем на политическую, социальную, культурную и другие сферы и предопределивший развитие страны на много лет вперед.

Одной из характерных особенностей этого периода стало недовольство греческих граждан проводимой правительством социально-экономической политикой, диктуемой «тройкой» кредиторов — Международным валютным фондом, Еврокомиссией и Европейским центральным банком. Греция — страна с традиционно сильным протестным движением, и жесткие меры бюджетной экономии, введенные премьер-министром Г. Папандреу, натолкнулись на серьезное сопротивление граждан¹.

Уже в декабре 2009 — январе 2010 г. имели место первые акции протеста против «затягивания поясов», которые почти не прекращались на протяжении всей первой половины 2010 г. Протестное движение организовывалось как «сверху», политическими партиями и профсоюзами, так и «снизу», обычными гражданами — через социальные сети. 17 декабря 2009 г. профсоюзная организация Коммунистической партии Греции РАМЕ объявила всеобщую 24-часовую забастовку. Во многих населенных пунктах Греции прошли демонстрации; на улицах Афин собралось несколько тысяч человек. В январе 2010 г. начали протестовать греческие фермеры. 10 февраля вся страна была парализована забастовкой служащих госсектора. 24 февраля была проведена всеобщая забастовка, в которой принимали участие более 70% работников частного и до 50% работников государственного сектора.

На введенные в начале марта очередные меры бюджетной экономии граждане ответили новыми акциями протеста, и их характер уже нельзя было назвать мирным. 4 марта во многих городах Греции прошли демонстрации, а в Афинах даже было захвачено здание министерства финансов. Во время одного из столкновений протестующих с полицией, использовавшей слезоточивый газ, пострадал греческий национальный герой и символ антифашистского движения Манолис Глезос. 11 марта состоялась 24-часовая общенациональная забастовка. Не работали аэропорт Афин, железнодорожное сообщение, городской наземный транспорт, метро. Начались столкновения в центре Афин между молодежью и полицией, вновь применялись слезоточивый газ и светошумовые гранаты. 16 и 17 марта прошла еще одна 48-часовая забастовка работников государственного сектора. Помимо всеобщих забастовок, в Греции регулярно проходили различные акции протеста работников ключевых отраслей, таких как электроснабжение, общественный транспорт, судостроительство и т. д.

В протестное движение были вовлечены практически все слои греческого общества — хотя нельзя отдельно не отметить массовость и масштаб акций протеста государственных служащих, потерявших значительную часть своих привилегий в результате принятых Г. Папандреу мер. Демонстранты на улицах главных городов Греции не выглядели голодающими — напротив, в акциях протеста зачастую участвовали вполне обеспеченные граждане, отстаивающие свое право на достойную жизнь. Тревожным сигналом было и то, что протестующие начали сжигать флаги Евросоюза или Германии² — в знак несогласия не только с политикой собственного правительства, но и с действиями (или бездействием) руководства ЕС, не способного помочь Греции в сложившейся ситуации.

В конце апреля 2010 г. Греция, несмотря на предпринимаемые усилия, оказалась на грани дефолта и обратилась в Евросоюз и МВФ с просьбой предоставить стране финансовую помощь. 3 мая 2010 г. был подписан «Меморандум о

взаимопонимании» между правительством Греции и «тройкой» кредиторов, в соответствии с которым Греции предоставлялась финансовая помощь в обмен на проведение мер бюджетной консолидации и структурных реформ.

Греческое правительство преподносило «Меморандум» как альтернативу неминуемому дефолту Греции, последствия которого были бы несоизмеримо более страшными для страны, чем суровые меры бюджетной экономии. Однако возникал вопрос: а позволит ли такая политика, навязанная Евросоюзом, решить собственно греческие проблемы, или же она проводится только для того, чтобы предотвратить кризис в еврозоне? Многие греки считали, что лучше пережить дефолт, чем оказаться на долгие годы под контролем «тройки». Таким образом, налицо был серьезный кризис доверия между греческими гражданами и правительством.

В Греции в те дни царили нервозность, беспокойство, страх, переходящий в панику и даже истерию. Подписание «Меморандума» вызвало в стране очередной, сильнейший со времен падения диктатуры «черных полковников», всплеск протестов. Граждане протестовали не только против мер жесткой экономии, но и против политической элиты — как греческой, так и европейской. Ситуация порой выглядела парадоксальной. В то время, как греческие социалисты пытались убедить иностранных инвесторов-капиталистов оказать Греции помощь, демонстранты-коммунисты повесили на Акрополе огромный плакат с серпом и молотом. Массовые забастовки и беспорядки, «коктейли Молотова», светозумовые гранаты и слезоточивый газ — все это транслировалось онлайн по всему миру накануне спасения страны от банкротства³.

4 мая началась общенациональная забастовка госслужащих, к которой на следующий день присоединились работники частного сектора. Протестующие пытались штурмовать здание парламента, где обсуждались новые — навязанные извне — меры бюджетной экономии. Депутатов называли «ворами», а сам парламент «борделем» и призывали его сжечь⁴. Кульминацией стали трагические события 5 мая,

когда анархисты начали забрасывать бутылками с зажигательной смесью административные здания. При пожаре в здании банка *Marfin* погибли три человека, в том числе беременная женщина⁵. Этот инцидент вызвал большой общественный резонанс в Греции и за ее пределами. Поступок анархистов вызвал безоговорочное осуждение в обществе, к тому же это был сильный удар по международному имиджу страны.

Таким образом, на начальном этапе финансово-экономического кризиса протестное движение в Греции претерпело ряд существенных изменений: греки, помимо проведения «привычных» забастовок, начали выражать свое недовольство на улицах; акции протеста перестали быть исключительно мирными; к экономическим требованиям граждан добавились политические, направленные не только против собственного правительства, но и против Евросоюза. При этом сохранился — и даже усилился — регулярный и массовый характер протестных выступлений. Эти особенности греческого протестного движения не потеряли своей актуальности и в последующие годы.

Примечания

¹ Петрунина О.Е. Социалисты Греции: неудобства власти в разгар кризиса // Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления», Москва, 19 апреля 2010 г. М., 2010. С. 149; Квашнин Ю.Д. Внутриполитическое развитие Греции в условиях кризиса // Современная Греция в мировой экономике и политике / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М., 2013. С. 142–143; *Revolt and Crisis in Greece: Between a Present Yet to Pass and a Future Still to Come* / Eds.: A. Vradis, D. Dalakoglou. Oakland, 2011. P. 260–261; *Chorafas D. Sovereign Debt Crisis: The New Normal and the Newly Poor*. Hampshire, 2011. P. 165–166; *Manolopoulos J. Greece's "Odious" Debt: The Looting of the Hellenic Republic by the Euro, the Political Elite and the Investment Community*. London; New York; Delhi, 2011. P. 128.

² Interview of Alternate FM Droutsas on Austrian magazine "Profil" (22/03/10) // Hellenic Republic. Ministry of Foreign Affairs [Official Site]. URL: http://www.mfa.gr/mfa_backup/mfa_backup_en/content.php?aa=5538 (дата обращения: 26.12.2014).

³ *Αγγελόπουλος Γ. Οι Έλληνες είναι ηρωικός λαός* // Τα Νέα [Online]. 12 Μαΐου 2010. URL: <http://www.tanea.gr/ellada/article/?aid=4574209> (дата обращения: 15.05.2012).

⁴ *Chorafas D. Sovereign Debt Crisis: The New Normal and the Newly Poor. P. 167.*

⁵ *Νεοφυγέ Λ., Θεοδωρακόπουλος Π. Χάθηκαν μέσα σε δέκα λεπτά // Τα Νέα [Online]. 7 Μαΐου 2010. URL: <http://www.tanea.gr/ellada/article/?aid=4573410> (дата обращения: 15.05.2012).*

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.5

А. Р. Лагно

Немцы, поляки, евреи: преступники, жертвы, сообщники? Ответ Ярослава Качиньского и его партии

Лидер ныне правящей (с 2015 г.) польской партии «Право и справедливость» (далее — ПиС) Ярослав Качиньский неоднократно высказывался, что история Польши и поляков за границей содержит много лжи. Для того чтобы защитить доброе имя польского народа, правительство стремится избавиться в первую очередь от двух стереотипов, с которыми, по их мнению, за границей ассоциируются Польша и поляки: это использование выражения «польские лагеря смерти» и проблема соучастия поляков в Холокосте. С целью донести до мировой общественности истинный образ Польши и польского народа в основном используются различные методы популяризации героических страниц польской истории: всевозможные мероприятия, фильмы, передачи, выставки, марафоны и проч., повествующие, например, о борьбе «проклятых солдат» с нацистами и коммунистами; об участии польских солдат в освобождении Европы от фашизма; о спасении евреев поляками и т. п. Однако в январе 2018 г. польский парламент перешел к более решительным действиям, законодательно определив, что в истории является истиной: большинством голосов были приняты поправки в закон об Институте национальной памяти (*Instytut Pamięci Narodowej*; далее для созвучия с польской аббревиатурой будет использоваться сокращение ИПН). Это учреждение было создано 18 декабря

1998 г. для сбора и изучения документов органов госбезопасности Польши, а также органов безопасности Третьего рейха и СССР в период 1944–1990 гг. с целью расследования преступлений по отношению к польским гражданам.

Изменения в законопроекте об ИПН уместились на трех страницах, но тот международный резонанс (решительные протесты со стороны Израиля, Украины, США), который они вызвали, удивил, похоже, всех, а особенно самих инициаторов — партию «Право и справедливость».

Поправки к закону об ИПН можно свести к следующим ключевым темам:

1. Преступления украинских националистов по отношению к польским гражданам. ИПН, помимо хранения, обработки, обеспечения сохранности, публикации документов и прочей подобной деятельности, касающейся преступлений, совершенных нацистами и коммунистами, должен был также проводить исследования «преступлений украинских националистов и членов украинских формирований, которые сотрудничали с Третьим рейхом» или применяли террор по отношению к еврейскому населению и гражданам II Речи Посполитой (далее — II РП), которые проживали на территории Волыни и Восточной Малопольши в период с 1925 по 1950–е гг.

2. Приписывание нацистских преступлений польскому народу или II РП. «Те, кто публично и вопреки фактам приписывает польскому народу или Польскому государству ответственность или пособничество за совершенные Третьим рейхом нацистские преступления [...] или за другие преступления, которые являются преступлениями против мира, человечества или военными преступлениями или иным способом разительно преуменьшает ответственность действительных исполнителей этих преступлений, подлежит наказанию штрафом или заключению на срок до трех лет», — говорится в поправках¹. При этом уточняется, что преступление не совершается, если речь идет об артистической или научной деятельности. Одновременно в статье 55b оговаривается, что, невзирая на то, где будет совершено

преступление, закон будет применяться как к гражданам Польши, так и гражданам других государств.

Поправки к закону об ИПН были приняты в Сейме 26 января 2018 г. («за» проголосовали 279 из 414 присутствовавших депутатов). 29 января законопроект был передан на подпись президенту Анджею Дуде и маршалку Сената. Сенат рассмотрел его 1 февраля и принял, не внося в законопроект никаких поправок. 6 февраля президент подписал законопроект, однако решил проверить его на соответствие конституции, поэтому направил подписанный закон в конституционный суд. Тем не менее 1 марта поправки к закону об ИПН вступили в силу. Однако уже 22 марта министр юстиции и генеральный прокурор Збигнев Зёбро обратил внимание на то, что статья 55b (действие закона на территории Польши и за ее пределами, а также наказание и граждан Польши, и граждан других государств) не соответствует конституции, поскольку она может «подорвать авторитет Польского государства», «которое не будет в состоянии взыскать установленное право», что в свою очередь может привести к «противоположным результатам», нежели на то было рассчитано². Конституционный трибунал также счел не соответствующими конституции выражение «украинские националисты» и «Восточная Малопольша». Ситуация стала анекдотичной: получилось, что З. Зёбро в качестве генерального прокурора признал неконституционным фрагмент закона, написанного министерством юстиции, которым он сам и руководит.

В связи с этим возникает ряд вопросов. *Почему официальная Польша в высшей степени болезненно реагирует на темные страницы своего национального прошлого? Ожидало ли ПиС такого решительного протеста со стороны Израиля, Украины и США на принятие поправок к закону об ИПН? Как поляки отнеслись к этому закону? Повлияла ли ситуация вокруг принятия этого законопроекта на образ Польши за рубежом?*

В докладе предпринимается попытка ответить на первый поставленный вопрос: описываются история возник-

новения и практика использования выражения «польские лагеря смерти», а также дискуссии, развернувшиеся вокруг проблемы соучастия поляков в Холокосте. Затем анализируется позиция правящей партии и конкретно ее лидера Я. Качиньского относительно указанных тем. И, наконец, демонстрируются методы, которые использует нынешнее польское правительство для защиты доброго имени польского народа.

Примечания

¹ Ustawa z dnia 26 stycznia 2018 r. o zmianie ustawy o Instytucji Pamięci Narodowej – Komisji Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, ustawy o grobach i cmentarzach wojennych, ustawy o muzeach oraz ustawy o odpowiedzialności podmiotów zbiorowych za czyny zabronione pod groźbą kary // Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 369. Art. 55a. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=W-DU20180000369> (дата обращения: 21.03.2018).

² Prokurator generalny krytykuje kluczowy zapis ustawy o IPN. «Ziobro obrócił się przeciw Ziobrze» // Gazeta.pl. Wiadomości. 22.03.2018. URL: <http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114883,23174535,ziobro-wytyka-niekonstytucyjnosc-kluczowego-zapisu-ustawy-o.html> (дата обращения: 30.03.2018).

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.9.6

М. В. Ведерников

Подход к вишеградскому (центральноевропейскому) сотрудничеству: взгляд из России

Взаимодействие Российской Федерации с Вишеградской четверкой (далее — В4) не имеет четко выраженных форм сотрудничества. Вместо этого МИД РФ предпочитает выстраивать отношения с центральноевропейским регионом, в рамках которого В4 является наиболее длительно функционирующим актором и, по словам исследователя Л. Чабады, ее структурирующим ядром, на основе двусторонних контактов со странами объединения (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия)¹. Между тем место Центральной Европы во внешне-

политическом курсе страны за 27 лет ее постсоветского развития менялось.

Провозглашенный в 1991 г. странами объединения курс «на возвращение в Европу» не встретил тогда, еще у советских дипломатов, резких возражений, поскольку трансформационные процессы, происходившие в то время в Центральной Европе, полностью вписывались в логику горбачевского «нового политического мышления». События 1990-х гг. свидетельствовали о том, что в Вишеградской Европе происходило только одно магистральное движение, направленное на отдаление от условного тоталитарного Востока в сторону демократического Запада.

Однако российские дипломаты на тот момент отчетливо осознавали важность сохранения влияния в этом регионе, его стратегическое значение. Так, в первой «Концепции внешней политики РФ» (1992 г.) говорилось о необходимости предотвратить превращение Восточной Европы в «буферный пояс», изолирующий Россию от Запада. Также указывалось на недопустимость вытеснения России западными государствами из региона. Впрочем, для данного документа свойственна и наивность в оценке перспектив усиления влияния РФ.

Важным промежуточным документом, в котором отразилось восприятие российской стороной произошедших изменений в странах Центральной Европы, стал доклад, подготовленный группой ученых на тему «Центральная и Восточная Европа (далее — ЦВЕ. — *М. В.*) и интересы России»² по заказу Совета по внешней и оборонной политике. Лейтмотивом документа служит фраза об «излишне преувеличенной самооценки региона». Что касается российских интересов, эксперты не испытывали иллюзий и отмечали «комичность» самой постановки вопроса о возможности восстановления прежнего уровня отношений со странами региона. Более того, надежды на возвращение былой роли Советского Союза в ЦВЕ должны были остаться на долгие годы «искусительным соблазном, источником “фантомных болей” и нереалистичных подходов».

Нововведения в официальной позиции по отношению к странам В4 (к государствам ЦВЕ) отмечены в обновленной «Концепции внешней политики РФ», которая была обнародована в 2000 г. В ней были приняты во внимание изменения, произошедшие внутри этих стран, а также вступление трех из них³ (за исключением Словакии) в НАТО. Если ранее говорилось о недопущении вытеснения России из «восточноевропейского региона», то теперь, когда это стало данностью, приходилось ограничиваться задачей «сохранения наработанных человеческих, хозяйственных и культурных связей, преодоления имеющихся кризисных явлений и придания дополнительного импульса сотрудничеству в соответствии с новыми условиями и российскими интересами»⁴.

В последующих трех «Концепциях» (2008, 2013, 2016 гг.) можно обозначить постепенное вымывание и последующее исчезновение центральноевропейской проблематики из официальной внешнеполитической доктрины РФ. Так, если в 2008 г. подчеркивалась открытость страны к «прагматичному, взаимоуважительному сотрудничеству» с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы⁵, то в 2013⁶ и 2016⁷ гг. подобные территориальные идентификационные атрибуты были полностью заменены обобщающим определением «другие страны». Трансформация подхода была вызвана, прежде всего, изменением статуса Венгрии, Польши, Словакии и Чехии, которые к тому времени стали полноправными членами Европейского союза и НАТО. Таким образом, российская сторона стала рассматривать ранее выделяемую часть Европы в качестве составного элемента единого евроинтеграционного объединения.

Важно отметить, что исключение центрально-(восточно)европейской проблематики из повестки официальных документов шло параллельно с активизацией межгосударственных двусторонних отношений со странами В4, которые с конца 1990-х гг. «наполнились новой энергетикой, которая переломила тенденцию к разобщению»⁸. Впрочем, за это время не удалось добиться их постоянства. По словам Л.Н. Шипелиной, они носили «во многом импровизационный, даже

рефлексивный характер», ощущая на себе воздействие как внутренних политических и экономических обстоятельств, так и влияние большой мировой политики⁹.

Неустойчивость поступательного развития отношений России с вишеградскими странами обозначилась в ходе, начавшегося в 2013 г. политического кризиса на Украине, добровольного вхождения республики Крым и г. Севастополь в состав России и вооруженного конфликта в Донбассе. Предпосылки к этому были заложены ранее, когда в 2009 г. В4 встала во главе движения, нацеленного на реализацию программы «Восточное партнерство»¹⁰, получив тем самым возможность «впервые после Второй мировой войны независимо формировать политику в отношении целого региона»¹¹.

В дальнейшем затруднения для налаживания отношений в рамках формата РФ — В4 несомненно усилятся в связи с объявленным планом ЕС о расширении на Балканах¹². Несмотря на то что в последние два десятилетия роль России в этом регионе существенно уменьшилась, исторически этот регион был зоной проникновения российского влияния.

Что касается возможностей установления прямого контакта между В4 и Россией, то его реализация усложняется также фактом отсутствия организационных структур объединения. В4 не имеет ни секретариата, ни штаб-квартиры и иных атрибутов, присущих международным организациям. Эта особенность, которая специалистами рассматривается как залог длительного существования объединения, затрудняет институциональное взаимодействие МИД РФ с ней. Данное обстоятельство в совокупности с позицией группы по ключевым вопросам, затрагивающим напрямую интересы России, создает непреодолимые препятствия на пути к сотрудничеству. Между тем двусторонние контакты между Россией и странами-участницами группы в виду существования различных позиций во внутривнутриполитическом дискурсе Венгрии, Словакии, Чехии и Польши имеют перспективу для дальнейшего развития и укрепления.

Примечания

- ¹ *Cabada L., Walsch C.* Od Dunajské federace k Visegradské skupině... a zpět. Tra-
diční a nové formáty středoevropské spolupráce. Praha, 2017. S. 58–59.
- ² Центральная и Восточная Европа и интересы России. Тезисы доклада. URL:
http://www.svor.ru/public/docs_1997_2_8_1351675386.pdf (дата обращения:
15.04.2018).
- ³ В марте 1999 г. Венгрия, Польша, Чехия стали членами НАТО. Словакии не
удалось стать участником четвертого расширения, ввиду нахождения у власти
В. Мечиара (1994–1998), который проводил политику сближения с Россией и
нарушал права венгерского меньшинства. Словакия вступила в НАТО в 2004 г.
- ⁴ Концепция внешней политики РФ (2000) // Внешняя политика и безопас-
ность современной России (1991–2002). Т. 4. М., 2002. С. 118. URL: [http://
window.edu.ru/resource/986/46986/files/mion-ino-center09.pdf](http://window.edu.ru/resource/986/46986/files/mion-ino-center09.pdf) (дата обраще-
ния: 01.04.2018).
- ⁵ Концепция внешней политики РФ (2008). URL: <http://kremlin.ru/acts/news/78>
(дата обращения: 01.04.2018).
- ⁶ Концепция внешней политики РФ (2013). URL: [http://www.mid.ru/foreign_
policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkVB6BZ29/content/id/122186](http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkVB6BZ29/content/id/122186)
(дата обращения: 01.04.2018).
- ⁷ Концепция внешней политики РФ (2016). URL: [http://www.mid.ru/foreign_
policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248](http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248) (дата обра-
щения: 01.04.2018).
- ⁸ Вишеградская Европа: откуда и куда? / Под ред. Л.Н. Шишлиной. М., 2010.
С. 445.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Восточное партнерство — инициированный ЕС проект в рамках Европей-
ской политики соседства. Его целью является более тесное сотрудничество
Союза с шестью государствами Восточной Европы и Кавказа (Беларусь, Украи-
на, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан).
- ¹¹ Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции /
Под ред. Л.Н. Шишлиной. М., 2017. С. 115.
- ¹² *Саморуков М.* Заедая стресс. Зачем Брюссель объявил о новом расширении ЕС.
URL: <https://carnegie.ru/commentary/75465> (дата обращения: 02.04.2018).

Секция
«ЯЗЫКО-
ЗНАНИЕ»

ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.1.1

А. А. Бакшаева

Толстовский Апостол конца XIV в.: к вопросу о происхождении рукописи

Толстовский Апостол¹ — уникальный памятник древнерусского письма конца XIV в. (датировка по А.А. Турилову²). Рукопись хранится в Отделе рукописей РНБ, шифр Q. п. I. 5 (СК 1984 № 427). Писана на пергамене 4° (22,2 x 16,3), 93 листа. Переплет древний, но моложе рукописи, застежки оборваны, переплет отстаёт от блока книги³. Сохранность хорошая. На некоторых листах имеются загрязнения от пролитой темной жидкости, часто встречаются восковые следы небольших размеров. Лакун в тексте нет.

Изучение текста АпТ имеет большое значение для истории апостольского текста в славянском переводе, манускрипт является типичным представителем преславской редакции старославянского текста⁴. АпТ впервые опубликован в работах Г.А. Воскресенского в объеме пяти посланий ап. Павла и является главным представителем т. н. «второй редакции» Апостола⁵.

В 2017 г. завершена работа над интернет-изданием АпТ⁶, выполненном при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект «Древнерусские списки Апостола XII–XIV вв.: лингвистическое исследование и электронная публикация» (№ 15-04-00213), руководитель М.О. Новак (К(П)ФУ).

В докладе рассматривается история рукописи АпТ, уделяется внимание некоторым особенностям ее оформления,

а также ряду лингвистических черт, которые могут пролить свет на происхождение рукописи.

По данным А.Л. Лифшица, АпТ, возможно, является парным кодексом Онежской псалтыри 1395 г.⁷ Местонахождение скриптория не установлено, однако вскоре после создания Онежская псалтырь и АпТ попали в Кривецкий погост (территория Новгородской земли).

Для Онежской псалтыри А.А. Турилов и Г.И. Вздорнов предполагают московское происхождение⁸. Таким образом, логично предположить московское происхождение и для АпТ.

В.В. Стасов рассматривает АпТ как рукопись Новгородской земли⁹. Профессор М.К. Каргер, сравнивая изображения церкви в византийских и древнерусских рукописях, называет АпТ «новгородской» рукописью и отмечает следующую деталь «В этом изображении церкви мы имеем интересную параллель к тем богатым резным по камню ковровым узорам, которые покрывают стены собора в Юрьеве-Польском»¹⁰.

Анализ языковых черт АпТ свидетельствует о северо-западном происхождении манускрипта¹¹. В группах типа *tǫrt встречается единичное написание: **гробь ѡвресть грѣтань ихъ/ языки своими луковаху** 4б. В данном случае возможно влияние инфинитивной основы с неполногласием **отврести**. В новгородском диалекте в то же время существовал рефлекс tǫrt > tǫrǫt > tret¹².

Встречаются написания типа **затворити ю/тробу свою ѡ него** 58в. Такое написание можно объяснить, во-первых, гиперкорректной формой, во-вторых, древним типом передачи носового, попавшим в рукопись из раннего списка. А.А. Зализняк приводит подобные формы даже в диалектной речи Новгородской земли¹³.

В АпТ зафиксирована форма **жизющеи** 54а, отражающая смещение шипящих и свистящих, характерное для северо-западных земель¹⁴.

Анализ особенностей оформления рукописи, некоторые ее языковые черты, а также экстралингвистические факторы могут свидетельствовать о северо-западном происхожде-

нии рукописи. Тщательное исследование орфографии позволит обнаружить лингвистические факты, подтверждающие или опровергающие эту теорию.

Примечания

- ¹ Толстовский Апостол (далее – АпТ), XIV в. РНБ, Q.п.1.5.
- ² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис–Летопись Лаврентьевская) / Под ред. А.А. Турилова. М., 2002. С. 587.
- ³ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1984. С. 342–343.
- ⁴ Христова-Шомова И. Службеният Апостол в славянската ръкописна традиция. София, 2004. С. 755–756.
- ⁵ Воскресенский Г.А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. М., 1879. С. 166.
- ⁶ Толстовский Апостол [Электронный ресурс] // Манускрипт: славянское письменное наследие. URL: <http://www.manuscripts.ru/ptm/cont/TolstAp.htm#Sokhr> (дата обращения: 05.10.2017).
- ⁷ Лифшиц А.Л. К вопросу о происхождении «Онежской» псалтири 1395 г. // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV — начала XX веков. Сборник статей в честь Г.В. Попова. М., 2002. С. 82.
- ⁸ Турилов А.А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 542; *Вздорнов Г.И.* Неовизантийский орнамент в южнославянских и русских рукописных книгах до начала XV в. // Византийский временник. М., 1973. № 34. С. 226.
- ⁹ Стасов В.В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Собрал и исследовал Владимир Стасов. Издано с Высочайшего соизволения Императора Александра II. Пг., 1887. С. 22.
- ¹⁰ Каргер М.К. Живопись // История культуры Древней Руси. Т. 2. Домонгольский период. Общественный строй и духовная культура. М.–Л., 1951. С. 386.
- ¹¹ Жолобов О.Ф. Толстовский Апостол XIV в. как уникальная рукопись // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VI Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 18–21 окт. 2017 г.): тр. и матер.: в 2 т. Казань, 2017. С. 94–95.
- ¹² Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 50.
- ¹³ Там же. С. 54.
- ¹⁴ Жолобов О.Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71а // Russian Linguistics, 33. 2009. С. 47.

Частные замечания к вопросу о польском влиянии в «Летописной книге» Н.М. Катырёва-Ростовского

Несмотря на наличие ряда работ, посвященных анализу произведений XVII в., тексты этого периода все еще нуждаются во всестороннем изучении. В связи с этим нами была проанализирована «Летописная книга» Н.М. Катырёва-Ростовского (Примеры приводятся по изданию «Русская историческая библиотека. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». Т. 13. Спб., 1891). Данная историческая повесть о Смуте написана современником событий в 1626 г., однако упомянем, что С.Ф. Платонов, который ввел текст в научный оборот, приписывал повесть И.М. Катырёву-Ростовскому ошибочно¹ (данный автор написал только стихотворное заключение²). Произведение называется «Летописной книгой» Н.М. Катырёва-Ростовского лишь по традиции; вероятнее всего, оно написано С.И. Шаховским³ (но есть и другие версии, например, что у источника было несколько авторов⁴). В настоящем докладе на материале указанного текста рассматривается расположение сказуемого в высказывании и связанное с этим расположение атрибута относительно определяемого.

1. Как писала В.Е. Орлова, сказуемое в «Летописной книге» чаще всего ставилось в конце фразы (нужно упомянуть, что разделение текстов XVII в. на отдельные предложения вызывает у исследователей меньше затруднений, чем аналогичное деление текстов более раннего периода, т.к. с появлением книгопечатания пришло и постепенное внедрение пробелов между словами; кроме того, «приблизительно к XVII в. постепенно была создана формальная

опора для смыслового членения письменных текстов»⁵). Исследовательница объясняла данное явление влиянием латинского языка на произведение. Это в свою очередь было связано с увеличением влияния польской культуры на русскую в XVII в.⁶ Вместе с тем М.В. Тамань, проанализировав лексические заимствования из польского языка (в том числе и в «Летописной книге»), приходит к заключению, что польское влияние на язык Московской Руси преувеличивается⁷. В связи с этим необходимо скорректировать выводы В.Е. Орловой.

Пересчет примеров показывает, что утверждение В.Е. Орловой можно поставить под сомнение: сказуемое в тексте чаще стоит перед именной группой, следовательно, не в конце предложения (в 409 случаях сказуемое находится перед ИГ и 338 случаях — после): *написана бысть сия книга* с. 560, *да не отступятъ отъ мѣста сего* с. 618, *вложи мысль сію* с. 575, *отбѣжитъ до своего отечества* с. 605, *мужески ополчяхуся противу враговъ царевыхъ* с. 586, *но по вельнню цареву повинуютца* с. 588, *уроки многіе собираетъ* с. 613, *за смрадныя уды влечаху* с. 581 и т. д. Можно утверждать, что влияние польского языка на «Летописную книгу» преувеличивается не только в отношении лексики, но и в отношении синтаксиса произведения.

2. Дальнейший анализ порядка слов в повести показал, что в «Летописной книге» имелась связь позиции сказуемого и порядка слов в атрибутивном словосочетании (это явление обнаружено и в древнерусских текстах⁸). Качественные и относительные прилагательные стремились к постпозиции, если располагались после сказуемого. Количество *препозитивных* определений и в приглагольных, и в постглагольных словосочетаниях приблизительно равно, но *постпозитивные* прилагательные встречаются заметно чаще, когда группа определения-определяемого следует после сказуемого.

Сказуемое перед ИГ		Сказуемое после ИГ	
Препоз. относ. прил.	Постпоз. относ. прил.	Препоз. относ. прил.	Постпоз. относ. прил.
33 примера (да не оску- дѣть бранное ополченіе с. 610)	37 (тако преста ополченіе бранное с. 597)	35 (московстїи же воини мужески сихъ воспрїем- лють с. 609)	19 (Поляцы на полки Нѣмецкіе и на Рускіе нападоша с. 596)
Препоз. качеств. прил.	Постпоз. качеств. прил.	Препоз. качеств. прил.	Постпоз. качеств. прил.
105 (просвѣтися облакъ свѣт- лымъ бли- станіемъ с. 597, поють птицы сладкимъ воспеваніемъ с. 588)	61 (радуютца о томъ радостїю велїю зѣло с. 571)	97 (безъ тяжкія казни и жесто- ково отомщенїя возможеть проити с. 608)	37 (и тако гладь великій во осадѣ утоля- ють с. 612)

Примечательна еще одна особенность строения атрибутивного словосочетания: зависимые слова стремятся располагаться ближе к главным, однако иногда глагол разрывал группу определения-определяемого или составное сказуемое обрамляло именную группу. В таких случаях предпочтительной была постпозиция атрибута:

Интерпозиция сказуемого (9 примеров с постпозицией определений, 3 — с препозицией): *очи имѣя сѣры* с. 619, *на стѣны восходятъ градцкія* с. 610 **но** *многимъ цвѣтїише* благореченіемъ с. 621 и т. д.

Составное сказуемое обрамляет именную группу (4 примера с препозицией прилагательного, 6 — с постпозицией): *начаша брань велїю спущати* с. 590, *дабы хто моглъ граду сему пагубу учинити* с. 587 и т. д.

Таким образом, постпозиция определения предположительно появлялась в необычных условиях: при более редком порядке слов в высказывании мы встречаем инверсию и в атрибутивном словосочетании (к XVII в. преобладающей уже была препозиция атрибута, поэтому постпозитивное расположение определения можно назвать инверсией⁹. Это вполне вероятно, поскольку о том, что порядок слов в словосочетании еще в древнерусскую эпоху сильно зависел от порядка слов в предложении в целом, пишет еще С. Турнер¹⁰. Возможно, расположение именной группы относительно глагола и порядок слов в атрибутивном словосочетании входили в состав стилистических средств текстов XVII в.

Примечания

¹ Платонов С.Ф. Сочинения. Т. 1. М., 2010. С. 371.

² Серова И.Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумны // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 42. Л., 1989. С. 107–115.

³ Кукушкина М.В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 75–78.

⁴ Державина О.А. К истории создания «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому // Уч. зап. Московского пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. 48, Вып. 5., М., 1959. С. 29–45.

⁵ Преображенская М.Н. Средства синтаксической связи и членения в истории письменных текстов русского языка // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкофа. М., 2006. С. 320–337.

⁶ Орлова В.Е. Иноязычные элементы в языке «Повести...» И.М. Катырева-Ростовского // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, 1980. С. 57–66.

⁷ Тамань М.В. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 197–204.

⁸ Minlos Ph. What Favour Agreeing Modifiers to Follow Their Nouns and What Prevents Them from It? // VIe Congrès de la Société Linguistique Slave (Université de Provence / Aix-Marseille), 2011. Vol I. P. 115–117.

⁹ Санников В.З. Согласованное определение // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968. С. 47–95.

¹⁰ Turner S. Clause Organization in Old Russian // New approaches to Slavic Verbs of Motion / Amsterdam, Philadelfia, 2010. P. 40.

Особенности синтаксиса первого славянского перевода Жития Святого Афанасия Афонского

Доклад посвящен установлению синтаксических особенностей славянского перевода Жития Святого Афанасия Афонского (далее — ЖАА) по данным семи славянских списков — НБКМ 307, Пог. 803, ТСЛ 749, ТСЛ 746, Соф. 1376, Вол. 605 и ТСЛ 678¹, — первый из которых имеет наименьшее количество разночтений с греческим оригиналом и, соответственно, наиболее близок архетипу перевода.

Согласно нашим наблюдениям, славянская рукописная традиция исследуемого Жития восходит к греческой версии В². Тексты версий ЖАА различаются настолько, что в качестве доказательства зависимости славянского перевода ЖАА от греческой версии В оказывается достаточным сопоставление заглавий, инципитов и одного произвольно выбранного фрагмента обеих греческих версий со славянским переводом³.

Изучение лексического состава ЖАА позволило обнаружить, что первый славянский перевод был осуществлен во второй половине XIII в. в одном из афонских книжных центров монахом болгарского происхождения. Кроме того, были засвидетельствованы черты, сближающие текст ЖАА с Норовской псалтырью, отчасти — с евфимиевскими и киприановскими переводами⁴.

В свете лексических данных представляется целесообразным проанализировать синтаксические особенности перевода.

I. Местоположение *ради* и *дѣлѣ*

Характер постановки *ради* является одним из диагностических признаков, позволяющих достоверно определить, в каком книжном центре и в какой временной период был осуществлен перевод.

1. **ради** в качестве *послелога*

В абсолютном большинстве случаев для славянского перевода ЖАА свойственно использование *послелога ради*. Это соответствует синтаксическим нормам, складывающимся и развивающимся в святогорских книжных центрах в XIII–XIV вв.

Всего нам встретилось 16 случаев постановки **ради** в постпозиции. Благодаря данным текстологического анализа — по спискам НБКМ 307, Пог. 803, ТСЛ 749, ТСЛ 746, Соф. 1376, Вол. 605 и ТСЛ 678 — удалось выяснить, что во всех 16 случаях **ради** сохраняет *постпозитивное положение* и ни разу не заменяется на **дѣлѣ** вплоть до нач. XIV в. Вероятно, такое положение **ради** отражает чтение архетипа перевода: Сихъ ради, трѣблаженаго аѳанасіа житіе (л. 3, pass.) — Διά τοι ταῦτα τοῦ τρισμάκαρος Ἀθανασίου βίου (1:9–10). То же на лл. 3, 7, 16 об., 22 об., 26 об., 33 и др. (по НБКМ 307).

Послелог ради в славянском переводе не соответствует $\delta\acute{\iota}+\text{gen./acc.}$ или $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ в греческом оригинале механически, его использование контекстуально обусловлено: вѣры ради зовѣше (л. 66 об.) — πρὸς πίστιν ἐκάλεи (78: 35–36).

2. **ради** в качестве *предлога*

Употребление **ради** в качестве предлога в соответствии с греческим $\delta\acute{\iota}\alpha$, $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\kappa\alpha/\acute{\epsilon}\nu\epsilon\kappa\epsilon\nu$ встречается в Норовской Псалтыри, в переводах круга Евфимия Тырновского⁵, в Киприановской псалтыри⁶.

В то же время в афонских редакциях Псалтыри и Нового Завета подобное употребление **ради** не отмечено. Единичные случаи использования *предлога ради* в переводе творений Дионисия Ареопагита, выполненном монахом Исайей на Святой горе Афон в 50–60-е гг. XIV в., следует интерпретировать как предвосхищение норм Тырновской книжной школы⁷.

В ЖАА встретилось 3 случая употребления **ради** в препозиции, например: ради **же** \bar{w} сихъ члѣкwmъ прибываемыж ползѣа (НБКМ 307, л. 3, passim) — διὰ τὸ ἐκ τούτων τοῖς ἀνθρώποις προσγινόμενον ᾄφελος (1: 1–3)

Во-первых, в использовании **ради** в качестве *предлога* отражено стремление переводчика калькировать порядок слов греческого оригинала.

Во-вторых, **ради** в препозиции всегда используется перед несклоняемым указательным местоимением **иже**, **яже**, **еже**, калькирующим артикль греческого оригинала.

3. **ради** в позиции между атрибутом и субстантивом

В ЖАА отмечено 8 случаев постановки **ради** в позиции между определением, согласованным или несогласованным, и именем существительным, к которому определение относится: зимнаго **ради** врѣмене (л. 6 об., passim) — *διὰ τὸν τοῦ ψυχῆος καιρόν* (6: 40); то же на лл. 28, 28 об., л. 29, 29 об., л. 32 и др. Подобный характер расположения **ради** отмечен в обоих болгарских переводах Иерусалимского Типикона (далее — ИТ)⁸.

Помимо **ради**, в исследуемом житии также используется **дѣлѣ**.

В качестве *послелога* **дѣлѣ** употребляется преимущественно в соответствии с *χαρίν+gen.* и изредка в соответствии с *διὰ+gen.*: лл. 7, 11 об., 8 об., 23, 30, 33 и др.

Отдельно следует выделить случаи, когда **дѣлѣ** ставится между определением и субстантивом: **его дѣлѣ доблестиж** (л. 9 об.) — *διὰ τῆς αὐτοῦ γενναίότητος* (10: 14–15); то же на л. 65 об. Отметим, что **дѣлѣ** используется в том случае, если в греческом оригинале в роли определения выступает местоимение, а не прилагательное.

Интересны случаи употребления сочетания **за ... дѣлѣ**: **за мнугыѣ же дѣлѣ нѣждѣ** (НБКМ 307, л. 6 об., pass.) — *διὰ πολλῆς δὲ ἀνάγκης* (6: 41); и **за...ради**: **за безмльвѣа ради** (НБКМ 307, лл. 41–41 об., pass.) — *διὰ τὸ ἀπερίσλαστον* (46: 41). Такой же характер постановки послелога **ради** с предлогом **за** свойствен обоим сербским и болгарским переводам ИТ⁹.

II. Позиция отрицания при передаче наречий *μηκέτι* и *οὐκέτι*.

Что касается перевода наречий *μηκέτι*, *οὐκέτι*, здесь обнаруживается яркая особенность, состоящая в постановке частицы **не** перед местоименной формой / наречием, а не перед глаголом, характерная для афонских редакций и новых пе-

реводов XIII–XIV вв.: *μῆκετι διὰ τριῶν ἡμερῶν ἐσθίειν* (10: 5–6) — не к тому в третї днь ясти яко же вбыче (л. 9); то же на лл. 23, 34 и др. С другой стороны — единичные примеры традиционного способа перевода (л. 10, 42 об.)

III. Перевод инфинитивных конструкций оригинала.

При передаче субстантивированного инфинитива явно обнаруживается стремление книжника калькировать синтаксические модели греческого оригинала, отказавшись от использования традиционных конструкций, содержащих личную форму глагола: 1. *τὸ+inf.* — еже славитисл (л. 7 об., pass.) — *τὸ δοῦναι* (8: 1–2); *πρὸ τοῦ + inf. + Acc.* — прѣж^е родитисл емоу (л. 4, pass.) — *πρὸ τοῦ τευθῆναι αὐτὸν* (2:14–15) и мн. др.

Таким образом, при исследовании синтаксических особенностей ЖАА по данным семи славянских списков с опорой на греческий оригинал, лежащий в основе перевода, установлено, что в области синтаксиса наличествуют черты, присущие прежде всего переводам и правленным редакциям, принадлежащим Афонской книжной школе, в особенности — обоим болгарским переводам ИТ, отчасти — Норовской псалтыри, в меньшей мере — Чудовской редакции Нового Завета.

Главной особенностью переводческой техники на синтаксическом уровне является последовательное калькирование — и порядка слов оригинала, и структуры греческих синтаксических конструкций. Это присуще синтаксису славянских переводов, появившихся в центрах Афонской книжной школы в XIII–XIV вв.

Примечания

¹ НБКМ — Национальная библиотека Свв. Кирилла и Мефодия (София); Пог. — собрание М.П. Погодина (ОР РНБ); ТСЛ — собрание Свято-Троице-Сергиевой Лавры (ОР РГБ); Соф. — собрание Софийского Новгородского собора (ОР РНБ); Вол. — собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (ОР РГБ).

² *Noret J. Vitae duae antiquae Sancti Athanasii Athonitae. The Athanasian Vita A. The Athanasian Vita in Corpus christianorum. Series graeca, 9. Turnhout: Brepols, 1982.*

³ Там же. С. 3, 127.

⁴ *Караваева П.Ю.* К вопросу о времени и месте возникновения первого славянского перевода Жития Святого Афанасия Афонского // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 66–77.

⁵ *Афанасьева Т.И.* Славянская Литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: текстология и язык. СПб., 2004. С. 117.

⁶ *Чешко Е.В.* Об афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. АН СССР, Институт славяноведения и балканистики. М., 1982. С. 84.

⁷ *Афанасьева Т.И., Козак В.В., Мольков Г.А., Соколов Е.Г., Шарихина М.Г.* Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана // *Slověne*. Т. 4. № 1. С. 30.

⁸ *Пентковская Т.В.* Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект. М., 2018. С. 46.

⁹ Там же.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.1.4

М. В. Скачедубова

О некоторых особенностях употребления -л- формы в нарративе без связки в Псковской I и II летописях*

Составленные во 2-й половине XV и дошедшие до нас в списках XVI и XVII веков, Псковские I и II летописи представляют собой богатый материал для изучения функционирования -л- форм. С одной стороны, они не могут не содержать языковых архаизмов, т. к. при их создании использовались более древние летописные своды, с другой стороны, являют собой более продвинутую в отношении прошедших времен картину, нежели старейшие дошедшие до нас летописи. Очевидно, что в Псковских летописях мы имеем дело с расширением сферы употребления -л- форм, которые употребляются гораздо чаще, чем в древнейших летописях. Представляется важным выделить типы контекстов и лексем, на которые начинает распространяться экспансия -л- форм. Это, как нам кажется, поможет со временем пролить свет на причины утраты сложной системы прошедших времен и проследить этапы ее перестройки.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

На предмет употребления *-л-* форм нами были проанализированы: текст Псковской первой летописи по Тихановскому списку (список 1-й половины XVII в., протограф составлен ок. 1464 г.; далее — Пск. I) и Псковской II летописи по Синодальному списку (в основе лежит свод середины XV в., список конца XV в.; далее — Пск. II).

Среди примеров употребления *-л-* форм без связки выделяются те же типы контекстов, что и в Ипатьевской и Новгородской первой (старшего и младшего изводов) летописях (далее — ИЛ и НПЛ), в которых *-л-* форма реализует свои причастные свойства:

1. *-л-* форма используется в контекстах, типичных для «обычных» причастий прошедшего времени¹, например, при указании на любой, неопределенный объект: Пск. III Л. 182 *а мы их такоже, гдѣ которого поймавъ хотим казнити* — ср. Пск. I Л. 82–82 об. — *а что которое Нѣмцы прияли посла псковьскаго Кондрата судию, или гостя пьсковьскаго...то все отпустиша во Пьсковь с нашимъ посломъ*.

2. При обозначении состояния/результата в прошлом: Пск. II Л. 180 об. *...а пришол тот морь изъ Юрьева от Немець*. По всей видимости, в подобных случаях мы имеем дело не с перфектом без связки (употребление связки в настоящем времени в таких конструкциях не встречается и в принципе невозможно, т. к. относило бы действие к настоящему), а со специальной результативной формой, для которой соотнесение действия с временным планом настоящего или прошлого было нерелевантным. Такая трактовка подтверждается материалом современных говоров, в которых есть категория результативности: в них возможно употребление результативной формы на *-вши* без связки в отношении как прошедшего, так и будущего времени.

Помимо рассмотренных выше двух типов контекстов, которые были обнаружены также в ИЛ и НПЛ, в Пск. I и II можно выделить еще несколько групп:

3. *-л-* форма регулярно (19 % от всех примеров в нарративе) употребляется при обозначении продолжительного действия, при этом чаще всего указывается, сколько именно

оно длилось, ср.: Пск. II Л. 185 об.—186 *Того же лѣта въ Псковѣ был владыка Иван 2 недели, и своих дѣтей пскович благословив, отъеха месяца августа въ 6.* В 32 из 42 примеров употребляются глаголы *быти* или *стояти*. В таких контекстах наблюдается конкуренция *-л-* формы с причастием прошедшего времени на *-въ*: Пск. I Л. 66 об. *и бывъ во Псковѣ четыре недѣли, и поѣха изо Пскова в Великии Новъгородъ одарень.* Вполне возможно, что здесь мы, как и в первых двух группах, имеем дело с реализацией *-л-* формы своих причастных свойств. Если бы во всех наших примерах была бы не *-л-* форма, а «обычное» причастие прошедшего времени, перед нами были бы контексты с абсолютно нормальным древнерусским синтаксисом. Кроме того, в русском литературном языке и в диалектах от глаголов *быти* и *стояти* существуют эловые прилагательные *былой* и *стоялый*, которые свидетельствуют о том, что функционирование *-л-* форм от этих глаголов не ограничивалось употреблением в составе сложных прошедших времен, а затем использованием в аористной функции.

4. Отдельную большую группу составляют контексты с *-л-* формами от глагола *гореть* и от его приставочных образований, ср.: Пск. II Л. 198 *В лѣто 6949. Городке Опочка выгорѣль весь септевриа 5; а загорѣся от церкви святого Спаса.* На эту группу приходится 22 % всех употреблений *-л-* формы без связки в нарративе. Встает вопрос, почему такой большой процент всех *-л-* форм составляют именно глагол *горети* и его приставочные образования. Учитывая наличие в русском литературном языке эловых прилагательных *горелый, загорелый, пригорелый*, а также в диалектах прилагательного *сгорелый*, кажется логичным это связать, как и в предыдущем разделе, с причастным характером образований на *-л-*. Кроме того, во всех случаях употребления *-л-* форм от СВ очевидна результативная семантика. Как показывает материал говоров, в которых существует северо-западный перфект, там регулярны такие формы, как *выгоревши, загоревши, погоревши, сгоревши* (самое частотное), встречается *угоревши*². Таким образом, употребление результативной формы абсолютно нормально для этих глаголов. Вполне возможно, что

в Псковских летописях использование *-л-* формы от глагола *гореть* и его приставочных образований способствовало выражению результативности.

Таким образом, более 40 % всех *-л-* форм в Пск. I и Пск. II образованы от глаголов *быти*, *стояти* и *горети* (с его приставочными образованиями). Все эти глаголы имеют производные от них эловые прилагательные в современном русском литературном языке и диалектах. Едва ли этот факт является случайным стечением обстоятельств. Если бы *-л-* формы не воспринимались как причастные и не могли бы реализовывать свои причастные свойства, эловые прилагательные никогда бы не появились. По всей видимости, *-л-* форма занимала промежуточное положение, то выступая как финитная форма, то реализуя свои причастные свойства. При этом она могла употребляться и просто как «обычное» причастие прошедшего времени (как в контекстах со значением длительного действия, так и в контекстах причастных предикаций), и как специализированная результативная форма. Трудно сказать, было ли такое положение вещей актуальным для XVI в. Однако тот факт, что в древнейших летописях (Ипатьевской и Новгородской первой) не наблюдается столь частотное использование *-л-* причастий от глаголов *быти*, *стояти* и *горети*, говорит о том, что история превращения *-л-* форм в финитное образование дольше и сложнее, чем принято считать. Между традиционно выделяемыми двумя этапами «форма перфекта» и «финитная форма» существовал третий, когда *-л-* форма получала более широкое распространение по сравнению с «исходным» периодом, однако в качестве не простого претерита, как принято считать, а причастного образования.

Примечания

¹ Пичхадзе А.А. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях как показатель модальности и эвиденциальности // Библиистика. Славистика. Русистика. К 70-летию заведующего кафедрой библиистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева. СПб., 2011. С. 462–480.

² Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.2.1

А. Е. Соболева

Новшества XVIII в.: вирши и миниатюры в житии Александра Свирского

Рукописная традиция жития Александра Свирского XVIII в. разительно отличается от предшествующих двух веков. В рукописях, как правило, встречается два варианта текста: Минеяная редакция (написанная игуменом Иродионом в 1545 г. для ВМЧ) с расширенным набором чудес и комплексом сопроводительных текстов и появившаяся в конце XVII — начале XVIII в. новая редакция (Украшенная). Тогда как предшествующие два века породили 10 редакций, все на основе Минеяной, большая часть которых пока известна по единственному списку¹. Появление новой редакции вызвано комплексом причин: значительные изменения, произошедшие в языке к XVIII в., потребность в новом, понятном современным читателям тексте и обновление культа почитания Александра.

Доклад посвящен нескольким рукописям Украшенной редакции, написанным в середине XVIII в., которые, как представляется, являются не разрозненными списками, а комплексом рукописей, объединенным общими признаками.

Особенностью Украшенной редакции является стихотворное переложение целой главы жития, послесловия Иродиона (название послесловия: *И сіа до здѣ преиде, яж<е> w житіи и w подвизѣ прѣдбнаго, такожде и w списавшемъ житіе стѣго до здѣ сказоует повѣсть и яж<е> w стѣмъ*). Виршевый текст вытеснит навсегда прозаического предшественника

и станет обязательным структурным элементом текста. Это выделяет житие Александра в ряду других. Вишневые переложения житий не часты: в XVII–XVIII вв. появляется всего несколько переложений житий севернорусских святых (Антония Сийского, Никодима Кожеозерского и Логгина Коряжемского)², которые отражают «общие тенденции в развитии русской литературной традиции»³. Е.А. Рыжова упоминает включенные в этот текст вирши, встретившиеся ей в рукописи XIX в. (РНБ, собрание Тиханова, № 468): *стихи краткогласнии о сокращении душеполезныа повести сеа, еже о житии и о подвизѣхъ и преславныхъ чудесѣхъ сего великославнаго отца александра и о списавшемъ житие его*⁴.

Вместе с тем в некоторых списках Украшенной редакции можно обнаружить рамочное стихотворное обрамление текста: начальные вирши, обычно помещаемые после оглавления и перед предисловием Иродиона, и акростих после «Сказания вкратце от жития преподобного Александра Свирского с приклады».

Начальные вирши — шесть двоестрочий, обычно под заголовком «краегранесие». Вирши венчаются конусообразной записью «Аминь. Сіа вирши изложенныа до читателя». Несмотря на заголовок, попытки прочитать акростих, если таковой предполагался, не удалась.

Завершающий акростих в конце «Сказания» — стихотворное обращение к читателю, своего рода элемент интеллектуальной игры: загадывается имя написавшего текст и дается подсказка. Однако совершенно точно сказать, кто является автором стихотворного фрагмента удалось только после обнаружения рукописей с киноварным выделением букв в тексте, позволяющих установить также и временные рамки создания текста.

Оба текста написаны в одной стилистической манере и разительно отличаются от *Стихов краткогласных*.

Первые 4 строки Краегранесия:

Бѣа всесилнаго въ Троицѣ славимаго въ силахъ: его прославляю, даровавшему мнѣ немощнѣйшему силу таковую.

Угодника его препѣбнаго александра память почитати, и здѣ житие его в ползу к себѣ часто прочитати.

Первые 4 строки акростиха

И аще, любимицы мои, хощети знати
и кто есть дерзних сия написати.
Сами бо мы мене известно знаете,
Понеже вкупе со мною обитаете.

Первое двоестрочие *Стихов краткогласных*

Сея дшѣполезныя повѣсти, якоже пучину великаго моря, с великимъ трудомъ едва преплыти возмогохъ:

Недостаточества бо ради ума своего, и от многаго мало едва и сие предложити достигохъ.

Соответственно, в некоторых рукописях встречается два стихотворных пласта: декоративные вирши-заигрывание с читателем и новое послесловие Иродиона. Написаны они не единомоментно, а принадлежат разным авторам, по крайней мере двум.

Еще одно новшество, привнесенное в XVIII в. — миниатюры. Иллюминированных рукописей жития Александра известно не так уж много⁵. Пока это рукописи второй половины XVII в., число миниатюр варьируется от одной до семи. Миниатюры наследуют иконографической традиции. Пожалуй, самые известные рукописи этого периода — вкладная Богдана Силина (хранится в Покровском соборе), рукопись из собрания РГАДА (Ф. 181. Оп. 4. № 325/705), а также рукопись Александрo-Свирского монастыря, хранящаяся в Русском музее. Однако в середине XVIII в. появляется несколько рукописей, созданных разными авторами в одинаковой манере оформления, с совершенно иным, в десятok раз бoльшим (от 54 до 80) набором миниатюр, выполненных уже в духе XVIII в. Самая известная рукопись, описанию миниатюр которой посвящены работы Ю.А. Грибова, — из Музейского собрания ГИМ (344). Еще на две иллюминированные рукописи указывает в упомянутой статье И.Д. Соловьева: одна хранится в собрании РГАДА, вторая — в музее в Куопио. Сравнение рисунков позволяет говорить, что созданы они скорее всего вприглядку, не через прорись. Рисунок Муз. 344 выполнен искусно, большое внимание уделено прорисовке архитектурных элементов. В списке из собрания РГАДА на-

много меньше декоративности, рисунок простой, однако, передающий моделировку тканей. Из рукописи музея Куопио, благодаря сотруднице музея Илоне Пелгонен, удалось для предварительного ознакомления получить одно изображение и полную роспись списка с указанием миниатюр, по которому ясно, что все три рукописи восходят к одному образцу.

Таким образом, в середине XVIII в. появляется празднично оформленный комплекс рукописей, включающий сразу все новые элементы: новый текст, новые вирши и новые миниатюры.

Примечания

¹ *Соболева А.Е.* Житие Александра Свирского: от Великих Миней Четых до первого печатного издания // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы». Выпуск 3 «Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь в российской истории и культуре: к 510-летию со дня основания обители. Сборник научных трудов, документов и материалов». 2016. С. 55–72.

² *Рыжова Е.А.* Виршевые редакции севернорусских житий // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 195–236.

³ Там же. С. 229.

⁴ Здесь и далее текст приводится в упрощенной орфографии: выносные внесены в строку, диакритические знаки не отмечаются; знаки препинания составлены автором статьи. — А. С.

⁵ *Соловьева И.Д.* Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Документы и материалы».

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.2.2

Е. А. Матвеевко

Полонизмы в русском переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. (на материале рукописи РНБ Q.XVIII.4)

Русский прозаический перевод «Метаморфоз» Овидия, выполненный с польского комментированного перевода В. Отвиновского *Księgi Metamorphoseon, to ięst, Przemian od*

Publiusa Owidjusza Nasona Wierzfami opifáne (wyd. Kraków, 1638 г.) не позднее 1706 г., сохранился в 5 списках, различающихся по составу¹.

Список РНБ Q.XVIII.4, датируемый первой четвертью XVIII в.², содержит книги 1–4 и представляет, как предполагается, позднюю редакцию перевода, в различных аспектах гораздо дальше отстоящую от польского оригинала, чем более ранняя версия³. В качестве примера расхождения двух редакций можно привести два фрагмента польского текста «Метаморфоз» и их перевод в более ранней (списки ГИМ Син. № 809 и БАН. П I Б. № 101) и более поздней (список РНБ Q.XVIII.4) редакциях:

(1) Ks. Met. (s. 10): *Bo ten sam Wiosnę, Lato, Iešień, y Zimę czyni, który słońce przez zwierzęce koło po niebie prowadzi*

БАН. П I Б. № 101 (лл. 43–43 об.): *тои бо единъ весну, лѣто, осень, зиму творить, иже слѣнце, по животному кругу на небѣ водить:*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 11): *то бо единъ весну, лѣтм, осень, зиму, сотворилъ, иже слѣнце по небесно^му кругу водить:*

(2) Ks. Met. (s. 51): *Czyni tu Poeta wzmiankę Zodyaku, koła zwierzecego, ktore na sobie noši двоienaście zwierzat z gwiazd wykształtowanych.*

ГИМ Син. № 809 (л. 44): *здѣ стихотворецъ творит^м воспоминаніе о зодіаке кола звѣрриногo которой себѣ носить двенатцать звѣрей вырѣзанныхъ, и звѣздъ.*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 64): *здѣ стихотворецъ творить воспоминаніе о зодіаке круга звѣринаго, которой на небѣ носить двенатца^м вырѣзанныхъ.*

Как видно, чтения списков БАН. П I Б. № 101 и ГИМ Син. № 809 ближе к оригиналу и лексически, и синтаксически, а в списке РНБ Q.XVIII.4 представлен текст перевода, подвергшийся значительной правке, нацеленной в том числе на его дальнейшую доместикацию. Тем не менее текст и в более поздней редакции не свободен от полонизмов на разных уровнях. Приведем некоторые примеры.

1. Передача имен некоторых героев греческих и латинских в польской огласовке:

Кс. Met. (s. 139): *Palladę, corkę Iowisyowę. Mineowe corki lepszą Boginią bydź wyznawały.*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 188): *Палладу дщерь Зевесову менеовы дщери лутчею богинею нарицали.*

2. Буквальный перевод польских лексем:

Кс. Met. (s. 78): *To rzekszy: za czelne iq włosy pochwyciela*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 105 об.): *сiе молвивши юнона ухватила каллисту за переднiя волосы*

3. Употребление лексических полонизмов:

Кс. Met. (s. 3): *Вог [...] każdemu żywiolowi pewny własny przymiot przydał*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 5): *Бгъ [...] коеждо стiхiи iзвѣстную особую властность придадь.*

4. Калькирование некоторых польских падежно-предложных конструкций. Например, употребление в соответствии с польским оригиналом конструкций с предлогом *o* для обозначения субъекта действия (такие конструкции также соотносятся с греческим и входят в набор церковнославянских синтаксических средств⁴):

Кс. Met. (s. 70): *był przemieniony w gorę przez wystawienie iemu od Perseusa głowy Gorgońskiey*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 94 об.): *егда увидѣль выставленую ему oть персеа главу горгонину*

5. Употребление конструкций, внешне схожих со сложным будущим I, в соответствии с конструкциями «глагол *mieć* в личной форме + инфинитив» в польском тексте⁵:

Кс. Met. (s. 69): *Jesli morza/ iesli y ziemie zginąc maia*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 92 об.): *а есть ли моря и земли имуть по-гибати*

6. Употребление частицы было в несвойственных русскому языку XVIII в. значениях при поддержке польского оригинала — например, в значении из сферы антирезультативности⁶:

Кс. Met. (s. 29): *Poeta z błędu obrocił do onego dawnego y powszechnego Potopu, po którym ośmioro ludzi było zostało, nie dwoie.*

РНБ Q.XVIII.4 (л. 25): *стихотворецъ, по заблужденiю своему, поворотиль в старои общеи потопъ, после котораго осмеро людей осталось было, а не двое.*

Наличие в тексте перевода полонизмов разного уровня свидетельствует о том, что и поздняя редакция не была окончательной и нуждалась в дальнейшей правке. В рукописи РНБ Q.XVIII.4 имеются пометы, указывающие на как минимум начало этой правки: подчеркнуты или взяты в квадратные скобки некоторые описки, исправлены лексемы в некоторых фрагментах. Возможно, именно об этом «исправлении трех книг [...] Метаморфососось, т. е. премѣненіе» в Святейшем Синоде писал П.В. Пекарский⁷. Проследить дальнейшую историю текста — задача будущих исследований.

Примечания

¹ Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 189.

² Там же.

³ Мольков Г.А. Употребление частицы *было* в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (30 мая — 1 июня 2016 г.) / отв. ред. А.М. Молдован. М., 2016. С. 462–463.

⁴ Пентковская Т.В. Перевод аргументов к книге Иова 1671 г. На фоне московских библейских переводов с польского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 30–31.

⁵ О таких конструкциях в переводах с польского языка книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского см.: Пентковская Т.В. Перевод аргументов к книге Иова 1671 г. На фоне московских библейских переводов с польского языка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 29 и в списке литературы к указанной статье.

⁶ Мольков Г.А. Употребление частицы *было* в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. С. 456. Пример также цитируется по статье Г.А. Молькова.

⁷ Пекарский П.В. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2 т. СПб., 1862. Т. 1. С. 221.

О переводе «Ἀβραάμ σε καταδίωκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει...» в русских неканонических молитвах*

Новгородская первая летопись младшего извода, а также ряд позднейших новгородских летописей упоминают о знамении от иконы свв. Гурия, Самона и Авива, произошедшем в Софийском соборе 24 декабря 1410 г.: «В лѣто 6918... Створися знамение въ святѣи Софѣи от иконы святыхъ мученикъ Гурья и Самона и Авива, мѣсяца декабря въ 21»¹. В память об этом событии Новгородский архиепископ Иоанн построил придельный храм св. Софии, который выполнял функцию реликвария для чудотворной иконы эдесских мучеников (утрачена во время Второй мировой войны)², и написал два текста, известные под названиями «Благословение архиепископа Новгородского Иоанна к христианом святыха Софии» и «Указ о проскуръмисании святым трем исповедником: Гурию, Самону и Авиву».

Оба памятника сохранились в новгородско-софийском служебнике нач. XVI в. (далее — Соф.)³, по которому они были впервые опубликованы митр. Макарием (Булгаковым)⁴ и затем неоднократно перепечатывались. Постановление архиепископа Иоанна — разновидность «Божьего суда» для обличения вора, введенная, чтобы избежать крестоцеловальных клятв. Текст состоит из молитвы и записи действий, производящихся во время проскомидии. В измененном виде он также входит в состав Олонецкого сборника заговоров XVII в. (ОС)⁵, а молитва эдесским мученикам (без «Благословения...») известна еще в двух списках, происходящих с севера Руси (Арх. и Сол.)⁶. В них полностью утра-

* Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда (проект № 16-18-02095), предоставленному через Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

чена связь с проскомидией и четырехкрестной просфорой (по списку Арх. произносить молитву может даже сам потерпевший, не прибегая к помощи священника⁷), а также изменено назначение: текст из Сол. используется при поиске пропавшего человека, из Арх. — утраченного имущества.

Основным объектом нашего внимания будут завершающие слова молитвы, которые, как отметил А.И. Алмазов, восходят к греческому заговору на обличение вора (последняя фраза — цитата Пс. 34: 6): «Ἀβραάμ σε καταδιώκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει, Ἰακώβ σε ἀνατρέχει. γενηθήτω ἡ ὁδὸς αὐτοῦ σκότος καὶ ὀλίθημα»⁸. Это открытие в совокупности с некоторыми другими наблюдениями позволило исследователю прийти к выводу, что «если не в целом, то по крайней мере в значительной и собственно существенной части, устав архиепископа Иоанна есть сколок, переложение соответствующего греческого документа»⁹, хотя это утверждение нуждается в дополнительной аргументации. В первую очередь следует обратить внимание на то, что слово *непоть* ‘подозрение’, которое А.И. Алмазов причислял к грецизмам, представляет собой славянское образование с корнем **рѣт-*; ср. с *непыцати* ‘сомневаться’, *непыцевание* ‘подозрение’¹⁰. Однако греческое происхождение завершения молитвы можно считать бесспорным.

Во всех рукописях этот фрагмент читается по-разному: Соф.: Аврааме, и Аөөній [...] Исаче, свяжи и; Иакове, и пути ихъ загради и на все стороны темны сотвори, да будутъ пути ихъ ползки, ангель Господень погоняй ихъ¹¹.

ОС: (А)врааме и аөиніи¹² [...] Исаче, свяжы, Иякове, пу^т и^х загради, б^т пу^т их темен^н и по^зо^к, агль (Господе)нь погоняя и^х.

Арх.: Авраамъ свяжи. Исаакъ пожени. Иаковъ запни имь, и ангел Господень путь имь замыти. Буди путь ихъ тма и ползокъ¹³.

Сол.: Аврааме, свяжи, Исааче, пожени, Иакове, путь ему замети и путь ему сотвори темень, ангель, пожени¹⁴.

Списки расходятся не только в последовательности упоминания праотцев, но и в словах, к ним обращенных, причем перевод не всегда дословно следует источнику. Согласно Быт. 14: 14–16, вооружив 318 рабов, Авраам преследовал

неприятеля, чтобы освободить Лота — очевидно, что в греческом тексте по отношению к нему правильно употреблен глагол *καταδιώκει* ‘преследует’ (ср. с чтением Септуагинты *κατεδίωξεν* ‘преследовал’¹⁵), а в русской традиции — *пожени* от *погнати* ‘погнаться, отправиться вдогонку за кем-л.’¹⁶. При этом следует отметить, что и в Соф., и в ОС после имени Авраам находится энигматическая последовательность букв *и аөении* — судя по тому, что в публикации Макария (Булгакова) это слово напечатано с заглавной буквы¹⁷, он принял его за имя. Однако это не так — скорее всего, писец неправильно прочел *Аврааме пажени и*, спутав И и П, Ж и Θ, которые могут иметь похожие написания в полууставе. Что важно, здесь и далее формы презенса 3 л. ед. заменяются императивами.

Ниже в греческом заговоре про Исаака сказано, что он настигает (гр. *καταφθάνει*), однако что-либо похожее в древнерусских текстах отсутствует. Представляется, что к нему обращена просьба связать вора — по аналогии с жертвоприношением (Быт. 22: 9), во время которого Авраам связал Исаака и положил его на жертвенник для всесожжения. Далее можно обнаружить еще одно несоответствие между двумя традициями: гр. *ἀνατρέχει* ‘опережает’ заменяется просьбой воспрепятствовать вору *путь/пути их загради, запни им и путь ему замети и путь ему сотвори темень*. В обоих случаях следует предполагать параллель с историями о рождении Иакова, преградившего путь Исаву, и полученном при помощи обмана благословении умирающего Исаака, но славянские молитвы усваивают другое видение; ср. со словами Исав: *зая бо мя се уже вторицею* (Быт. 27: 36). Скорее всего, в архетипе должен читаться именно глагол *запнути* — так же, как в Арх. — в то время как *загради* и особенно *замяти* являются вторичными чтениями (касательно последнего слова можно предположить, что оно возникло в результате ошибки прочтения).

Таким образом, переводчик еще больше приближает текст к библейской истории, избавляясь от выстроенных в ряд по степени направленности к результату глаголов: пре-

следовать — настигать — опережать. Характерно, что лексическая мена коррелирует с трансформацией жанра: если греческий текст связан с магической практикой, то древнерусский можно причислить к неканоническим молитвам.

Окончание фрагмента также разнится во всех списках (отметим, что в древнерусском тексте, в отличие от греческого источника, цитата из Псалтири приведена полностью): очевидно вторичным выглядит воззвание к ангелу *пожени* и отсутствие стиха Пс. 34: 6 в Сол., а также его модификация в Арх. Наиболее близкое к псалму чтение обнаруживается в ОС, в то время как в Соф. упомянуто несколько путей (по-видимому, каждый из обличенных имеет свой), а один из эпитетов «потерян» (книжник мог пропустить его, так как выше, в призыве к *Иакову*, это слово употреблено в такой же форме). В целом, дошедшие до нас списки отражают формирование нескольких редакций молитвы, возникших в рукописной среде: так, Соф. и ОС восходят к одной ветви, которая содержит ошибку ПАЖЕНИ И => И АӨЕНИИ, а Сол. и Арх. принадлежат другой ветви, восходящей к протографу.

Примечания

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 402.

² *Антипов И.В.* Новгородский Владычный двор в XIV–XV вв. Новые данные и перспективы изучения // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. 15 (25). С. 51.

³ РНБ. Софийское собр. № 836. Л. 114–116. В Православной энциклопедии ошибочно указано Собрание Санкт-Петербургской духовной академии (СПБДА). *Печников М.В., Турилов А.А.* Иоанн (Стухин) // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 13. С. 454–461.

⁴ *Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 457.

⁵ НИОР БАН. 21.9.10. Л. 25.

⁶ К сожалению, пока эти рукописи остаются не отождествленными. Мы цитируем их по публикациям: *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859. С. 152; *Архангельские губернские ведомости.* 1904. № 23. С. 958.

⁷ *Архангельские губернские ведомости...* С. 958.

⁸ *Алмазов А.И.* Испытание освященным хлебом (Вид «Божьего суда» для обличения вора) // Зап. имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1904. Т. 98. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 9–10.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. Т. 11. С. 261.

¹¹ Русская историческая библиотека. М., 1908. Т. 6. С. 307–308.

¹² В публикации А.Л. Топоркова это место прочтено как последовательность букв *и адининити*, взамен которой предложена конъектура *и пожени* (без объяснения причины ошибки). Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М., 2010. С. 117. Необходимо отметить, что в рукописи отсутствует *-ти*, а вместо *Д* находится *Ө*, т. е. здесь следует читать *и аөини* — как в Соф. Цитата приводится по рукописи (НИОР БАН. 21.9.10. Л. 25) в упрощенной орфографии, поврежденные и реконструируемые буквы приводятся в круглых скобках.

¹³ Архангельские губернские ведомости. С. 958.

¹⁴ Щапов А.П. Русский раскол старообрядства... С. 152.

¹⁵ Септуагинта цитируется по электронному изданию: URL: <http://biblezoom.ru> (дата обращения: 08.04.2018).

¹⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Т. 15. С. 188.

¹⁷ Макарий (Булгаков). История... С. 457.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.2.4

И. А. Горбушина

Праславянская форма словацкого глагола *povrážat'*: *po-vorž-a-ti или *po-vь-raž-a-ti?

Предметом нашего анализа является этимология словацкого глагола *povrážat'* ‘постепенно или в разные места ударять, толкать’, а также ‘насиленно проникать куда’¹. Поскольку в словацком языке модель *trat* совпадает с результатом преобразования праславянской модели **tort*, восстановить праславянскую форму фонетически можно как **po-vorž-a-ti*, то есть произвести ее от *vrah* ‘убийца’ (< **vorgь*, ср. ст.-слав. *врагъ*, рус. *ворог*, *ворожить*), или же как **po-vь-raž-a-ti* (то есть произвести от корня **raz-/*rěz-* ‘разить, резать’ с продуктивным чередованием *z/ž* + два префикса).

При этом, если глагол *povrážat'* фонетически может быть произведен от словацкого *vrah* (< **vorgь*), то семантически он ближе к *razit'/ražat'* ‘толкать, метать, бросать: *jasio*’².

Чтобы ответить на вопрос, какая из восстановленных форм является верной, необходимо привлечь семантику этих корней в различных славянских языках.

В том же словацком языке существует глагол *vrazit'*/*vražat'* со следующими значениями:

1. 'вбивать, вталкивать'
2. 'ударять'
3. '(о чувствах, явлениях): вникать, проникать, вступать'
4. 'вредить, обижать, пренебрегать кем'
5. 'инвестировать'³.

Глагол, восходящий к праславянскому корню **vorž-* (<**vorg-*) в словацком языке звучит как *vraždit'* (ср. рус. *вражда* с тем же суффиксом) и означает 'убивать'.

В чешском языке также существуют глаголы *vraziti*, *vrážeti* 'налетать, наталкиваться, наткаться на кого-что; втыкать, всаживать что во что'. Глагол *vražditi* означает в т. ч. 'убивать'⁴ (по-чешски *vrah* 'убийца', как и по-словацки).

Особенно показателен для нас польский язык, поскольку если бы словацкий глагол *povrážat'* восходил к праславянскому **povoržati*, в польском это дало бы модель *trot: *powroziti*. Однако польские глаголы, семантически аналогичные словацкому, имеют нехарактерную для этого языка форму *trat* (*wrazić/wrażać* (*się*)) и означают то же, что и в словацком и чешском: 'вбивать, вонзать(ся), втыкать(ся)'; производные от них существительное *wrażenie* 'впечатление, ощущение, восприимчивость' и прилагательное *wrażliwy* 'чувствительный, впечатлительный'⁵ говорят в пользу того, что мы имеем дело с корнем *-ráž-*, а не *-vráž-* (< **vorg-*). Лексемы же, производные от корня **vorg-*, имеют значение 'колдовать': *wróżyć* 'гадать, ворожить; предвещать, предсказывать', *wróžba* 'ворожба, гадание; предзнаменование, знак'⁶ (ср. рус. *ворожить*, *ворожба*), то есть семантически не имеют общего с глаголом *povrážat'*.

В русском языке во многих лексемах с корнем **raz-/raž-* последовательно наблюдается семантический переход 'ударить' > 'произвести сильное впечатление': литер. *razumь* 'ударить' > *разительный* (довод) 'убедительный, сильный';

диал. *вразить* ‘угодить, попасть в какую-либо цель’ > *вразиться* 1. ‘показаться, померещиться’: *что-то вразилось ему*. 2. ‘угораздить’. 3. ‘увлечься чем-либо’: *до чего вразившись был в карты играть!* 4. ‘влюбиться’ (ср. разг. *врезаться* ‘влюбиться’). — И. Г.). 5. ‘прийти в голову’⁷; старое значение глагола *возразить* ‘ударить в ответ’ > современное ‘противоречить, прекословить’; *заражаю* (в старом значении): ‘впечатлеваю, вперяю, влагаю ложную мысль, порчу нравы’: *онъ ложнымъ своимъ учениемъ заразил многихъ*; *отражаю* ‘отвращаю, уклоняю удар, нападение’ > ‘отметаю, опровергаю чье мнение, намерение’: *отражать чьи доводы, доказательства*; *поражаю* — ударяю, даю удар, убиваю. *Поразить кого мечем*; (о неприятелях): *разбиваю, одерживаю победу* > *опечаливаю, причиняю сильную печаль, прискорбие*: *печальная сия весть его поразила*; *сражаю* ‘ударом сбиваю, сшибаю, сваливаю’: *сразить неприятеля с коня* > ‘погружаю кого в печаль, уныние, страх’: *он его сразил своей вестью*; *уражаю* ‘разбиваю, одерживаю верх’ > *уразительный* ‘убедительный’⁸ (ср. аналогичный семантический переход *победить* ‘одолеть в битве’ > *убедить* ‘склонить на свою сторону’).

Таким образом, сема, объединяющая все значения корня **raz-/*raž-*, — ‘нанесение удара’, в прямом или переносном смысле (ср. прасл. **razь* ‘удар’⁹). Производные же от корня **vorg-*, обладая широким кругом значений, могут быть объединены общей семой ‘чужой, неприятель’ (рус. ‘неприятель, противник’, рус., цслав. ‘дьявол’, чеш., словац. ‘убийца’, пол. ‘колдовство, ворожба’ (во вред кому-л.)).

При сопоставлении со значениями бесприставочно-го глагола *razit’/ražat’* логично сделать вывод, что глагол *povražat’* — не результат преобразования на словацкой почве праславянского **voržati*, а префиксальное образование от корня **raz-* с йотовой палатализацией *z/ž*.

Примечания

¹ Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1963. Т. III. С. 376.

² Historický slovník slovenského jazyka. Bratislava, 2005. Т. V. С. 29.

³ Там же. Т. VI. С. 441.

⁴ Česko-ruský slovník. Praha, 1958. С. 1027.

⁵ Mały słownik języka polskiego. Warszawa, 1968. С. 909–910.

⁶ Там же. С. 911.

⁷ Словарь русских народных говоров. Л., 1970–2011. Вып. 5. С. 185.

⁸ Словарь Академии Российской. СПб, 1789–1794. Т. 5. С. 51–61.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб, 1996. Т. 3. С. 432.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.2.5

В. Ю. Шатин

О сопоставительных парах губных фонем в костромских говорах XVII в. по данным памятников деловой письменности

Для начала рассмотрим реализации фонемы <в> в слабых позициях в костромских говорах XVII в. Материалом исследования послужила Костромская отказная книга 1619–1634 гг.¹

В исследованной рукописи обнаруживаем следующие отражения позиционного оглушения <в>: в конце слова — *семено^ф* ном. sg. 280; *тре^мяко^ф* ном. sg. 489 об.; также перед последующим глухим согласным — *фторо^у* ном. sg. 776 об.; *ф поле* 28 об. х2, 29 об. х2; *ф ня^мдеся^м* 30 об.; *яко^вле^фскова* gen. sg. 353 об.; и др.

Примеры эти, несомненно, свидетельствуют о том, что в слабой позиции в рассматриваемых говорах была представлена именно губно-зубная реализация рассматриваемой фонемы в звуке [ф].

Интересными представляются также и следующие написания: *вито^хтова* gen. sg. 299; *х поле* loc. sg. 804, 805; и др. Они показывают, что в говоре, отраженном в исследованных текстах, в слабой позиции перед глухими взрывными согласными была возможна мена губных и заднеязычных, известная в великорусских говорах, что, опять же, свидетельствует

именно о шумном, а не сонорном характере реализаций рассматриваемой фонемы.

Впрочем, ряд примеров отражает и типичное для некоторых современных говоров на данной территории изменение начального кластера [вн] → [мн]: *мну^х* 832; *со мнука^м* 790 об.; *со мнуко^м* 789 об.; *со мнучаты* 829; и др.

Нас интересует также следующий вопрос: можно ли считать, что в рассматриваемых говорах, отраженных в исследованных текстах, к XVII в. уже успела сложиться характерная для говоров центра система сопоставительных пар губных фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>.

Обратимся теперь к примерам, позволяющим судить о наличии в рассматриваемых говорах самостоятельной фонемы <ф>. Что касается заимствований, то в исследованных текстах, несомненно, правильно и регулярно употребляется буква **ф**: *афона^се^с* ном. sg. 929; *ма^рфы* gen. sg. 661; *остафеи* ном. sg. п.р. 936; *стефанидою* instr. sg. 610 об. х3, 611; *феодуло^с* ном. sg. 886; *хриса^нфь* ном. sg. 48; и др.

Этимологически правильное употребление **ф** вне сферы антропонимики нам не встретилось, что, однако, не удивительно, так как имена в отказных книгах, представляя своих владельцев, занимают место более важное, чем вещи.

Были обнаружены также и следующие замены.

Прямые замены **ф** на **х**: *ону^реи* ном. sg. 448.; *стах^бико* ном. sg. 662 об.; и др.

Обратные замены замены **х** на **ф**: *амфилофеи²* ном. sg. 49 об.; *евтиф^бико* ном. sg. 871 об.; *малафе^н* ном. sg. 699 об.; и др.

Есть также и определенное число нестандартных замен.

Замена **ф** на **кф**: *по^н кфедорь* ном. sg. 407 об.

Замены **ф** на **в**: *вила^мко^н* instr. sg. 412.; *с ви^нкою* так в ркл. «Филькою» 823 об.

Замены **ф** на **вф**: *тимо^сфе^н* ном. sg. 850 об.

Сюда же отнесем и замены в еще одном антропониме, который, по всей видимости, лексикализовался в своем новом фонетическом варианте: *ма^мве^н* 850; *ма^мв^бе^сское^с* gen. sg. 866 об.; *матв^бе^н* instr. sg. 878; и др.

Многие из приведенных написаний чрезвычайно специфичны, и предполагать за ними прямое отражение произношения (особенно в случае замены **ф** на **кф**) тяжело. Писец, вероятно, мог либо ошибочно воспринять на слух формы автономинации, либо же стремился изменить или даже отбросить первый элемент неудобного консонантного кластера [хв].

Отражены в исследованных текстах также и замены **ф** на **п**, совершенно традиционные и лексикализованные: *агати^m nom. sg. 173 об.*; *еситкомъ instr. sg. 663 об.*; и др.

По данным коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)»³ для современных костромских говоров характерно наличие сопоставительных пар фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'> (свойственно именно говорам центра), а отдельные ареалы с высоко сонорными реализациями <в> находятся ближе к вологодским говорам. Изменение [вн] → [мн] признается лексически неограниченным преимущественно на территории акающего острова⁴.

Что касается фонем <ф> и <ф'>, по данным Диалектологического атласа русского языка⁵ в современных говорах к северо-востоку от Костромы практически не знают исключений парные реализации [ф] и [ф']. Западнее Чухломы и восточнее Солигалича можно наблюдать два небольших ареала, где на их месте в единичных случаях представлены [хв] и/или [х] — [хв'] и/или [х']. Между Галичем и Костромой в одном населенном пункте наблюдаются в ограниченном круге лексики реализации в [п]. Юго-восточнее Кологрива, по Унже, крайне небольшим ареалом представлены замены [хв] → [ф].

Мы можем заключить, что в говорах, отраженных в исследованной отказной книге, регулярной, по всей видимости, была реализация <в> как [в] перед звонкими согласными и как [ф] перед глухими (где перед [т] и [п] была возможна также и реализация в [х]).

И, таким образом, в XVII в. мы видим уже по большому счету оформившуюся систему, свойственную говорам центра:

наличие сопоставительных пар фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'> (впрочем, при возможном наличии окказиональных реализаций <ф> посредством [x] и [xв]). Обнаруженные замены могут свидетельствовать как о пестрой диалектной картине (представленной на рассматриваемой территории и по сей день), так и о неустойчивости еще не до конца сложившейся оппозиции.

Изменение [вн] → [мн], как оказалось, было представлено в костромских говорах уже в начале XVII в.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. № 11086. Исследованы лл. 1–948 об.

² Здесь могла повлиять и первая буква **ф** в данной лексеме, которая употреблена абсолютно верно.

³ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии) / отв. ред. Орлова В.Г. М., 1970.

⁴ Там же: 302–304.

⁵ Диалектологический атлас русского языка. Т. 1, Фонетика. М., 1986. С. 54.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.3.1

Э. Саданович

Культурное и языковое разнообразие восточнославянских меньшинств в Подляшье (Польша)

Подляшье — исторический регион, расположенный на северо-востоке Польши, который уже много лет вызывает интерес исследователей своим культурным, языковым и религиозным разнообразием. Подляшье, и прежде всего столица региона — Белосток, в последние годы активно рекламируется как мультикультурное пространство, так как испокон веков здесь вместе живут (или жили) поляки, белорусы, украинцы, литовцы, русские, евреи и татары.

Существуют разные версии этимологии названия Подляшье. Некоторые исследователи предполагают, что оно происходит от словосочетания «под лесом» (пол. «pod lasem»). Согласно другой версии, название Подляшье выводится из словосочетания «под ляхами» (пол. «pod Lachami»). Сторонники второй версии утверждают, что происхождение слова «Podlasie» от слова «лес» грамматически невозможно в польском языке, так как «все производные в польском языке от слова „las” (лес), изменяют „a” на „e”: „leśny”, „leśnik”, „Zalesie”, „Polesie”»¹. Зато словосочетание «под ляхами» обусловлено географическим расположением региона на стыке восточных и западных славян (именуемых ляхами), а также местными названиями: «Podlasze», «Падляшша», «Підляшшя» и литовским переводом — «Palenkė».

Подляшье с самого начала формирования славянских государств находилось на пересечении разных народов,

языков и культур. Историческое заселение на территории от Августовского канала на севере до реки Буг на юге было этнически неоднородно и шло с разных направлений: с запада Мазовшане, с востока — русское население из-под Гродно и Волковыска, а также ятвяжское население. С юго-востока шло волыньское население из района реки Буг и из Бреста.

Таким образом, на протяжении веков здесь формировалось мультиэтническое и многоязычное общество с разными культурами и вероисповеданиями. Православные, называющие себя белорусами, украинцами или «местными», а иногда «православными поляками», — это автохтонное восточнославянское население Подляшья, которое формировалось еще с раннего средневековья. В современном Подляшье это религиозное меньшинство проживает прежде всего в районе города Белосток и в нескольких ближайших повятах (Хайновском, Бельском и Семятыцком).

Православное вероисповедание объединяет белорусов и украинцев Подляшья, хотя между ними немало разногласий. Уже много лет ведутся споры и дискуссии по поводу языка, происхождения и «настоящей» идентичности подляшук. Еще в 1897 г., согласно Переписи населения Российской империи, в Белостокской области проживало около 60 тыс. русинов и лишь 5 909 белорусов. Их количество менялось с годами в связи с политическими обстоятельствами. У белорусов во время Первой мировой войны возникли надежды на создание собственного государства, в состав которого планировалось включить Бельский повят. После установления Польской Республики в 1918 г. поляки опасались активного и очень многочисленного украинского меньшинства, в то же время пренебрегая этносом белорусским. Причисление всех православных жителей Подляшья к белорусам удовлетворило польские власти и не вызвало возражений среди подляшук. Главной причиной было слабое чувство национальной идентичности: большинство подляшук определяли себя как православные, «местные» или русские.

В настоящее время белорусское меньшинство на Подляшье насчитывает в несколько раз больше представителей,

чем меньшинство украинское. Существует множество белорусских организаций и обществ, издающих ряд газет, среди которых самыми популярными являются еженедельник «Ніва» и ежемесячник «Часопіс». Есть два лица, в которых преподают белорусский язык как родной, у белорусов есть также свои представители в местных и государственных органах власти.

Крупнейшая организация, объединяющая украинцев на Подляшье, — Союз украинцев Подляшья. Союз выпускает двухмесячник «Над Бугом і Нарвою», а также организует разнообразные мероприятия, такие как ежегодный фестиваль под открытым небом «На Івана на Купала» или концерты украинских песен.

Белосусов и украинцев Подляшья объединяет православная религия и уже немногочисленные народные обычаи, тесно переплетающиеся с церковными праздниками. Совершенно уникальным феноменом традиционной культуры в Польше являются «бабки-шептухи», которые в настоящее время остались только в трех подляшских повятах — Бельском, Хайновском и Семятыцком.

Главной проблемой и причиной споров между белорусами и украинцами Подляшья является язык. Восточнославянские диалекты Подляшья неоднородны и развивались уже со средневековья в связи с миграционными процессами. Существуют диаметрально противоположные взгляды на то, где начинаются диалекты белорусские и заканчиваются украинские. Многие исследователи выделяют также полосу переходных говоров в районе бельского и хайновского повятов.

Восточнославянскими диалектами свободно владеют сейчас лишь люди старшего поколения, молодые знают их пассивно и не пользуются ими в повседневной жизни.

Это прежде всего язык деревни, которым долгие годы пренебрегали и стеснялись на нем говорить, считая непрестижным. Молодое поколение стало увлекаться диалектами и говорами совсем недавно, а их популяризацией занимаются многие общественные деятели.

Местные фольклорные ансамбли исполняют песни, большой популярностью пользуются театральные спектакли на диалекте, издаются научные публикации, словари и детские книги. К сожалению, процесс сохранения диалектов происходит параллельно с их исчезанием, так как они в настоящее время не передаются из поколения в поколение. Сложно предсказать, как будет выглядеть подляшский язык и культура в следующих десятилетиях, так как население подляшских деревень с каждым годом уменьшается. Можно только надеяться, что интерес подляшукков к своему наследию будет возрастать и что еще не поздно сохранить эту уникальную культуру.

Примечания

¹ Крыжановский Е.М. Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). СПб., 1911. С. 64.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.3.2

Е. Шляхтенко

Сопоставительный анализ социолекта компьютерщиков России и русских Литвы

Компьютерный социолект (далее — КСЛ) является «социально детерминированной подсистемой общенационального языка»¹, существующей в большинстве национальных языков. В современном мире наблюдается стирание границ между общей лексикой социума и компьютерной лексикой (далее — КЛ), расширение границ употребления КСЛ и перетекание его в обще-лексический состав языка, что обуславливается распространением новых технологий, общедоступностью данного социолекта и вовлеченностью людей разного возраста и разных профессий, профессионально несвязанных с информационными технологиями (далее — ИТ).

В данной работе была затронута и поднята проблема словообразования, которое трактуется здесь не только как умение образовывать слова, но и как показатель практического использования заявленного метода.

Исследование было проведено на сопоставлении материала Е.Б. Русаковой, представленного в работе «Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование» (2007 г.)² и материала, собранного автором тезисов на территории Литвы. Сбор материала осуществлялся методом наблюдения и фиксации живого употребления компьютерной лексики в непосредственном общении в городах Вильнюс и Висагинас. Анализировался и сопоставлялся КСЛ компьютерщиков России и русских Литвы, в особенности слова, образованные от иноязычного корня при помощи русских аффиксов.

Большая часть единиц, отобранных Е.Б. Русаковой в КСЛ компьютерщиков на территории России, представляет собой существительные. Исходя из этого, можно говорить о значительном количестве новообразований, созданных российскими специалистами в области ИТ в пределах данной части речи.

Напротив, если проанализировать речь русских компьютерщиков Литвы, можно говорить о большом количестве словообразований в пределах глагола как части речи (88 %), поскольку компьютерщикам Литвы чаще и легче удается образовать неологизмы в пределах данной части речи, нежели в пределах существительных, предположительно это связано как с территорией проживания, так и с неизбежным влиянием местного литовского языка на родной русский язык, что, в свою очередь, приводит к тому, что русским Литвы становится сложнее образовывать русские слова, правильно используя правила русской аффиксации, несмотря на легкость словотворчества в речи компьютерщиков России. Таким образом, словотворчество проявляется по большей части при образовании глаголов, вероятно, по причине различия части речи, так как в языке оригинала, представляющего собой по большей части английский язык, возможно со-

впадение данного слова как существительного и его же как глагола, а также потому, что глаголы легче образовывать, чем существительные, зная часто употребляемые суффиксы инфинитива.

Чаще всего русские Литвы калькируют компьютерные термины, являющиеся существительными, из языка оригинала, не образуя из них новых слов путем, скажем, интерфиксов, аффиксов, соединений, скрещений, даже не используя аббревиатурный способ скрещивания и соединения различных слов. Скорее всего, так происходит вследствие незнания/неуверенности в правильном использовании перечисленных способов словотворчества в пределах существительных КЛ или же из-за отсутствия потребности в этом, поскольку наравне с русскими в данной сфере работают литовцы, которым кальки из языка оригинала кажутся более понятными и легкоусвояемыми. При этом в КСЛ россиян явно заметны свободные словообразования, представляющие собой слова-существительные, состоящие из двух различных корней или же включающие только один корень, и образованные при помощи суффиксов со значениями: лица по роду деятельности (-щик), лица, которое является представителем какой-либо нации, гражданином какого-либо государства, жителем или уроженцем какой-либо страны (-ин), лица, являющегося пользователем международной любительской компьютерной сети (-шник), относящегося к называемому в корне слова предмету (-як), названия игрока (-ер), объекта, выполняющего действие названное в корне слова (-ор). Подобными словами богат КСЛ россиян, что значительно отличается от КСЛ русских Литвы, в речи которых не наблюдается подобных словообразований. Однако если рассматривать глагольную КЛ в речи русских Литвы, то можно заметить определенную закономерность. Выделяется большое количество слов образованных при помощи многозначного суффикса *-и* (68 %), например, *пингить*, *смапить* данная ситуация может объясняться нередким сопоставлением русскими Литвы русского и литовского языков (ср. лит. *daryti* [дарити], *skaityti* [скэйтити] и прочие),

так как в литовском языке очень развито образование литовских слов с этим суффиксом и составляет большую часть образований внутри глагола как части речи. Но кроме этого, русские Литвы свободно образуют слова с суффиксами: *-ива*, *-ну*, *-а*, *-л* (в прошедшем времени). Второй компонент, который русские Литвы используют для образования глаголов — префиксы. Можно заметить, что глаголы образуются от разных приставок, однако преобладает все же многозначная приставка *за-* (46 %). Но кроме нее используются также: *с-* (18 %), *по-* (12 %), *при-* (12 %), *под-* (6 %), *об-* (6 %). Знаменательно, что русские Литвы используют не более одной приставки в словообразовании, тогда как россияне свободно могут образовать слово с двумя приставками, например: *испохабить*. Также наблюдается много слов в КСЛ русских компьютерщиков Литвы без префиксального образования.

В отличие от КСЛ русских Литвы в КСЛ россиян обнаружено меньшее количество образованных от иностранного корня слов, это объясняется тем, что в речи российских компьютерщиков преобладают по большей части придуманные, созданные от русского корня слова или на основе ассоциации, или на антономасии. Также подмечено использование вместо возможных заимствованных слов сочиненные, образованные при помощи русского корня (или двух корней) и русского суффикса слова. Замечено образование слов от аббревиатур, как пример: «сказяк», которое образовано от аббревиатуры SCSI (скази) при помощи суффикса *-як* со значением лица, характеризующегося отношением к предмету, с которым связана его профессия. Также в КСЛ используются омонимы (ср. *кликать* (нажимать на клавиши мыши) от *click* и *кликать* в русском языке (= звать)). Если же рассматривать кальки, образованные и придуманные, сочиненные слова в КСЛ россиян, то можно выделить преднамеренное использование градации (см. юзер — юзверь, юзверг, юзверята; геймер, фрагмастер; жестянщик, игродел, хытымьльщик и прочие), чего не наблюдается в КСЛ русских Литвы. Также обнаруживается графическое подражание иностранным словам (ср. *гога*, *егог* и англ. *error*) и образование слова

другой части речи в соответствии с переводом слова, имеющегося в другом языке по идентичному принципу образования других русских слов (ср. *download* (качать; компьютерная «скачивающая» программа и *качалка* (от качать)).

Русские компьютерщики Литвы образуют в основном глаголы, а существительные обычно или калькируют полностью из языка оригинала, или же склоняют калькированный вариант по правилам склонения русских существительных, например: *с пачами, флудеров*.

Подводя итоги, можно констатировать, что у россиян образования более высокого уровня, они используют более творческий, остроумный подход к словообразованию, чем русские Литвы, на язык которых влияют многие территориальные и общественные факторы, что не позволяет им легко и свободно продуцировать новые слова как от русских корней, так и от иностранных, используя разные языковые средства.

В ходе проведенного исследования при сравнении КСЛ русских Литвы и российских компьютерщиков были сделаны следующие выводы:

- 1) русские Литвы и россияне используют разные модели и принципы образования слов в КСЛ;
- 2) русские Литвы используют более простые методы словотворчества по сравнению с русскими в России;
- 3) территориальные и социальные факторы влияют на словообразовательные компетенции русских Литвы.

Примечания

¹ Русакова Е.Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование. Калининград, 2007. С. 4.

² Там же.

К типологии нефутуральных значений предбудущего в славянских языках*

Темпоральная парадигма славянского перфекта, сформировавшаяся в праславянском языке на основе форм вспомогательного *byti* и *l*-причастия (РТСР), включала в себя перфект, плюсквамперфект и предбудущее *bqđq* + *l*-РТСР (конструкция, объединяющая показатели референции к будущему и предшествования). Семантика славянского перфекта и плюсквамперфекта достаточно хорошо изучена. Славянское предбудущее как довольно редкая конструкция всегда вызывала существенно меньшее внимание исследователей¹, а ее значение обычно считалось чисто композиционным.

Как известно, перфект в истории славянских языков эволюционирует в соответствии с двумя «сценариями»²: проходя через стадию «расширенного перфекта», превращается в простой претерит (например, в восточнославянских языках) или специализируется на выражении эвиденциальных значений (в болгарском и македонском). По мере эволюции презентного перфекта семантическое противопоставление между ним и плюсквамперфектом «все более усложняется и идиоматизируется, приводя... к их включению в разные семантические зоны»³ (плюсквамперфект развивает значения из семантической зоны «сверхпрошлого» и ирреалиса⁴).

Аналогичное семантическое расхождение можно наблюдать и между перфектом и предбудущим (футуральным перфектом). Настоящая работа посвящена данной проблематике — типологии нефутуральных значений предбудущего (употреблений с референцией к прошлому) в славянских

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ), проект № 17-34-01061 «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

языках. Иллюстрацией того, что понимается под нефутуральными употреблениями, может служить пример из Супрасльской рукописи:

(1) старосл. Еда бждеть съльгаль приходивьи, почто ми гнѣвити азыкь старцу?⁵

Спектр нефутуральных употреблений предбудущего довольно широк: презумптивные, конклюдивные, дубитативные и близкие к ним адмиративные употребления, кроме того, передача внутреннего опыта говорящего, а также аппрехенсивные употребления. Будем называть их модально-эвиденциальными стратегиями, вслед за А. Айхенвальд⁶, предложившей подобный термин для языковых средств, чьей первичной функцией не является указание на то или иное эвиденциальное значение.

Праславянская перифраза *bqdq + l-PTCP* имела различную судьбу в истории славянских языков⁷. Грамматикализованное предбудущее сохранилось только в глагольных системах южнославянских языков (македонский в работе не рассматривается), при этом структура, восходящая к праславянской перифразе *bqdq + l-PTCP*, представлена только в сербохорватском, тогда как болгарский и македонский используют новые конструкции *ще съм + л-PTCP*⁸/*ке имам + н-PTCP*. В современных сербохорватских говорах (по крайней мере в средне- и южночакавских и части штокавских) также употребительна конструкция *бићу + l-PTCP* — форма предбудущего с другим вспомогательным глаголом.

Ввиду ограничений объема мы будем приводить примеры в основном из современного болгарского и сербохорватского. Отсутствие специального комментария означает фиксацию подобных употреблений также в древнерусских и средневековых болгарских источниках.

1.1. Для славянского предбудущего наиболее типичны **презумптивные** (1–2) и **конклюдивные** (3–4) стратегии (в сербохорватском — только для перифразы *бићу + l-PTCP*). Среди славянских языков с древней письменностью, имеющих перифразу предбудущего, такие употребления отсутствуют в древнечешском, средневековых сербских и хорват-

ских памятниках. Возможно, такое распределение явилось следствием позднепраславянских диалектных различий⁹, ср.:

(2) болг. *Казахме, че никой не ни е казвал това, но че някак инстинктивно сме се досетили, че тъкмо той **ще** е свършил тая работа*¹⁰;

(3) болг. *И — гробове, гробове. Тук **ще** са се били турци, защото на повечето гробове... беше забита тояга*¹¹;

(4) чакав. ***Vičete se umorili***¹²

1.2. В презумптивном или конклюдивном значении сербохорватский *футур други* не употребляется, однако в вопросительных предложениях с *да* может сочетать выражение догадки с выражением опасения¹³:

(5) сербохорв. *Да не **будеш** то забравио код куће*¹⁴

Подобные **аппрехенсивные** употребления предбудущего в литературном сербохорватском (и единичные примеры в болгарских памятниках XVII в.) мы предлагаем считать особой интерпретацией презумптивных, поскольку именно значение эпистемической модальности (оценка ситуации как вероятной, возможной) типологически признается одним из семантических источников **аппрехенсива**¹⁵.

2. Предбудущим могут обозначаться ситуации **прямого личного доступа**, но, по-видимому, только те, которые сообщают о внутреннем ментальном или физическом опыте говорящего (чувства, ощущения, физическое состояние, когнитивные процессы) — т. е. о том, что принципиально не может быть наблюдаемым. Для болгарского предбудущего такие контексты нехарактерны, в отличие от сербохорватского с неизменяемым *biče*, ср.:

(6) чакав. ***Viče do ure po ponoč san sedila***¹⁶.

3. Напротив, предбудущее в болгарском, в отличие от сербохорватского, встречается в **дубитативных** контекстах. Такая интерпретация возникает обычно при некоторых дополнительных контекстных условиях: при ироничном пере-сказывании чужих слов для дистанцирования от чужого мнения, которое говорящий не разделяет. Дубитативные значения могут выражаться кумулятивно с **адмиративными**

(последние в чистом виде у славянского предбудущего практически не представлены):

(7) болг. „*Окраде Русия*“ – *казват. Как така ще е окрал Русия? От хазната ли взема пари?*¹⁷

Выводы

При всем разнообразии перечисленных стратегий (адмиратив и аппрехенсив не принадлежат семантической зоне эвиденциальности), у них есть общие семантические основания: предбудущее в них используется для выражения *эпистемической дистанции* (термин, употребляемый В.А. Плуныным, а также Г. Лантом и М.М. Макарецевым — по отношению к балканским эвиденциалам¹⁸). Дистанция при презумптивных и конклюдивных употреблении основана на неточном знании говорящего (отсутствии прямого доступа), при передаче внутреннего опыта — на ненаблюдаемости явления, при дубитативных употреблении — на дистанцировании от чужого мнения, при адмиративных — на противоречии картине мира говорящего, при аппрехенсивных — на нежелательности ситуации для говорящего. Предбудущее в нефутуральных употреблении в болгарском семантически и структурно вписывается в систему эвиденциалов, имеющих в составе л-форму.

Примечания

¹ См. обзор библиографии: *Пенькова Я.А.* К вопросу о семантике т.н. будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // *Русский язык в научном освещении* 2014. № 1 (27). С. 150–184; *Пенькова Я.А.* К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // *Die Welt der Slaven*, 2017. № 2 (62). С. 247–275.

² *Плунын В.А.* К типологии перфекта в языках мира // *Труды Института лингвистических исследований РАН — Acta Linguistica Petropolitana* 2016. Т. 12. № 2. С. 7–36.

³ Там же.

⁴ *Сичинава Д.В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

⁵ *Заимов Й., Капалдо М.* Супраслъски или ретков сборник. София, 1982. Т. I–II. С. 239.

⁶ *Aikhenvald A.* Evidentiality. Oxford, 2004.

⁷ Подробнее о грамматикализации предбудущего в славянских языках см.: *Пенькова Я.А.* От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // *Вопросы языкознания*. 2018. № 2. С. 53–70.

⁸ С типологической точки зрения в болгарском логично выделять не две омонимичные формы *ще съм + л-РТСР*: выражающую таксисные значения (будущее предварительное), с одной стороны, и значения эпистемической модальности (тпрезупптив), с другой, а одну семантически многозначную, так как тот же семантический спектр у предбудущего встречается во многих других европейских языках, в том числе и в албанском.

⁹ См. также: *Andersen H. Periphrastic futures in Slavic: Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation. Eksell K., Vinther T. (eds.). Bern, 2006. С. 9–45.*

¹⁰ Asen Hristoforov Dzherom K. Dzherom Trima dushi v edna lodka (bez da stava дума за kucheto). Национальный корпус болгарского языка: URL: <http://search.dcl.bas.bg/> (дата обращения: 08.04.2018).

¹¹ (Й. Йовков) *Деянова М. Към характеристиката на новобългарското бъдеще предварително време // Пашов П., Ницолова Р. Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.*

¹² Пример сообщен Миславом Беничем.

¹³ *Коваћевих М. Употреба футура II у простој реченици // Српски језик — студије српске и словенске. 2009. № 14. 1–2. С. 65–75.*

¹⁴ *Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986. С. 683.*

¹⁵ *Добрушина Н.Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.*

¹⁶ Пример сообщен М. Беничем.

¹⁷ (Александр Литвиненко. Лубянская престъпна групировка (Здравка Петрова, 2003)) Национальный корпус русского языка: URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.04.2018).

¹⁸ *Макарцев М.М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2013.*

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.3.4

Е. О. Борисова

О семантической структуре гнезда рус. *строгий* (русские диалектные значения на славянском фоне)*

На территории Архангельской области фиксируется прилагательное *строгий* ‘быстрый, стремительный (о ручье)’ — *Весенний ручей строгий был, с шумом, бурный*. Необычность

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

денотативной сферы, к которой относится носитель признака, побудила нас обратиться к семантике прилагательного *строгий*. Это слово известно большинству славянских языков (укр. *строгий*, белорус. *строгі*, болг. *строг*, сербск. *стро̑г*, словен. *strôg*, чеш. *strohy*, польск. *strogi*) и не имеет однозначного этимологического объяснения.

В развитии семантики прилагательного *строгий* и производных от него слов просматривается несколько направлений. Первое из них включает значения, описывающие **личностные характеристики человека**. Так, в большинстве славянских языков слова из гнезда **sorg-* называют жесткого, сурового или жестокого человека: рус. литер. *строгий* 'очень требовательный, взыскательный' — *Строгий учитель*, рус. сев.-двин., том. *строгий* 'серьезный' — *Строгой, в руках все держал*, рус. арх., среднеобск. *строгий* 'злой, имеющий привычку драться, бить, жестокий (о человеке)' — *Он был строгий такой, поколачивал ее*; укр. *строгий* 'свирепый, жестокий', *строг* 'жестоко, свирепо'; польск. литер. *strogi* 'жестокий, суровый, страшный', кашуб. *srogi* 'то же' и мн. др.

Названные признаки («жесткий», «жестокий», «требовательный») могут метонимически переноситься на неодушевленные объекты — *строгий тон* («выражающий требовательность»), *строгий закон* («не допускающий послаблений») и, наконец, *строгое время* («очень тяжелое, невыносимое, полное испытаний, трудностей»). Лексемы, семантика которых включает признаки требовательности, невозможности послаблений (ср. дефиниции 'не допускающий никаких снисхождений, послаблений', 'позбавлений мягкости, поблажливости' и проч.), имеют тенденцию к **терминологизации** и используются как в разговорной речи для обозначения наказаний, так и в сфере права: рус. *строгий выговор* 'самая высокая мера наказания в системе взысканий в учреждениях, организациях и т. п.', *строгий арест* 'мера наказания военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава, при которой арестованные содержатся в одиночных камерах', рус. том. *строгий* 'не допускающий никаких снисхождений; суровый' — *Ему присудили десять лет строгого, а*

чѣ он, платить станет?»; рус. *строгость* *дать* арх. 'прочитать наставление', омск. 'наказать за непослушание' и др.

В отличие от западнославянских языков, рус., укр. литер. слово *строгий* лишено негативных коннотаций, в его значении доминирует признак соответствия норме, требованиям: рус. литер. *строгий* 'не допускающий никаких отклонений', 'точный', 'не допускающий отступлений от принятых норм поведения, морали', укр. *строгий* 'то же'.

В русских народных говорах наблюдается отчетливая тенденция к сужению и **конкретизации значений**.

Применительно к человеку *строгий* выражает семантику осторожности: рус. новг. *строгий* 'осторожный', рус. смол. *строга* 'тщательно, осторожно' — *Я строга пайду, ни пьтанчу; Мы чиста, строга живём; Я строга их пьнису, ни пабьюца*. Появление такой семантики может объясняться, с одной стороны, актуализацией признака осторожности в связи с мотивом соответствия норме (вероятно как стремления избежать ошибок) или аттракцией непосредственно к лексеме *осторожный*; с другой стороны, рефлексом более древнего значения, если принимать версию о связи *строга* с **stregt'i* (ср. белорус. *строгий* 'чуткий' — *Хлопец строгое вухо маець; ци гукнуць, зараць прочнецца*).

Идея порядка, отсутствия отклонений от нормы реализуется по отношению к имуществу и понимается как бережливость, а далее как скупость и жадность: рус. перм. *строгий* 'бережливый, скупой', рус. новг. *строгий* 'жадный' — *Вот какая строгая баба: не дала и хлеба* (ср. также белорус. *строгий* 'осторожный, бережливый' — *Ёнь не скуп да строгъ; лишней копейки не передасць*). *Строгим* может, наконец, называться расторопный, работающий человек («делающий правильно → быстрый, работающий»): рус. пенз. *строгий* 'работающий, дельный', пск., твер. *строгий* 'расторопный, бойкий', 'понятливый', морд. *строгий* 'быстрый, ловкий'.

Строгий используется для обозначения животных, имеющих определенные повадки. Как и в случае с «человеческими» значениями, возможны два варианта «строгости». Первый связан с поведением непослушного, своенравного

или агрессивного животного: рус. моск., яросл., дон., р. Урал, иркут. *строгий* 'норовистый (о лошади, корове, овце)' — *Есть строгие коровы, бодацкие; Строгая какая курица, всех клюет и петуха*; р. Урал *строгий* 'способный поранить острыми плавниками (о рыбе)' — *Сома мало ловят, когда станет тепло, потому, что он очень строгий и рвет снасть*; яросл. *строгий* 'о корове, подчиняющейся при дойке только хозяйке' и мн. др. Во втором случае речь идет о поведении чуткого, осторожного зверя: рус. литер. *строгий* 'в речи охотников — чуткий, бдительный, осторожный (о животных)', без м. *строгая собака* 'чуткая, бдительная'.

Эпитет *строгий* применяется по отношению к «инструменту» управления поведением: рус. без м. *строгий мундштук* 'приспособление в конской упряжи, заставляющее лошадь повиноваться, причиняя ей сильную боль', рус. обл. *строгий ответ* 'прием направления лошади удилами (во время беговых состязаний)'. Вследствие специализации значения появляется дополнительный смысловой компонент остроты: рус. без м. *строгий* 'требующий осторожного обращения, имеющий острые режущие края (о ноже и т. п.)' — *Этот ножик строгий, как раз руку обрежешь* (ср. польск. слён. *srogі* 'острый').

Строгость, суровость может также интерпретироваться как отсутствие излишеств (рус. литер. *строгий* 'правильный, отвечающий требованиям классического стиля', укр. *строгий* 'то же', рус. литер. *строгий* 'сочетающий в себе простоту и благородство линий, форм, очертаний и т. п.'), в отдельных случаях — как низкая степень проявления признака (карел. *строгий* 'темный по цвету').

Примечательно, что сочетаемость *строгий ручей* остается единичной — иных фактов с близкой денотативной группой объекта обнаружено не было. Можно сделать предположение, что в данном случае реализуется признак бойкости, «задорности».

В западнославянских языках развитие значения происходит скорее в направлении его **расширения**. Высокая экспрессивность прилагательного *srogі* (польск., кашуб.) опре-

деляет нивелирование негативных коннотаций и появление семантики высокой степени проявления признака (ср. польск. *srogi* ‘характеризующийся высоким уровнем проявления’, кашуб. *srogo* ‘bardzo, nadzwyczaj’ и др.), большого размера (польск. диал. *srogi* ‘большой’ — *Omian* (*Inula helenium*) *ma kwiat żółty, srogi, jak kieby pokrywecka*; польск. слён. *srogi* ‘то же’, польск. подгор. *srogi* ‘то же’ — *Srogi chłodok*; кашуб. *srogi* ‘то же’) и, наконец, высокого качества (кашуб. *srogo* ‘хорошо’, кашуб. *srogi* ‘успешный, урожайный’ — *Latosi rok je srogi na roscene*).

Отметим, что подобное развитие значений встречается, хотя и значительно реже, также в восточнославянских языках: рус. омск. *стро́го* ‘с усердием, хорошо (делать что-л.)’; новг. *стро́го хотеть чего-л.* ‘очень, сильно (хотеть чего-л.)’ — *Какой-то мужчина выпить строго хочет, а магазин закрыт*; укр. *стро́го* ‘очень’.

Нами были выделены основные направления семантического развития прилагательного *строгий* и ряда его дериватов в славянских языках. Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в литературных вариантах восточнославянских языков закрепляются нейтральные с точки зрения стилистической окраски значения, выражающие семантику жесткости, требования соответствовать норме; наблюдается тенденция к терминологизации лексики. В говорах лексема *строгий* и ее производные характеризуются разнообразием контекстных партнеров и большими, по сравнению с литературным языком, возможностями специализации значения. В западнославянских языках соответствующие лексемы обладают высокой экспрессивностью, при этом нередко происходит нивелирование отрицательных коннотаций.

ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.4.1

М. Л. Кулешова

Сопоставительный анализ лексем с пространственной семантикой в словенском языке: *mesto*, *kraj*, *prostor*

Настоящая работа посвящена семантическим различиям единиц, представляющих собой ядро лексико-семантического поля пространства в современном словенском языке. Полевой подход в языкознании, в частности в области лексической семантики, имеет давнюю традицию (см. работы А.А. Уфимцевой¹, Г.С. Щура², Ю.Н. Караулова³ и многих других). В центре внимания данного исследования находятся лексемы *mesto*, *kraj* и *prostor*, аналоги которых, имеющие праславянское происхождение, за редким исключением присутствуют во всех современных славянских языках⁴. В качестве материала, наряду с лексикографическими источниками⁵, были использованы данные национальных корпусов словенского языка (*Gigafida*⁶, *Kres*⁷) и сети Интернет.

Лексемы *mesto*, *kraj* и *prostor* не только представляют собой часть лексико-семантического поля пространства, но и сами характеризуются наличием полевой структуры, в рамках которой отдельные лексико-семантические варианты (далее — ЛСВ) относятся к ядру, а остальные расположены в зоне ближней или дальней периферии. Мы составили таблицу ЛСВ данных лексем, перечислив их в следующей последовательности: вначале упомянуты ЛСВ, входящие в ядро семантики той или иной лексемы, затем партитивные значения и в конце единицы, находящиеся на периферии семантического поля пространства:

ЛСВ \ Лексемы	<i>mesto</i>	<i>kraj</i>	<i>prostor</i>
Город	✓		
населенный пункт, область		✓	
Пространство			✓
единица внутри здания (комната, помещение)			✓
Край		✓	
Начало		✓	
Конец		✓	
маленькая часть земли или какой-либо другой поверхности	✓	✓	
часть пространства			✓
часть поверхности земли, имеющая экономическое предназначение (<i>сельскохозяйственное, промышленное</i> и т.п.)		✓	
часть поверхности земли, обладающая определенными географическими или климатическими характеристиками (<i>солнечный, горный, песчаный</i> и т.п.)		✓	
часть чего-либо, имеющая определенное предназначение (<i>выгул собак, парковка</i> и т.п.)	✓	✓	✓
часть пространства для размещения одного лица, обозначенная предметом мебели и т.п. (<i>в театре, автобусе</i>)	✓		✓
часть чего-либо, достаточная для размещения какого-либо объекта (<i>автомобиля, кресла</i> и т.п.)			✓
часть поверхности, достаточная для размещения какого-либо объекта (<i>статьи, рисунка</i> и т.п.)			✓

Продолжение таблицы

помещение, предназначенное для проживания одного лица (<i>гостиничный номер, кровать в общежитии</i> и т.п.)	✓		
вакансия, должность	✓		
Мандат	✓		
положение согласно нумерации	✓		
отрывок художественного произведения	✓		

Уже на основе вышеприведенной таблицы можно сделать вывод о концептуальном различии трех анализируемых лексем. *Mesto* (восходит либо к значению «проживать, питаться», либо — к значению «кол»⁸) представляет собой определенную точку на поверхности или в пространстве. Ядро семантической структуры данной лексемы составляют ЛСВ 'город' (относительно небольшая территориальная единица, имеющая четкие границы) и 'маленькая часть поверхности земли или какой-либо другой поверхности'. Все остальные значения являются производными от последнего.

Границы концепта *kraj* (слово этимологически связано с глаголом «кроить, резать»⁹) определены не столь четко. Не случайно ядерный ЛСВ 'населенный пункт, область' не имеет однозначной дефиниции: *kraj* — это и деревня, и город, и регион, и страна. В Словении, большая часть территории которой представляет собой сельскую местность, расположено множество населенных пунктов разной величины, и, например, понятие *rojstni kraj* (место рождения, родина как в узком, так и в широком смысле слова) обладает определенной лингвокультурной спецификой:

(1) Daleč je, daleč, daleč je zdaj // moj začetek in moj rojstni kraj!
(Далеко-далеко сейчас // мои истоки и моя родина) *Vlado Kreslin*.
Daleč je moj rojstni kraj.

(2) Člani bralnega krožka *Žarek* smo se namenili obiskati rojstni kraj Cirila Kosmača in Franceta Bevka (Мы, члены литературного

кружка «Луч», намеревались посетить место рождения Цирила Космача и Франце Бевка) *Logaške novice*, 2006.

ЛСВ, связанные с близостью к границам чего-либо ('край', 'начало', 'конец'), относятся к периферии структуры данной лексемы.

Prostor, в отличие от *mesto* и *kraj*, характеризует не точку, а двухмерную или трехмерную зону (сравним древнеиндийское *staras* «слой» и др.¹⁰). Это может быть и пространство, ограниченное четырьмя стенами (*prostri v hiši* «комнаты в доме», *poslovni prostor* «служебное помещение»), и место, достаточное для расположения чего-либо или для какой-либо деятельности (*prostor za knjige* «место для книг», *prostor za trening* «место для тренировки»).

Отдельные ЛСВ относятся не к одной, а к нескольким единицам. В частности, значение 'маленькая часть поверхности земли или какой-либо другой поверхности' может лексикализироваться как с помощью *mesto*, так и с помощью *kraj*. Однако *kraj* описывает более широкую область, чем *mesto*, а в значении более узкого участка употребляется исключительно с предлогом *na* (что свидетельствует о периферийности данного ЛСВ):

(1) Vsaka hiša naj ima vsaj 1–2 krmilnici za ptice na krajih, kjer mačke nimajo dostopa (Пусть на каждом доме в местах, куда не доберутся кошки, будет хотя бы одна-две кормушки для птиц) *Novi tednik*, 2007.

Кроме того, *kraj* не может использоваться для обозначения зон человеческого тела; в данном контексте употребляется исключительно лексема *mesto*:

(2) Obkladke položite na boleča mesta (Приложите компрессы к больным местам) *Интернет*, 2017.

Все три лексемы также могут служить для номинации места, имеющего определенное предназначение. В данном аспекте они различаются в первую очередь размером: максимальные границы пространства, обозначаемого лексемой *kraj*, шире, чем *prostor*, а *prostor*, в свою очередь, шире, нежели *mesto*. Наряду с этим, лексема *kraj* частотна в значении 'место, где произошло или произойдет какое-либо событие':

kraj prireditve «место проведения мероприятия», *kraj nesreče* «место происшествия». *Mesto* и *prostor* имеют тенденцию обозначать статичное размещение какого-либо объекта, что находит отражение в том числе в партитивном ЛСВ обеих единиц: *mesto/prostor v kinu* «место в кино», *mesto/prostor v avtobusu* «место в автобусе».

Лексический фонд современного словенского языка также пополнился заимствованиями, сфера употребления которых пересекается с вышеупомянутыми тремя единицами: имеются в виду в первую очередь лексемы *lokacija* и *plac*, пришедшие из немецкого языка. *Lokacija* отличается главным образом наличием имплицитного семантического компонента 'окружение': *lokacija bloka* «месторасположение дома», *lokali na dobrih lokacijah (centri mest, trgovska središča)* «бары в хороших местах (центры городов, торговые центры)» *Finance, 2007*. *Plac* (разговорное) может замещать *prostor* («...na golem otoku bi bilo premalo placa za vse» («...на Голем острове не хватало бы места для всех») *Интернет, 2010*) и *kraj* («Stran od placa kjer mi je babica vedno kuhala...» («Вдали от места, где мне всегда готовила бабушка...») *Интернет, 2010*), а также имеет конкретное значение 'площадь'.

В дальнейшей перспективе необходимо рассмотреть лексемы *mesto*, *kraj* и *prostor* на общеславянском фоне в контексте многообразия смысловых изменений, которые претерпели исконно праславянские слова.

Примечания

¹ Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 230–241.

² Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

³ Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]: URL: <https://vasmer.lexicography.online> (дата обращения: 30.03.2018).

⁵ Fran. Slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU [Электронный ресурс]: URL: <http://www.fran.si> (дата обращения: 30.03.2018).

⁶ Korpus Gigafida [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gigafida.net> (дата обращения: 30.03.2018).

⁷ Korpus Kres [Электронный ресурс]: URL: <http://www.korpus-kres.net> (дата обращения: 30.03.2018).

⁸ Fran (Marko Snoj. Slovenski etimološki slovar).

⁹ Там же.

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.4.2

М. А. Егорова

Семантика аориста в современном сербскохорватском языке по результатам наблюдений за языком нарратива художественной прозы

Употребление аориста в современном сербскохорватском языке характеризуется функциональной ограниченностью и факультативностью.

Аорист используется преимущественно в языке художественных текстов, реже — в разговорной речи (впрочем, Бранко Тошович замечает «реинкарнацию» форм аориста в смс- и интернет-переписке¹) и практически не встречается в публицистических, официально-деловых и научных текстах.

В тех случаях, когда аорист употребляется в тексте, его выбор является факультативным: он всегда может быть заменен дефолтной формой перфекта, а в ряде контекстов конкурирует с историческим презенсом².

Согласно традиционным грамматическим описаниям, аорист «употребляется в повествовании для обозначения событий, которые произошли в прошлом»³, «выражает не длительное или мгновенное действие в прошлом»⁴. Иными словами, данная форма описывается как выражающая сочетание перфективного значения и значения прошедшего времени, ср. обсуждаемый Бернардом Компри термин «aoristic»⁵.

В то же время ограниченное употребление аориста заставляет предположить некое более специфицированное

значение или набор значений. О специфике аориста пишет, например, Тошович, отмечая, что эта форма «имеет очень выраженную экспрессивность» и «в основном обозначает ограниченное действие в прошлом, которое действующее лицо (говорящий) заметило или пережило»⁶.

Автором предпринята попытка уточнить семантику аориста на материале сербской художественной прозы второй половины XX в.⁷ На отрывках из 18 различных текстов подсчитана приблизительная частота форм аориста по отношению к другим глагольным формам в нарративе, что позволило сравнивать тексты по частоте употребления аориста. Сравнение выявило три типа текстов: с высокой, низкой и нулевой частотой употребления аориста. Интерес в данном случае представляют тексты второго типа, с низкой частотой употребления аориста, в которых эта форма сильно маркирована.

На материале текстов второго типа удалось выделить четыре кластера значений. Значения эти, строго говоря, выделены на различных основаниях и поэтому не исключают друг друга.

Прежде всего, это базовое, наименее маркированное сочетание перфектива и прошедшего времени, которое автор обозначает термином «аористное», в ряде случаев с дополнительно актуализированным значением недлительности (точечности).

Во-вторых, это те случаи, когда речь идет о случайном событии или событии с низкой вероятностью: внезапном, неожиданном, труднообъяснимом, противоречащем ожиданиям и т. п. В этот кластер автор на данном этапе включает и случайное событие, имеющее значимый с точки зрения нарратора результат.

В-третьих, это те случаи, когда речь идет о событии, ключевом для нарратива как целого: начале эпизода, конце эпизода, смене ситуации или перемене положения дел, возврате к прежнему состоянию, в ряде случаев понимаемому как отмена предыдущего состояния, или прекращенной ситуации, где событие, обозначенное формой аориста, выступает

в качестве катализатора прекращения ситуации. Данный кластер значений, по мнению автора, имеет много общего с понятием степени *фокусированности ситуации*⁸.

Наконец, это сочетания формы аориста с глаголами речи («сказать», «спросить», «ответить»), восприятия («услышать»), когнитивных процессов, в том числе смены когнитивных состояний («показаться», «понять»), столь многочисленные, что автору показалось уместным выделить их в отдельную группу «когнитивных» употреблений аориста.

Известную проблему представляет тот факт, что, по-видимому, все названные значения, выражаемые формами аориста, могут быть выражены также и формами перфекта. По всей видимости, сербскохорватский аорист относится к числу тех грамматических форм, «в употреблении которых говорящий обладает определенной “свободой действий”»⁹.

Примечания

¹ *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М., 2006. С. 205–213.

² *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb: Matica Hrvatska, 1963. S. 232–235.

³ *Ibid.* S. 616.

⁴ *Гудков В.П.* Сербохорватский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем. М., 1969. С. 57.

⁵ *Comrie B.* Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976. P. 12.

⁶ *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола... С. 194.

⁷ Автор использовал следующие источники: *Гудков В.П.* Сербохорватский язык, 1969. *Сербская поэзия и проза XX века*: Хрестоматия // Сост. С. В. Зайцева, Е. Стоянович, М.А. Милютина. СПб., 2003. *Kapor M.* Foliranti. Zagreb., 1975. *Павић М.* Унутрашња страна ветра, или роман о Хери и Леандру. Београд, 1993. *Михајловић Д.* Сабрана дела. Књига 2. Београд, 1996.

⁸ *Плунгян В.А.* Предисловие: дискурс и грамматика // В.А. Плунгян (отв. ред.), В.Ю. Гусев (ред.), А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 22.

⁹ *Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю.* Перфект в старославянском: был ли он результативным? // *Slověne*, № 2. 2017. С. 24.

Многозначность обозначений пищи в современном русском языке (на фоне других славянских языков)

В последнее время в лингвистике возрос интерес к изучению предметно-бытовой лексики, поскольку именно она в конечном итоге является средством хранения и передачи сведений о важных аспектах жизнедеятельности человека, а также дает представление об особенностях организации окружающего мира в сознании носителей языка. Наименования пищи обладают способностью образовывать множество интересных коннотаций, изучение которых помогает лучше понять семантическую организацию данного лексического пласта и сопоставить научные и наивные представления о понятийной сфере «Пища».

Материалом исследования являются лексические единицы в первую очередь русского языка, но вместе с тем чешского и болгарского языков, которые хотя бы в одном из значений называют блюда, напитки и продукты питания и могут быть элементами меню или рецептов либо использоваться в разговорной речи образованных городских жителей, а также слова, объединенные с ними семантико-мотивационными связями. Выбор данных языков в качестве источника материала для исследования обусловлен тем, что, во-первых, они представляют три группы славянских языков и тем самым дают возможность сопоставить различные варианты и особенности системной организации лексического пласта, состоящего из наименований пищи, во-вторых, в них по-разному шли процессы заимствования. Так, в болгарском языке из более чем ста собранных лексем около двадцати представляют собой заимствования из турецкого, причем процесс развития многозначности шел у них по-разному: некоторые приобрели новые значения (тур.

gevrek — хрупкий, ломкий, болг. *геврек* — 1. бублик, баранка, 2. руль автомобиля, ср. рус. *баранка*; тур. *köroğlü* — 1. подлец, 2. хитрец, болг. *кьопоолу* — салат из печеных и нарезанных баклажанов с чесноком, уксусом и маслом, ср. рус. *икра баклажанная*), другие заимствовали значения из языка-донора не развили новых (тур. *zehtin* — оливковое масло, болг. *зехтин* — то же значение; тур. *каута* — фарш, болг. *кайма* — то же значение, тур. *kayisi* — 1. абрикосовое дерево, 2. плоды этого дерева, болг. *кайсия* — те же значения; тур. *patlıcan* — 1. баклажан (растение), 2. плоды этого растения, болг. *патлаждан* — те же значения), третьи же переняли в языке-источнике лишь отдельные значения (тур. *каймак* — 1. сливки, крем, 2. тина, грязь, 3. лучшая часть, болг. *каймак* — 1. сливки, 2. лучшая часть) либо сохранили некоторые значения из языка-источника и развили новые в языке-реципиенте (тур. *köfte* — котлета (блюдо из жареного измельченного мяса с приправами), болг. *кюфте* — 1. котлета (блюдо из жареного измельченного мяса с приправами), 2. низкий и толстый человек; тур. *pastırma* — бастурма, сушеное соленое мясо, болг. *пастърма* — 1. бастурма, сушеное соленое мясо, 2. грубое определение для девушки; тур. *fistik* — 1. арахис (растение), 2. плоды этого растения, болг. *фъстък* — 1. арахис (растение), 2. плоды этого растения, 3. мелкий, маленький человек; тур. *havuar* — черная икра, болг. *хайвер* — 1. икра (яйца самок рыб), 2. икра (продукт/блюдо), 3. закуска из манной крупы и майонеза, по виду напоминающая икру). В чешском языке в силу исторических причин количество заимствований, в первую очередь германизмов, невелико, однако они также демонстрируют описанную выше тенденцию: некоторые лексемы заимствуются во всех значениях (чеш. *citron* — 1. лимон (растение) + коннотации ‘уставший, истощенный’, ‘цвет’ и ‘кислый’ и нем. *Zitrone* — то же значение + те же коннотации; чеш. *špenát* — 1. шпинат (растение), 2. блюдо из этого растения, нем. *Spinat* — те же значения; чеш. *datle* — финик, нем. *Dattel* — то же значение), другие развивают новые значения или приобретают новые коннотации (чеш. *vuřt/buřt* — сарделька + коннотации ‘очень толс-

тый', 'равнодушный, утративший интерес', нем. *Würstchen* — сарделька; чеш. *bažant* — 1. фазан, 2. новичок, начинающий, 3. судно для лежачих больных, нем. *Fasan* — фазан; чеш. *nudle* — вермишель, лапша + коннотации 'измельченный, мелко нарезанный', 'молодой, неопытный', 'узкое место' и 'слизь, сопли' и нем. *Nudeln* — то же значение + коннотации 'обман', 'женщина', чеш. *žemle* — булка, нем. *Semmel* — мука тонкого помола), третьи в ходе заимствования утрачивают определенные значения (чеш. *sekt* — шампанское, нем. *Sekt* — 1. шампанское, 2. что-то ценное).

В исследовании проанализированы системные связи наименований пищи, в частности, способность последних к развитию регулярной и нерегулярной, внутри- и межъязыковой многозначности. В качестве примеров регулярной многозначности в сфере продуктов питания можно привести соответствия «название продукта — название растения» (рус. *огурец* — *растение* и *плод* (то же чеш. *okurka* и болг. *красавица*); рус. *гречка* — *крупа*, *каша* и *растение* (то же болг. *елда* и чеш. *rohanka* используются преимущественно для обозначения растения, в пищу данный продукт обычно не употребляется), «исконное название блюда — новое название блюда» (рус. *бифштекс* — *кусочек мяса* и *рубленая котлета*, *гуляш* — *густой суп* и *мясное блюдо*), нерегулярная многозначность представлена разнообразными примерами, интересными в том числе с точки зрения межъязыкового сопоставления (рус. *икра* — *рыбья* и *баклажанная*, болг. *ошав* — *сухофрукты* и *компот*, чеш. *vino* — *вино* и *виноград*). Также в работе внимание уделено анализу устойчивых коннотаций, которые приобретаются членами семантического поля «Пища» в славянских языках (чеш. *buchta* — 1. пирожок, 2. тюфяк, рохля, увалень, 3. жаргонное обозначение девушки, ср. рус. *булочка* — *соблазнительная девушка*; 3. болг. *тънеш* — 1. дыня, 2. глупый, бесхарактерный человек, ср. рус. *дыни* — *большая женская грудь*; в то же время болг. *каймак*, чеш. *smetana* и рус. *сливки* имеют одинаковую коннотацию — *лучшая, отборная часть*). В процессе составления словарного описания того или иного продукта или блюда часто возни-

кает проблема лексикографической фиксации конкретных наименований, ставших нарицательными, например, *винегрет* изначально являлся названием соуса, а салат *оливье* был назван в честь повара. Еще одна лексикографическая проблема, с которой пришлось столкнуться в ходе исследования, — неполнота существующих словарей, их отставание от живых языковых процессов: так, некоторые значения, давно наблюдаемые в языке, могут не быть зафиксированы в словарях (рус. *банан* — 1. банан (растение), 2. плод этого растения, 3. водные сани), что вызывает необходимость обновления соответствующих словарных статей. Интересным представляется вопрос о развитии гипо-гиперонимических связей в рассматриваемом лексическом пласте, поскольку они отражают особенности членения мира носителями определенного языка (чеш. *bobule* — ягода (мелкий плод), в болг. используется более общая лексема *плод* — плод, фрукт; болг. *зарзават* — зелень, в чеш. употребляется слово *nat'* — наземная часть растения).

Лексико-тематическая группа «Пища» в рассматриваемых славянских языках представляет собой совокупность многочисленных и разнообразных номинаций, она активно развивается как за счет сохранения исконных единиц, так и вследствие интенсивного процесса заимствования, которое отражает влияние на национальные пищевые традиции не только культур соседей, но и глобальных тенденций. Наименования продуктов питания, блюд и напитков подвергаются метафоризации и образуют коннотации благодаря семантическим особенностям и по экстралингвистическим причинам: многозначность в области пищевой лексики создается за счет позитивной/негативной оценки продуктов питания, их цвета, формы, консистенции, способа приготовления, простоты/сложности, степени обыденности и распространенности в конкретном ареале. Многие названия блюд и продуктов отражают знания носителя языка о мире и представления об окружающей действительности, среди таких лексем немало антропонимически, культурологически и географически маркированных номинаций.

Судьба некоторых утраченных церковнославянизмов в лексико-семантическом поле «Безумие»

Судьба старо- и церковнославянизмов в славянских языках, и в русском в частности, была различной. Некоторые вошли в русский язык с тем же или другим значением (*безумный* ‘сумасшедший’, ‘безрассудный’, ‘очень сильный’, *нейс-товый* ‘необычайно сильный, буйный, безудержный’, *иступление* ‘крайняя степень страсти’, *изумление* ‘крайнее удивление’). Другие утратились или не сохранили в русском языке значение помешательства.

Церковнославянизмы второй группы, входящие в лексико-семантическое поле «Безумие», рассмотрены в этой работе. Вероятно, слова утрачиваются из-за некоторых непродуктивных своих характеристик.

Во-первых, это непонятная внутренняя форма. Др.-русск. ц.-слав. помамение ‘безумие, потеря рассудка’, ц.-слав. мамити ‘desipere, безумствовать’, ст. слав. омамити сз ‘обезуметь, стать юродивым’, омамъшии ‘юродивый’¹ (< праслав. **obmamiti se*) в гнезде праслав. **matъ* образованы с помощью *-то-* от **ma-* (< и.-е. **ma-* ‘махать рукой’, ‘морочить, обманывать, колдовать’). Семантика безумия была в этом этимологическом гнезде уже в праславянском языке², сохраняется в южнославянских, чешском и словацком языках, в восточнославянских языках обозначения сумасшествия с этим корнем не представлены.

Ц.-слав. лудьи ‘безумный, глупый’, лудость ‘глупость, неразумие’ развивают семантику безумия на основе значения обмана. Они восходят к праслав. **ludъ(jь)*, заимствованию гот. *liuts* ‘лицемерный’, *liuta* ‘лицемер’ < гот. *lutōn* ‘обманывать’³. Семантика глупости, сумасшествия развивается

в славянском гнезде по мотивационной модели ‘обманывать’ → ‘дурачить, сводить с ума’. Внутренняя форма церковнославянизмов с корнем *луд-*, вошедших и в некоторые русские диалекты, не осознается, слова в литературном языке не закрепляются.

Во-вторых, это непродуктивная словообразовательная модель. Например, сложения. Не закрепляются в русском литературном языке ц. слав. бѣдноумно, врѣдоумие, врѣдоумьнъ и умоврѣдовати, духоносивьи ‘одержимый, бесноватый’, др.-русс. ц.-слав. зълобысованье, зълобысье, зълобысовствие ‘язычество, идолопоклонство’, ‘одержимость бесами’⁴, малуюмно, худоумь, худоумьнъ и другие слова. Однако некоторые из них входят в древнерусский язык и русские диалекты.

В-третьих, это неактуальный семантический переход. Др. русск. ц. слав. отъвращати ‘затмевать (разум)’⁵ соответствует модели ‘отворачивать’ → ‘лишить(ся) рассудка’. Она исконной русской лексикой не представлена, хотя в гнезде **vbrtĕti / *vbrtnoti*⁶ есть много современных русских и инославянских слов, развивающих семантику помешательства по модели ‘вертеться’ → ‘лишить(ся) рассудка’.

Ст.-слав. отъчаўнъ ‘помешанный, отчаянный’, ἀλονενομημένος, demens’, ст.-слав. отъчаўти кого, чесо, отъ кого ‘помешаться; ἀλονεῖσθαι, dementem fieri’, отъчаўтисъ ἀλονεῖσθαι, помешаться’ развивают значения по модели ‘потерять надежду, отчаяться’ → ‘сходить с ума’. В современном русском литературном языке отчаянный означает ‘чрезвычайно тяжелый, безвыходный, проникнутый отчаянием’, ‘смелый до безрассудности’, ‘крайний, очень сильный’, разг. ‘очень плохой’⁷.

Наконец, слова могут утрачиваться из-за активизации в языке других значений слова или его корня. Др.-русс. ц.-слав. уродь и юродь означают ‘глупец, безумец, юродивый’⁸, уродивьи ‘глупый, неразумный’, ‘юродивый’⁹ и относятся к гнезду **rod-*¹⁰ с мотивацией «выродок». В современном русском языке юродивый еще означает ‘психически больной, помешанный, сумасшедший’¹¹, но исконное уродь закрепилось в значениях ‘живое существо с физическим уродством’, ‘человек, некрасивый до безобразия’, ‘человек с какими-н.

дурными, отвратительными свойствами¹¹² с коннотациями неодобрения и используется как оценочное ругательство.

Таким образом, причинами того, что церковнославянизмы не входят в русский литературный язык или не сохраняют в нем свои значения, могут становиться затемнение внутренней формы слов, непродуктивность словообразовательной или мотивационной моделей, главенство в современном русском языке других значений слова или его корня.

Примечания

¹ Slovník jazyka staroslověnskeho (Lexicon Linguae Paleoslovenicae). Praha, Academia, 1973. Т. 23. С. 541.

² Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд (под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот). Т. 1–41. М.: «Наука», 1974–2017. Т. 27. М., 1990. С. 189.

³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 2003. С. 528; Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд (под ред. О.Н. Трубачева). Т. 12. М., 1985. С. 167; *Етимологічний словник української мови* / Под ред. Я.Б. Рудницького. Т. 3. Вінніпег, 1983. С. 299.

⁴ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улуханов, В.Б. Крысько). Т. I. М., 1988. Т. III. С. 413–414.

⁵ Там же. Т. VI. С. 219.

⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 2003. С. 301.

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. С. 601.

⁸ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Репринт издания 1895 г. Т. III. М., 1958. С. 1256, 1629.

⁹ Там же. С. 1255.

¹⁰ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 2003. С. 490.

¹¹ Словарь современного русского литературного языка / Ин-т русского языка АН СССР. Т. 17. М.–Л., 1965. С. 2002.

¹² Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. С. 1033.

СЛАВЯНСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.5.1

А. И. Чиварзина

Цвета-смеси в пограничных диалектах сербского и болгарского языка*

Базовые хроматические цвета, представляющие собой «смеси» (коричневый, фиолетовый, оранжевый), в диалектной речи встречаются редко. Это обусловлено их поздним появлением в языке и слабой представленностью в традиционной культуре. Исключение составляют оттенки красного (розового) и ахроматический серый, нюансы которого могут передаваться совершенно разнообразными способами. В настоящем докладе хотелось бы уделить внимание цветам, на которые не так часто делается акцент при изучении народной культуры, а также рассмотреть лексемы, которые служат для передачи этих оттенков.

По мнению экспертов, занимающихся вопросами универсальных цветообозначений, «коричневый и его ближайшие соответствия концептуализируются не сами по себе и даже не в терминах «смеси» других цветов, а скорее имеют позитивную модель (образец) вокруг нас»¹. Для рассматриваемых диалектов такой позитивной моделью выступает преимущественно кофе, реалья, широко представленная в культуре этих народов. Ср. диал. серб. *кафен* (Вране) 'коричневый', диал. серб. *каверенђи* 'коричневый', диал. серб. *каверенги* (Призрен) 'коричневый', диал. серб. *кацав* 'коричневый', диал. серб.

* Авторская работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

кашавник (Пирот) ‘светло-коричневый’. Помимо основных вариантов цветообозначения, в диалектах встречаются лексемы для обозначения оттенков основного цвета. Они также образованы по модели подобия: диал. серб. *ораов* (Ратайе-Крмоль) ‘ореховый’, диал. серб. *кестењаст* (Призрен) ‘каштановый’.

Оранжевый воспринимается как промежуточный цвет, комбинация желтого с красным. В диалектных словарях юго-восточной Сербии и юго-западной Болгарии фиксируются следующие лексемы для обозначения оттенков оранжевого: диал. серб. *рујев* ‘темно-оранжевый’ (Каменица, Пирот), диал. серб. *руђ* (Каменица, Пирот) ‘темно-оранжевый, рыжий’, диал. серб. *рус* (Пирот) ‘рыжий’, диал. болг. *алтурунджиеф* (Самоково) ‘оранжевый’. Интересно обратить внимание на отсутствие лексем от корней, встречающихся в литературных языках (ср. серб. *наранџаст*, болг. *оранџев* или соседний мак. *портокалов*). Переходные цвета не всегда четко разделяются. Например, та же лексема *рус* (Пирот) в том же диалекте другими носителями воспринимается как обозначение светлого оттенка красного — ‘розовый’, что также фиксируется в словаре.

Темные нюансы красного передаются лексемами, образованными от заимствованных турецких корней: диал. серб. *ђувезлија* (Пирот) ‘темно-красный’, диал. болг. *г’увезин* (Логодаж) ‘темно-красный’, диал. серб. *ђунђурлија* (Каменица) ‘темно-красный’. Светлые оттенки красного (розовый цвет) передается через лексемы, образованные суффиксальным способом от основного термина — диал. серб. *црвењикав* (Костомлатица) ‘розовый’, диал. серб. *црвењушкав* (Добрейянце) ‘розовый’; от названия цветка розы — диал. серб. *розан*, диал. серб. *рознакав* (Тимокский край) ‘розовый’; от тур. корней — диал. серб. *алест* (Големо Село) ‘розовый’, диал. болг. *ален* (Самоково) ‘розовый’, диал. серб. *ђувез* (Призрен) ‘розовый’, диал. серб. *пембе* (Призрен) ‘розовый’, диал. серб. *пембав* (Пирот) ‘розовый’, диал. болг. *бембелен* (Логодаж) ‘розовый’.

Серый находится в промежуточном положении между белым и черным, в словарях он определяется как ком-

бинация этих двух цветов². В рассматриваемых диалектах фиксируется большое количество лексем для однословного наименования животных этого цвета: от славянского корня — диал. серб. *сивуља* (Ратайе-Крмоль) — корова, диал. серб. *сив'и* (Пирот) — осел, конь; *сијер* (Безуйе) — теленок; от тур. корня — диал. серб. *сурка* (Каменица, Пирот, Честелин), диал. серб. *сурча* (Ратайе-Крмоль) — собака; диал. болг. *сур* (Трын, Рабиша) 'серый'.

Для обозначения неясных сероватых оттенков шерсти животных в славянском языке, в том числе в переходной зоне диалектов болгарского и сербского, используются лексемы со значением 'зеленый', т. е. лошадь, козу или овцу с шерстью пепельного цвета называют «зеленой»: диал. серб. *зеленка* (Вртогош), диал. серб. *зелька* (Трстена). Подобное наблюдается не только в славянских языках, в целом в балканском ареале «зеленым» может называться светлый конь с пятнами или неясным цветовым нюансом, сероватый или буланый, кофейно-желтый³. Иногда это касается и других животных, например, волков, собак, птицы сокола. Есть несколько версий относительно происхождения данного выражения: рассматривается и турецкое влияние, и латинское⁴. Наряду с зеленым цветом для обозначения неясных сероватых оттенков используются лексемы корня *мур-* 'серый, неясного цвета, темный' (диал. болг. *мурга* (Рабиша) — светло-коричневый, диал. серб. *мургаст* — 'темно-оливкового цвета': диал. серб. *мурес* (Радовница) — 'темный', диал. серб. *мура* (Првонек) — овца серого цвета и т.д.) и *голуб-* (диал. серб. *голубаш* (Бойин Дел) — козлик голубоватой, серой шерсти, диал. серб. *голубаша* (Бойин Дел) — коза голубоватой, серой шерсти, диал. серб. *голупка* (Доньи Стайевац) — овца голубоватой, серой шерсти и др.).

Наиболее интересным представляется набор лексем для обозначения фиолетового цвета. Словарные статьи по основным терминам обозначения фиолетового цвета дают возможность соотнести эти лексемы с названием растения фиалки; «фиолетовый» осознается не как чистый цвет, а как смешение синего и красного. Также имеются разночтения в

определениях некоторых лексем, находящихся в промежуточном положении между синим и фиолетовым: в двух языках лексемы *модар*, *индиго*, *чивит*, *тегет* могут толковаться двояко, т.е. как оттенок синего или же фиолетового, а лексемы *галибарда* (Пирот), *моравилкаст* (Каменица), *амбербој* (Призрен), *ђувезан* (Тимокский край) — как красно-фиолетовые, розово-фиолетовые оттенки, что объясняется смешанной природой фиолетового.

Примечания

¹ *Вежбицкая А.* Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.

² Там же.

³ *Вежбицкая И.А.* Система цветообозначений в болгарском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М. 2011. С. 192.

⁴ *Ivić M.* O zelenom konju // O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi. Beograd, 1995. S. 95.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.5.2

А. П. Якимова

«Хубавата дреха не прави хубав челяка», или болгарские наименования человека — дериваты от названий предметов одежды

В докладе рассматриваются дериваты от слов, составляющих лексико-семантическую группу «одежда» в болгарском языке. Исследуемые дериваты представляют собой пласт лексики, характеризующей человека по его одежде.

Одежда — это артефакты, созданные человеком и призванные обозначить принадлежность человека культурному, человеческому миру. Противопоставление «нагой — одетый» является одной из важнейших культурных оппозиций.

Болгарский этнограф и исследователь костюма Ганка Михайлова сравнивает народный костюм с паспортом, признавая знаковую роль одежды. Болгарская поговорка, вынесенная в название доклада — «Хорошая одежда не делает хорошим человека», указывает на тесную связь человека и его одежды. Параллелизм «качество одежды» / «качество человека» реализуется в семантическом пространстве культуры, и наименования человека — дериваты от названий предметов костюма — одно из его проявлений.

Лексические данные извлечены из Болгарского этимологического словаря, Словаря болгарского языка, опубликованного на сайте Института болгарского языка Болгарской академии наук, и книги Р. Ганевой «Знаки болгарской одежды». Анализ этой лексики показал, что в основном наименования человека по одежде связаны с его социальным положением.

Функциями рассматриваемой группы наименований является маркирование социального статуса, возраста, особенностей поведения, национальности и необычной судьбы. Есть термины, мотивированные качественными характеристиками одежды.

Социальный статус маркируют лексемы: *потуран*, *цървулан*, *калтаклия*, *кавадуша*. Первые три объединены общим значением «одежда крестьянина» и происходят от названий штанов (*потури*), обуви (*цървули*) и головного убора — традиционной мужской шапки (*калтак*). *Кавадуша* — так называли в г. Банско женщину, которая благодаря своему социальному положению может носить длинную верхнюю одежду *кавад*.

Возраст тесно связан с социальным статусом и отражен в лексемах, производных от диалектных названий рубашки *риза*, *кошуля* — основной одежды ребенка до отроческого возраста: *поризан*, *поризанче* (Славеино, Виево, Кутела, окрестности Смоляна; Петково, бассейн реки Арды), *кошулко*, *кошулче*, *кошуляр* (Говедарци, окрестности Самокова, и др.).

Маркируются негативно оцениваемые особенности поведения: мужчина, который вмешивается в женскую работу, именуется *женски калец* от *калец* — ‘чулок, носок’; человек,

меняющий мнение в зависимости от обстоятельств, — *влашка престилка* — буквально «румынский фартук». Сюда же относится ироничное наименование капризного мальчика, который уже носит штаны, несмотря на то что еще малолетний: *плачи-пугурán* (Чешнегирово, окрестности Пловдива) от *плачи* — ‘плачь (императив)’» и *пугури* ‘штаны’.

Национальность маркирована одним термином, происхождение которого объясняется Болгарским этимологическим словарем, но не всеми исследователями принимается безусловно. В говоре каменщиков села Крива-Паланка в Македонии, на границе с Болгарией, албанцев называли *зонка*: от греч. «пояс» и суфф. *-ка* «человек с поясом».

Мотив судьбы отражен в терминах *ризниче* (район г. Елена) — это ребенок, который родился в околоплодном пузыре, «рубашке» (болг. *риза*) и *ризничев* — человек, который носит при себе высушенную плаценту как оберег (Странджа). Считалось, что она оберегает человека от пуль.

Термины, мотивированные качеством одежды, могут образовывать антонимические ряды. Лексема *дринáл* — (Бели Осым, окрестности Трояна) ‘оборванец’ происходит от слова *дрипа* — ‘лоскут’, во мн. числе *дрипи* — ‘лохмотья’. Противоположное качество маркировано лексемой *опнат човек* (Казанлык) — ‘нарядный, представительный человек’, который одет в *опнъти дрéи* — в Казанлыкском районе так называли европейский костюм. Подобны им термины *опнáк* (Могилово, район Чирпана) — ‘человек в представительной одежде, в брюках’ и *опнат* ‘военный’ из тайного языка в Брацигово, и происходят эти наименования от глагола *опъна* — ‘натянуть, затянуть, стянуть’.

Именование человека по характерной для него одежде встречается не только в болгарском языке. Например, А. Тихомирова в своей диссертации «Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции» в числе прочего обширного материала рассматривает лексемы *лапотник*, *бакила*, *синий чулок*, *сарафанник*, а также другие и обнаруживает устойчивую связь между признаками предметов одежды и теми социаль-

но оцениваемыми качествами человека, которые маркируются их лексическими дериватами-наименованиями человека. Так, мотив простоты процесса изготовления отражен в лексеме *лапотник* 'простой, бесхитростный человек'.

Указанные нарицательные наименования человека представляют собой лишь часть обширного пласта лексики, имеющего деривационные связи с терминологией одежды. Не исключено, что такого рода лексем больше.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.5.3

А. В. Бакаева

Этнолингвистический анализ греческого похоронного обряда на балканском фоне

Данная работа основана на полевых материалах, собранных в результате нескольких экспедиций в разные греческие села (Кипр, Северная Греция). Нами было опрошено более 200 человек в возрасте от 50 до 97 лет. Для сравнения греческого похоронного обряда и обнаруженной нами обрядовой лексики со структурой и лексикой похоронного обряда в Болгарии, Сербии, Албании и Румынии мы использовали ранее выполненные разными авторами исследования сходной тематики. Основная цель настоящей работы — выявление и анализ общебалканских и специфических для греческого языка лексем и элементов в структурах похоронных обрядов.

В результате сравнительного анализа собранного полевого материала и литературных источников было обнаружено, что существует слой лексики, употребляющейся повсеместно на Балканах. Например, белое облачение для мертвеца в греческом языке называется *σάβανο* «саван», в болгарском — *савана*. Из латыни (*sabanum*) это слово было заимствовано в немецкий (*saban*) и в славянские языки (саван).

У румын для обозначения савана иногда употребляется лексема *prosov* славянского происхождения (ср. рус. *покрыв*).

Есть и специфические лексемы, употребляемые в отдельных греческих селах. Примером служит глагол *αγγιλοστέκομαι* (дословно — стоять рядом с ангелом), используемый в селе Эммануил Папас (Северная Греция). В словаре особенностей лексики регионов Терпни и Нигриты есть статья, посвященная сходной лексеме *αγγιλουστέκομαι*, которая означает «быть на последнем издыхании»¹.

Для гроба в греческом языке есть термин *κιβούρι*. Лексема, которую употребляют албанцы для обозначения гроба (*qivur*), схожа с греческой. «Для лексемы *qivur* в албанско-русском словаре зафиксированы значения: 1. Гроб. 2. Надгробный камень. В этимологическом словаре Г. Майера приводится версия появления слова *qivur* в албанском языке из новогреческого *κιβούρι* (диалектное слово со значением ‘гроб’, ‘могила’)»².

В греческих селах лексема *κόλλυβο* ‘коливо’ имеет разные реалии. Например, в селе Алона (Кипр) его изготавливают в день похорон из пшеницы, не добавляя других ингредиентов. При этом его не едят, а после того, как гроб закопают, священник бросает его на могилу. В селах Северной Греции коливо готовят из пшеницы с сахаром, орехами, гранатом и разными пряностями. Болгары в день похорон также варят коливо, которое называют *жито* или *коливо*, *колимо*. У православных албанцев для этого элемента поминального обряда есть термин *dhisk*. Лексема *dhisk* этимологически произошла от греческого *δίσκος*. Однако в Греции словом *δίσκος* называется любое блюдо, которое лежит на тарелке, имеющей круглую форму. Можно предположить, что заимствование из греческого языка произошло вследствие визуальной схожести формы блюда, на котором подавалась поминальная еда.

Структура похоронного обряда также имеет множество черт, присущих всем Балканским странам. Это, например, бдение над покойником в доме перед похоронами (различается только количество дней) и традиция оплакивания

усопшего (греч. *μοιρολόγι*, болг. *оплакуване*, алб. *gjata*, серб. *делекање*, рум. *bocet*).

Есть элементы похоронного обряда, которые отмечаются лишь в отдельных странах. В одном из греческих сел существует особая традиция разбивать в день похорон тарелку на кладбище. Схожий обычай был зафиксирован и в Болгарии: вернувшись с похорон, люди разбивали глиняный сосуд в доме, именно в том месте, где лежал покойник, или же, как и в Греции, глиняные сосуды разбивали прямо на могиле.

Выкапывание костей, то есть эксгумация (греч. *εκταφή*, *ξενάχωμα*), характерно не только для Греции (повсеместно), но и для Пиринской области в Болгарии (болг. *разкопаване* — «второе погребение»). Существительное *ξενάχωμα* образовано с помощью префикса «ξε», который имеет значение извлечения или удаления. Вместе с корнем «χωμ» (*χώμα* — «земля») данный префикс дает буквальное значение лексеме: извлечение из земли. Интересно, что болгарская лексема *разкопаване* образована по подобию греческой *ξενάχωμα*. Если разобрать ее по составу, то мы выделим префикс *раз-*, обозначающий процесс открытия чего-либо, разъединения, и корень *-коп-* — копать. В Румынии практика изымания костей сохранилась лишь в отдельных населенных пунктах. Но отголосок традиции остался на всей территории Румынии: последние поминки по покойному проходят через семь лет. Это обуславливается тем, что в прошлом повторное захоронение (рум. *remormântăre*) осуществлялось именно через такой промежуток времени. Обряд почти в точности соответствует греческому: «При «повторном погребении» могилу вскрывали, кости мыли и кропили вином, смешанным с растительным маслом, затем заворачивали в белое полотно или помещали в новый ящик, после чего снова хоронили»³.

Исследованная нами лексика в разных балканских странах часто имеет этимологическое соответствие (греч. *κιβούρι* и алб. *qivur*), или, в других случаях, схожесть в образовании лексем (греч. *ξενάχωμα*, болг. *разкопаване*). Так же есть и специфическая лексика, употребляющаяся исключительно носителями того или иного языка (греч. *αγγιλοστέκομαι*,

алб. *gjata*, рум. *bocet*). На территории Балканских стран существует множество как схожих традиций, передаваемых из поколения в поколение, так и индивидуальных для каждой страны, которые трансформировались со временем.

Примечания

¹ *Πασχαλούδης Α. Νίκος*. Τα Τερπνιώτικα και τα Νιφρτινιά. Αθήνα, 2000. Σ. 47.

² *Ермолин Д.С.* Погребально-поминальная обрядность и культура захоронений // Новик А.А., Бучатская Ю.В., Ермолин Д.С., Дугушина А.С., Морозова М.С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Отв. ред. А.А. Новик. Часть I. Т. 1. СПб., 2016. С. 767.

³ *Голант Н.Г.* Материалы по погребально-поминальной обрядности жителей юго-западной Румынии // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 11 / МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН / Отв. редактор Е.Г. Федорова. СПб., 2011. С. 127.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.5.4

Я. Б. Яхонтова

Весенняя календарная обрядность Северной Греции и балканских славян. Уникальные и универсальные черты

Объектом данного исследования являются весенние календарные праздники Северной Греции. Исследование построено на материале записей, сделанных мной в ходе полевой работы в Дарнашских селах (Эммануил Папас, Агио Пневма, Нео Сули) и в других регионах Северной Греции во время прохождения летней школы этнолингвистических исследований в Конице. Также в исследовании будут использованы материалы из архива кафедры фольклора Университета имени Демокрита (Фракия).

Цель данного исследования: описать весенние календарные праздники изучаемого региона при помощи методологии этнолингвистического анализа Н.И. Толстого, рас-

смотреть типологические параллели с весенними праздниками славянских народов, выявить универсальные черты, встречающиеся на всей территории Балкан, а также черты специфические, свойственные лишь греческой обрядности.

Ряд общих черт имеют обычаи, приуроченные к встрече весны и связанные с месяцем мартом. У славян существует поверье о некоей бабе Марте, от настроения которой зависит погода, что характерно в том числе и для греческой традиции. Различные магические ритуалы сопровождаются заклинанием «Вон, блохи! Пришла Марта!» Данный обычай характерен и для всей территории Греции, что позволяет нам говорить о типологической общности. В греческой деревне Агио Пневма сохранилось предание о старухе, которая поднялась в горы с козами и посмеялась над мартом, за что тот заморозил её и коз. Жительница села Элисавет Ставриану (р. 1926) рассказывает данную легенду: «“Притс-притс, Март”, — сказала старуха. Тогда Март позаимствовал один холодный день у Февраля, чтобы заморозить старуху с козами. Поэтому в феврале меньше дней, чем в остальных месяцах¹». У болгар и македонцев в начале марта на запястье повязывается «мартеница» — украшение, сплетенное из красной и белой нитей, которое по прошествии определенного срока вешают на зазеленевшее во дворе плодовое дерево². В Дарнашских селах изготавливали оберег *Μάρτης*, который представляет собой браслет из красной и белой нитей. Его носили до Пасхи, а затем вешали на дерево, «чтобы ласточка свила себе гнездо». Считалось, что девушек, которые носят этот оберег, должен полюбить тот, в кого они влюблены³. Этот обычай также характерен для румын и других балканских народов. В славянских культурах весна символически представлена в виде птицы (кулика или жаворонка)⁴. В греческих селах 1 марта устраивают встречу первой ласточки. Этот обычай называется *χελιδόνισμα*. Этой же лексемой обозначается и чучело ласточки, которое используют в обходных обрядах, и праздничные заклички. В деревне Агио-Пневма был зафиксирован следующий текст:

«Χελιδόνα έρχεται
 απ' τη μαύρη θάλασσα
 θάλασσα κι αν πέρασε
 πυργολί θεμέλειασε
 έκατσε και λάλησε
 και έβγαλε πέντε-έξι αυγά
 να γεννάει και να κλουσά
 και να σέρνει τα πουλιά»
 (Ласточка прилетела
 из-за черного моря.
 Перелетела через море,
 свила гнездышко,
 села и запела
 и снесла пять-шесть яиц,
 пусть несется, пусть высиживает
 и пусть ведет за собой выводок).

Общим для славянской и греческой культур является также элемент ряжения⁵ на Масленицу и Лазареву Субботу. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» упоминаются *кукеры, рядихи, наряжонки, маскированные, рожи*⁶. В Дарнашских сёлах были зафиксированы названия *γιανίτσαροι, μάσκες* 'маски', *μασκαράδες* 'маскированные', *καλόγεροι* 'монахи'. Для них также было характерно переодевание в шкуры животных, мазание лица сажей, использование таких атрибутов, как дубинки и колокольчики. На Лазареву Субботу в деревнях Эммануил Папас и Агио Пневма *λαζαρίνες* 'лазарини' совершали обходные обряды. Они носили фартук (*ποδιά, κοφρέ, πιτυφρένια*), пояс (*ζώνη*), белые колготки (*τσιράπια/τσουράπια*), платок, завязанный особым образом (*τσεμπέρι/κεφαλοδέτι*). Такой элемент костюма, как *ζώνη* 'пояс' символизировал переход ряженой из статуса девочки в статус девушки на выданье. У балканских славян данный обряд назывался «Лазарки» и также обозначал изменение социального статуса девушки.

Для греческой традиции также свойственны представления, которые устраивают ряженые на масленицу. В деревне Эммануил Папас разыгрывалось представление «Γιατρός»

‘врач’. Врач якобы извлекает из больного внутренности (в действительности это внутренности барана), а тот внезапно встаёт и восклицает: «Να είστε καλά γιατροί! Δεν πονάω!» (Всего вам доброго, врачи! У меня ничего не болит!). В деревне Νικήσιανη, которая находится на Севере Греции и принадлежит к ному Καβάλα, было записано представление «Μια μεγάλη εγχείρηση σε μια έγκυο» (серьезная операция беременной женщине)⁷. Актер, изображавший беременную женщину, носил на животе подушку. Ему делали якобы кесарево сечение и извлекали кошку. Народ смеялся и называл ряженых непристойными словами⁸.

На территории Северной Греции существуют также весенние обряды, не свойственные славянской культуре. В деревне Нео Сули на праздник Святого Георгия выпекают рисовые пирожки *τσιπούδες*. Их готовят из риса, молока, яйца, сахара и сливочного масла. Ингредиенты смешивают, а затем покрывают бараньим жиром, который обозначается лексемой *τσιπα*, и запекают в духовке⁹. По завершении представления с убийством дракона ведущий кричит «Ψίστηκαν τ' αρνιά και κάρκαν τσιπούδες» (Баранина пожарена и рисовые пирожки готовы).

В селе Пендаполи на праздник иконы «Живоносный Источник» (*Ζωοδόχος Πηγή*) жители села исполняют танец «Ζάμαντας»¹⁰. Этой же лексемой обозначают представление, которое разыгрывают перед танцем, и текст песни, сопровождающей танец, и главного действующего персонажа — «всадника», который выходит во время танца и показывает различные фигуры. После танцев устраивали соревнования, главным образом, по борьбе, которую в Дарнашских сёлах обозначали лексемой *υκερές*. Первая пара борцов обозначалась лексемой *μπάσι*, а приз, который выигрывал победитель — *μπαζίς*¹¹. Эти лексемы восходят, вероятно, к турецкому *bahşis* ‘денежное вознаграждение за оказанную услугу’.

В системе весенних праздников Греции есть элементы, издревле характерные для греческой культуры (ряжение, масленичный карнавал), обряды, сходные с балканославянскими (плетение оберега *Μάρτης*, отождествление весны с об-

разом птицы, встреча первой ласточки и весенние заклички, обходные обряды на Лазареву Субботу). Легенда о Μλαμλω, поднявшейся с козами в горы и поругавшейся с месяцем мартом, является яркой параллелью с традицией южных славян. Можно выделить также и уникальные, свойственные лишь изучаемому региону (изготовление *τσιπούδες* на день Святого Георгия в селе Нео Сули, *Ζάμαντας* в Пендаполи, использование браслета *Μάρτης* в качестве приворотного оберега в Дарнашских селах). Последние обряды уникальны не только для балканского мира, но и для всей территории Греции, поскольку не встречаются больше нигде, кроме указанных сел.

Таким образом, весенние календарные праздники славянского и греческого мира совпадают хронологически и идут в одинаковой последовательности. Между ними существуют некоторые лексические сходства (*λαζαρίνες* — лазарины, *Μάρτης* — Мартенница, *μασκαράδες* — маскированные). Они могут различаться с точки зрения плана содержания, но выполняют одну и ту же ритуальную функцию.

Примечания

¹ Из личного архива автора.

² Славянские древности / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 3. С. 189.

³ Κιοσσέ Μ. Θρησκευτικά έθιμα του λαϊκού εορτολογίου στα Δαρνακοχώρια του νόμου Σερρών. Κομοτηνή, 2005. Σ. 33.

⁴ Славянские древности. Т. 3. С. 40.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Славянские древности / Под ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 520.

⁷ Архив Университета имени Демокрита (Фракия).

⁸ Там же.

⁹ Κιοσσέ Μ. Θρησκευτικά έθιμα του λαϊκού εορτολογίου στα Δαρνακοχώρια του νόμου Σερρών. Κομοτηνή, 2005. Σ. 57.

¹⁰ Ibid. Σ. 47.

¹¹ Ibid. Σ. 50–54.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.5.5

Т. В. Панова

Функционирование персонажа «волшебный помощник» в русских и греческих волшебных сказках

Исследование посвящено сравнительному анализу персонажа «волшебный помощник» в русских и греческих волшебных сказках. Материалом для работы послужили сборники Г. Мегаса, Х. Хатзитаки-Капсомену, М. Варвуниса и А.Н. Афанасьева. Проанализировав материал греческих (121, в 87 из которых встречается волшебный помощник) и русских (193, в 137 из которых встречается волшебный помощник) сказок, опираясь на структурно-типологический метод В.Я. Проппа, мы рассмотрели данный персонаж с точки зрения его функционирования.

В первую очередь, мы обратились к разделению данной группы персонажей, в соответствии с основными параметрами их характеристики: антропоморфность/неантропоморфность, естественность/сверхъестественность, наличие исключительных способностей, внешний/внутренний облик, пол, возраст, семейное положение и сословный статус. Таким образом, общая группа персонажа волшебный помощник делится на следующие подгруппы:

1) Антропоморфные помощники. В рассмотренных нами сказках нам встретились два вида данной подгруппы: персонажи, сохраняющие человеческий облик на протяжении всего повествования и персонажи, которые могут принимать зооморфный (или другой облик) в процессе разворачивания сюжета. К сказкам первой категории относятся:

«Князь Данила-Говорила», «Летучий корабль», «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде», «То φίδι («Змей»), «Σεκέρ Μπέρι («Секер Беим»), «Ο μαγικός καθρέπτης» («Волшебное зеркало»), «То ποιο γληγορότερο πράμα του κόσμου;» («Самая быстрая вещь на свете?»). К сказкам второй катего-

рии относятся: «*Μορσκόη царь и Βασίλισσα Премудрая*», «*Царевна сера утица*», «*Η μαγεμένη λίμνη*» («*Заколдованное озеро*»), «*Ο χρυσοπράσινοσ αετόσ*» («*Орел золотозелен*»).

2) Сверхъестественные помощники. Данная подгруппа волшебных помощников является самой крупной и подразделяется на следующие категории:

▶ В качестве сверхъестественного помощника выступают чудища (змеи, змеихи, великаны). Как, например, в сказках: «*Соль*», «*Η Κουδούνα*» («*Колокол*»), «*Τησ γησ ο αφάλοσ*» («*Пуп земли*»).

▶ Судьба: «*Οι παπαρούνεσ*» («*Маки*»).

▶ Бог (или Христос): «*Ο φτωχόσ και τα υρόσια*» («*Бедняк и гроши*»), «*Ταυρά*» («*Яйца*»).

▶ Мертвецы: «*Сивко-Бурко*», «*Свиной чехол*».

▶ Волшебные животные (лошадь, олень, орел): «*Чудесная рубашка*», «*Сивко-Бурко*», «*Ο χρυσοπράσινοσ αετόσ*» («*Орел золотозелен*»), «*Τα χρυσά κλαδιά*» («*Золотые ветви*»).

▶ Волшебные растения (яблоня, ракивов куст, кипарис): «*Буренушка*», «*Гуси-лебеди*», «*Ο Πολυροβιθάσ*» («*Полировисас*»).

▶ Неодушевленные предметы, обладающие антропоморфными чертами: «*Верлиока*», «*Конь, скатерть и рожок*», «*Ο κακόσ Αράλησ*» («*Злой Арап*»).

Описание внешнего облика персонажа чаще всего отсутствует, исключение составляют зооморфные и фитоморфные волшебные помощники (вороной/гнедой конь, яблоня с густыми ветвями и наливными яблочками и т. п.). Представление о внутреннем характере персонажа мы получаем через описание его поступков, наличие эпитетов в этом случае редкое явление. По параметру пола персонажи разделяются на мужские и женские. В случае, когда волшебный помощник имеет зооморфный или фитоморфный облик, пол не указывается. По параметру возраста персонажи разделяются на детей (младшая возрастная категория), представителей средней возрастной категории, старух и старцев (старшая возрастная категория) и персонажей, чей возраст не определен (духи, бесы, великаны и прочие).

Волшебный помощник находится в тесном взаимодействии с героем, подтверждение этому находим в исследовании Хатзитаки-Капсомену: «в любом случае все лица связаны с центральным персонажем, с героем» («Σε κάθε περίπτωση όλα τα πρόσωπα συνδέονται με τον κεντρικό χαρακτήρα, τον πρωταγωνιστή»)¹. Это позволило нам разделить волшебных помощников по типу их взаимодействия с героем. Во-первых, было замечено, что отношение рассматриваемого нами персонажа к протагонисту не всегда строго положительное или отрицательное, то есть может изменяться на протяжении повествования. Во-вторых, это еще раз подтвердило утверждение о наличии в сказках не только положительных волшебных помощников, но и отрицательных и ложных. В связи с этим мы выделили семь основных типов волшебных помощников:

1) Благосклонны к герою на протяжении всего повествования: «Звериное молоко», «Н Маробла» («Марула»).

2) Благосклонны в начале сказки, враждебно настроены в продолжении повествования, благосклонны в конце: «Вещий сон», «Золотая гора».

3) Нейтральны в начале сказки, благосклонны в продолжении повествования: «Та δίδυμα αδέρφια» («Близнецы»), «Ο Κίρκαμπάνος» («Киркабанос»).

4) Благосклонны в начале сказки, враждебно настроены в продолжении повествования: «Το χρυσόψαρο» («Золотая рыбка»), «Жадная старуха».

5) Враждебно настроены к герою на протяжении всего повествования: «Η μητριά, ο γέρος και το αγόρι» («Мачеха, старик и мальчик»).

6) Враждебны в начале сказки, благосклонны в продолжении повествования: «Ο μύλος» («Мельница»), «Чудесная рубашка».

7) Враждебны в начале сказки, нейтральны в продолжении повествования: «Баба-Яга», «Гуси-лебеди».

Согласно Проппу, «круг действий помощника охватывает пространственное перемещение героя (R), ликвидацию беды или недостачи (Л), спасение от преследования (Сп), разрешение трудных задач (Р) и трансфигурацию героя (Т)»². Мы

обратили внимание, что часть этих функций можно разделить на подгруппы. Поэтому мы ввели классификацию по видам оказанной герою помощи:

1) Снабжение информацией (без указания на местонахождение искомого персонажа или предмета), совет, открытие тайны: «Царь-медведь», «Σεκέρ Μπέημ» («Секер Бем»).
2) Указание на местонахождение искомого персонажа или предмета: «То φίδι» («Змей»), «Περύσσο Φινίστα ясна сокола».

3) Выполнение сложных заданий / Решение сложных задач, необходимые для вступления героя в брак: «Елена Премудрая», «Τα δίδυμα ἀδέλφια» («Близнецы»).

4) Выполнение сложных заданий / Решение сложных задач после вступления героя в брак: «Κοζύμα Скоробогатый», «Ο Πολυροβίθάς» («Полировисас»).

5) Спасение жизни героя: «Οι δυο γείτονοι» («Два соседа»), «Ο καλόγερος» («Монах»).

6) Воскрешение героя: «Чудесная рубашка», «Τα χρυσά κλαδιά» («Золотые ветви»).

7) Перевоплощение героя: «Жар-птица и Василиса-царевна», «Ο κάβουρας» («Краб»).

8) Перемещение героя: «Ивашко и Ведьма», «Η εκκλησία και το πουλί τ'αηδόνη» («Церковь и птица-соловей»).

На наш взгляд, важным является момент появления волшебного помощника в ходе повествования. Приняв за точку отсчета возникновение сложной ситуации при развитии сюжета сказки, мы определили три категории волшебных помощников в зависимости от времени их появления:

1) Волшебные помощники, встречающие героя до возникновения сложной ситуации: «Волшебный конь», «Το πιο γρήγορότερο πράμα του κόσμου;» («Самая быстрая вещь в мире?»).

2) Волшебные помощники, встречающие героя во время возникновения сложной ситуации: «Крошечка-Хаврошечка», «Ο Πολυροβίθάς» («Полировисас»).

3) Волшебные помощники, встречающие героя после возникновения сложной ситуации: «Кобыляча голова», «Οι εφτά κόρακοι» («Семь воронов»).

Как уже было сказано ранее, данные классификации были введены нами с целью нахождения различий в функционировании персонажа «волшебный помощник» в русских и греческих волшебных сказках. Опираясь на исследованный нами материал, мы можем утверждать, что вышеприведенные классификации в равной степени применимы к рассматриваемому нами типу персонажа как греческого, так и русского фольклора. В связи с этим мы делаем вывод, что у данной группы персонажей нет функциональных различий.

Примечания

¹ Χατζητάκη-Καψωμένου Χρυσούλα. Το νεοελληνικό λαϊκό παραμύθι. Θεσσαλονίκη, 2002. С. 113.

² Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 2001. С. 73.

СЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ДИАЛЕКТЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.6.1

П. А. Истомина

Дом и его локусы в суеверной прозе (на материалах XXI в. русского населения Республики Коми)

В начале 2000-х гг. сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ¹ Коми НЦ УрО РАН активно осуществлялось комплексное обследование фольклорной культуры компактных русских локальных поселений на территории Республики Коми.

Наше внимание в основном уделялось фольклорной культуре русских заводских поселений, которые были образованы в середине XVIII в. в районах с преобладающим коми населением.

Широкое распространение в местных традициях получили мифологические рассказы, которые имеют отсылки к материнской культуре тех мест, откуда происходили переселенцы.

В представлениях жителей заводских поселений чрезвычайно важное место отводится дому и его защите от различного рода воздействий, в том числе и магических, отсюда в материалах фиксируются расширенные знания по взаимодействию человека с демонологическими персонажами. За основу были взяты устные рассказы о домовом и колдуне.

Дом является для человека неким закрытым пространством, в котором он может чувствовать себя защищенным, но для взаимодействия человека с внешним миром в доме

необходимы отверстия, каковыми являются окна и двери. Отсутствие этих элементов указывает на то, что «герметичный дом является “неправильным”, поскольку из него нет выхода: это гроб, могила»².

Как отмечает Т.В. Цивьян: «Задача хозяина — “контролировать отверстия”: “законный” вход (дверь) и “незаконный” (окно). Именно отверстия становятся основным “семантическим” стержнем дома и двигателем сюжета. И они в каком-то смысле более важны, чем его прочность»³.

Обращаясь к суеверным рассказам о колдунах, отметим что отверстия являются наиболее уязвимыми элементами дома. Так, по представлениям рассказчиков, колдунья может залететь в трубу ночью и нанести вред членам семьи.

В качестве защиты от колдовского вреда, по утверждениям информантов, следует применять превентивные меры, в частности, перекрестить трубу, окна и углы, а также закрыть печную трубу на ночь, тогда колдунья не сможет проникнуть в дом.

Неисполнение таких мер может обернуться для человека негативными последствиями. Так, одна женщина рассказала, что перед сном забыла закрыть печную трубу. В двенадцать часов ночи информантка стала плохо себя чувствовать.

Следует отметить, что дом как замкнутая единица может иметь амбивалентный характер. В частности, в первом случае дом служит защитой от проникновения вредоносной силы извне, в другом — он может выступать как элемент, который способен удерживать зло внутри. В этом отношении интерес представляют рассказы о колдуне, связанные с запиранием его в доме при помощи определенных действий. Например, был зафиксирован текст, в котором родственницы информанта решили проверить на практике слухи о женщине, которую подозревали в колдовстве. Для этого они открыли и перевернули вьюшку, после чего испытываемая не могла выйти из дома.

Помимо этого, распознать колдуна можно при помощи определенных предметов (гвоздей и иголок), в частности, воткнуть их в дверной косяк, тогда колдун не может выйти из дома.

Отметим, что иголки также используются в качестве защиты дома: для того, чтобы колдун не смог войти в дом, в косяк двери втыкают новые иголки, с этой же целью рисуют на дверях кресты.

Немаловажную роль играет домашнее пространство при тяжелой смерти колдуна. По представлениям заводских жителей, если колдун не передал свою силу кому-либо, то он мучился и долгое время не мог умереть. Информантами приводятся несколько способов облегчения его смерти: вынуть из пола/потолка девятую половицу, закрыть трубу в печи, прорубить потолок, вынуть матицу.

Нельзя забывать о том, что сфера дома связана не только с собственно домом, но и с двором и прилегающими к нему постройками. Эти места также нуждаются в пристальном внимании хозяина, так как из-за их большей доступности колдуну проще нанести вред именно в этих локусах.

Несмотря на то, что забор, ворота, калитка выступают в качестве преграды перед кем-либо, они также могут описываться как места нанесения вреда. Так, чтобы расстроить свадьбу, колдунья под калитку будущей невесты закопала вилку. После этого молодая пара поссорилась. Через некоторое время цыганка рассказала девушке, что под ее калиткой закопана вилка. После того, как вилку откопали, девушка с парнем помирились.

Хлев, сарай и другие хозяйственные постройки также подвергаются вредному воздействию колдуна. По некоторым сведениям, колдуны портят животных при помощи подбрасывания каких-либо предметов в хлев. Например, одна женщина при переносе хлева на новое место обнаружила между бревен кость дикой птицы. В другом случае у женщины перестала заходить в хлев корова. Во время осмотра постройки женщина обнаружила над дверями камни. По свидетельствам информантов, для нейтрализации колдовского воздействия обнаруженные предметы следует сжечь в печи, при этом «подклады» нельзя брать голыми руками.

Одним из главных мифологических персонажей, связанным с локусом дома, является домовая. По представлениям

информантов, основными функциями домового являются присмотр за хозяйством и порядком в доме, поддержание семейного благополучия, уход за домашними животными, предупреждение о чем-либо. Местами в доме, где обитает домовый, выступают: дом, печь и печное пространство, хлев, сарай, подполье, чердак. Чаще всего домовый обнаруживает себя в ночное время суток, обозначая свое присутствие скрипом, стуком, треском и др.

В рассказах о домовом информанты сообщают о ряде запретов и предписаний, направленных на то, чтобы добиться доброжелательного расположения домового к членам семьи. В частности, запрещается сквернословить, кричать, ссориться, пьянствовать, нарушать этические нормы.

Для того, чтобы домовый присматривал за домом и не беспокоил по ночам, его принято задабривать, оставляя в определенных местах дома (на столе, в углу) еду и воду.

Рассказчики описывают ритуальные практики при переходе в новый дом, связанные с домашним духом. Ключевым действием является приглашение домового из старого жилья в новое, сопровождаемое определенными словами: «Кокышко-буканушко, поехали с нами, мы поехали на новое место, поехали с нами»; «Домовой, домовый, мы здесь жили дружно, пойдем с нами в новый дом»; «Соседушко-буканушка, давай будем жить вместе, хозяйевать, домовать, хозяйевать» др. (НА Коми НЦ⁴: Ф. 5. Оп. 2. Д. 789. Л. 116). Также один из рассказчиков отметил, что для спокойного сна в новом доме нужно в изголовье кровати поставить горшок с кашей и произнести определенные слова.

Большинство информантов отмечают, что благополучие домашнего скота во многом зависит от отношения к нему домового. Если домашнему духу приходится не по нраву животное, то домовый начинает его всячески изводить: путать шерсть, гонять. Животное становится беспокойным, болеет, худеет, теряет шерсть. Поэтому, чтобы этого не происходило хозяин пытается выяснить какую масть предпочитает домовый, затем купив животное, вводит его в первый раз хлев, соблюдая определенные правила. Перед вводом животного

в скотный двор, обращается к домовому с просьбой хорошо ухода и просмотра за животным.

Таким образом, одной из главных задач хозяина является контроль за домом и прилегающими к нему постройками, а также выполнение превентивных мер и повседневных ритуальных практик, направленных на защиту дома и поддержания его благополучия.

Примечания

¹ ИЯЛИ — фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар).

² *Цивьян Т.В.* Архетипический образ дома в народном сознании // Живая старина. 2000. № 2. С. 2.

³ Там же.

⁴ НА Коми НЦ — научный архив Коми научного центра, Уральского отдела Российской академии наук (г. Сыктывкар).

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.6.2

Ж. А. Панина

Значимые недели в традиционной народной культуре Русского Севера (на материале архангельских говоров)

Для народного календаря характерно почитание не только отдельных дней, но и более продолжительных отрезков времени, в частности, недель. Такие недели получают особое название, с ними связывается особый набор обрядов, примет и предписаний. Это утверждение справедливо и для говоров архангельского региона. Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря»¹, картотеки «Архангельского областного словаря», а также собственных полевых записей автора.

Особенным образом могла выделяться неделя, которая заканчивалась тем или иным праздником церковного ка-

лендаря (однако в настоящее время это может быть и календарная неделя, на которую приходится праздник). Наиболее почитаемые праздники маркировали целую неделю, и их основные семантические доминанты — «набор основных, ключевых мотивов и верований»² являются актуальными в течение всей недели, связанной с этими праздниками.

Так, *Иванов день* (25.06 / 07.07) на архангельской территории был связан со следующими изменениями в природе и в жизни людей: появлялись (или активизировались) кровососущие насекомые, максимальную силу приобретали целебные травы, а некоторые из них росли или цвели только около Иванова дня, наступала пора заготавливать банные веники — то есть *Иванов день* воспринимался как типично летний праздник. Все эти свойства одного дня переносились и на *Иванову (Ивановскую, Иваньскую) неделю*.

Ильин день (20.07 / 2.08) также маркировал собой ту неделю, на которую он выпадал. Илья-Пророк выступает в народном сознании прежде всего в виде грозного «огненного царя» на колеснице³ и повелевает стихией: дождем и грозой. Поэтому вся *Ильинская неделя* характеризуется дождливой, переменчивой погодой, грозами и сильными ливнями. Кроме того, по поверьям, в *Ильинскую неделю* особенно активны медведи, в связи с чем не рекомендуется ходить в лес. Водяная нечисть устраивает свадьбы: *В Ильин день или Ильинска неделя чёрти жёнюца, мógут утопíть*, — поэтому повышается риск утонуть и запрещено купаться.

Вообще, *Ильинская неделя* в связи с образом Ильи-Пророка в традиционной народной культуре ассоциировалась с повышенной опасностью: *Ильинская неделя-то самая страшная, чего-нибудь-то набедакурит. Йему (Илье-Пророку) máло мóляца, так он горячйца. Никогó не щядíт, он покорíтель мíра*.

На северо-востоке архангельской территории период активности медведей наступал позже почти на два месяца — на *Здвиженскую (Движенскую) неделю*, связанную со *Здвиженьем* — праздником в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 / 27 сентября): *На Здвiжэ́нско́й неде́ле гуля́ют медвéди и не рекоменду́йцеца ходи́ть в лес*. Семантика

праздника *Здвиженье* и *Здвиженской недели* связана с народной этимологией их названий: в природе все приходит в движение, «сдвигается» — перед зимой происходит последний всплеск активности. *Здвиженская неделя* — время половой охоты как диких, так и домашних животных. Поэтому *Здвиженскую неделю* могли называть *гулящей* и *медвѣжьей неделей* (*Здвиженье* в архангельских говорах нередко называют *Медвѣжьим праздником*⁴).

Некоторые праздники переносят на ту неделю, на которую они приходятся, только отдельные сведения о приметах. Так, на *Прокопьевской неделе* (День Прокопия праведного — 8/21 июля) следовало быть осторожным во время купания из-за появляющихся в водоемах червей, при этом запрета купаться не было: *Вóлос плывѣт на Прокóпьефской неделѣ. Йѣсли прогагáриши, пот кóжу заплóзѣт. Снег на Алексеевскую неделю (Алексеев день — 17/30 марта) предвещал урожай грибов, а его отсутствие, соответственно, неурожай: На Алексѣйефску неделю снѣк идѣт липучий, мѣхкий, такáя шырокопѣрая — грибѣ будуть.*

Другая группа значимых недель связана с Масленично-Пасхально-Троицким циклом народного календаря. За две недели до начала Великого поста начиналась *Мясная неделя*, по которой судили о погоде грядущей весной: *Вот Меснá-то бóде неделá, так приговáривают: какá Меснá, такá и веснá. На Масленую неделю пекли не только блины, но и другие виды выпечки. Считалось, что на Масленой неделе два воскресенья: Мáсленую фсю неделю с воскресѣнья начинáют и воскресѣньем коньчáют.*

После *Масленой недели* начинался Великий пост. В архангельских говорах отмечены названия только для четвертой, шестой и седьмой недель Великого поста: *Серѣдокрѣстная неделя, Вербная неделя и Страшная неделя.*

В номинации *Серѣдокрѣстная (Середохрѣстная) неделя* соединяются ключевые темы четвертой недели Великого поста: ее срединное положение и практика вынесения из алтаря на середину церкви Животворящего креста⁵. На архангельской территории могли поститься не все семь недель поста, а только три из них, в том числе *Серѣдокрѣстную: Пѣрву*

неделю поста́ по́стуют, да серё́дну неделю́ по́стуют, да за́дню по́стуют, послед́ню неделю́, — это, вероятно, и стало причиной того, что она получила особое название.

Шестая неделя Великого поста — *Вербная* — получила название в честь своего последнего дня — *Вербного воскресенья*, празднующегося за неделю до Пасхи. По поверьям, погода на *Вербную неделю* предвещала погоду на *Троицкую неделю*: *Вербная неделя северистая, троицкая паристая.*

Заключительная неделя Великого поста в архангельских говорах имеет название *Страшная́* (также встречается номинация *Страстная́ неделя*): *Пéрет Пáской идёт Страсная́ недел́я, так стару́шки называ́ют Страшная́.*

На *Страшной неделе* было принято готовиться к Пасхе — убирать избу: *Ра́ньше Пáску ждут, ф Страшную́ неделю́ фсе доу́ечки до́ма перемы́ты, — однако на части архангельской территории существовал запрет на стирку и мытьё: На Страшной́ недел́е не сътира́ют перет Пáской-то. Избега́ли мýця да сти́раця. В четверг на Страшной неделе было нужно перебирать (ворочать) вещи, чтобы в будущем не испытывать нужды: Это на Страшной́ жэ недел́е. Великоде́нный четве́рк, пéрет Пáской — на́до жыво́ты вороча́ть, добро́ вороча́ть.*

Считалось, что в Страстную неделю умирают только грешники: *Умира́ть стара́лись — ну стара́лись не стара́лись, шы́та́лось, ф Страсну́-то неделю́ помира́ют то́лько гре́шники, ужэ по́сле Страшной́ недел́и дак. Те, кто умирает в последнюю неделю Великого поста, соответственно, попадают в ад: Ска́жут — хо́ть бы не помере́ть на Страшной́ недел́е — как в а́т попа́л гре́шэн.*

Неделя, начинающаяся с Пасхи, имела в архангельских говорах следующие названия: *Светлая, Святая, Радостная, Пáсельная неделя.* Всю Пасхальную неделю продолжались всевозможные игры и гулянья. Деревенские жители ходили друг к другу в гости с угощением. В церковные колокола могли звонить все желающие: *Све́тла недел́я, колоко́л фсе́ зво́нили, цэ́лу неделю́ ходи́ли зво́нили на колоко́л.* Это продолжалось до субботы, которая в некоторых говорах называлась *Звонельная*; с закрытием колокольни для посещения желающими *Святая неделя* заканчивалась.

В Пасхальную неделю нельзя было посещать кладбище и работать, особо оговаривалась невозможность стирать: *Ма́ма не дава́ла сти́рать, это́ Свётлая неде́ля*. Однако в некоторых говорах запрет на работу был не очень строгим: *Свята́ ниди́ля, а рабо́тать нико́гда не грэх*.

Таким образом, значимые недели, особо выделяемые в народном календаре Русского Севера, прежде всего связаны с наиболее почитаемыми датами церковного календаря и характеризуются схожим набором ключевых мотивов и верований. В то же время Масленая неделя, четвертая и седьмая недели Великого поста и Пасхальная неделя имеют свое собственное ритуальное наполнение и свои семантические доминанты.

Примечания

¹ «Архангельский областной словарь» / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Т. 1–18. М., 1980–2018.

² Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 15.

³ Панина Ж.А. Семантическое поле 'ПРАЗДНИКИ' в говорах архангельского региона: дис. ... к.ф.н.: 10.02.01 / Панина Жанна Александровна. М., 2015. С. 154.

⁴ Там же. С. 113–114.

⁵ Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 663–664.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.2.6.3

Е. А. Ковригина

Некоторые архаические лексико-семантические особенности говоров архангельского региона (на материале единиц семантического поля 'БОЛЕЗНЬ')

В.А. Плунгян отмечает, что «постоянное изменение языка является одной из существенных особенностей его функционирования» и «полное описание языка должно учиты-

вать и диахронические аспекты»¹. Обращение к диахроническому материалу особенно необходимо при анализе слов, которые «изменили свой исконный смысл, но «помнят» нечто из своего прошлого, и эта «память» влияет на их употребление»². Аппелляция к «скрытой памяти» позволяет объяснить наличие у некоторых слов семантических признаков, отсутствующих в семантике базового слова и актуализирующихся только в семантической структуре словообразовательных дериватов или в условиях особой сочетаемости.

При описании семантического поля 'БОЛЕЗНЬ' на материале говоров архангельского региона особое внимание уделялось историко-этимологическому аспекту. Исследование показало, что современные архангельские говоры сохраняют следы исторического состояния на всех языковых уровнях. Настоящий доклад посвящен некоторым лексико-семантическим особенностям слов, организующих семантическое пространство, соотносящееся с общими обозначениями болезни.

В работе используются данные 1–18 выпусков «Архангельского областного словаря» (АОС), картотеки АОС (ее бумажного и электронного вариантов) и собственных наблюдений автора, сделанных в диалектологических экспедициях³.

1. Глаголы *вы́болеть* и *изболéть*.

Приставочные глаголы *вы́болеть* и *изболéть*, имея в составе один общерусский корень и разные по своему происхождению приставки, приставка *-вы* обнаруживает восточнославянское происхождение, приставка *-из* — южнославянское, сосуществуют в системе архангельских говоров. В старославянских памятниках употребляется только глагол *изболéть*, «в период первых переводов евангельских текстов на славянский язык некоторые южнославянские диалекты... не знали приставки *вы-*»⁴. Рассматриваемые глаголы обладают параллельными семантическими структурами. Приведем несколько примеров:

▶ лексическое значение 'начать испытывать ощущение боли в каком-л. органе или части тела'

вѣболеть — *Вино у меня в роте не бывало, слава Богу. Я вот с цѣйну ложэчку налью иногда. У меня голова вѣболит. А этот опять палец вѣболел, ведрами носили воду.*

изболеть — *Побѣю и голова изболит.*

► ЛЗ ‘стать особенно болезненным, чувствительным от продолжительного пребывания с ощущением боли (о каком-л. органе или части тела)’

вѣболеть — *Бедѣ, сьпѣна фся вѣболит. Утром фстѣну, немогу, ногѣ фся вѣболела. Ноць ревел, фся голова вѣболела. Так фсе это место вѣболело. Рука-то у меня фся вѣболела.*

изболеть — *Фся цѣсто голова изболела. Левый бок весь изболел. Ноги фсе изболели ф колѣнях. Фся изболела рука, как собака грызѣт.*

► Значение ‘пробыв в состоянии болезни, потерять силы, стать изможденным, исхудать’ у рассматриваемых глаголов является первичным. Именно в таком значении данные глаголы зафиксированы в словарях древнерусского языка. При этом если в ЛЯ глаголы утратили свою первоначальную семантику, то в говорах она сохраняется.

вѣболеть — *Худой вѣть, худой, вѣболел. Вѣболела одна, така худѣшчя. Ты фся вѣболела, вон какѣ худѣ. Свекрѣфь фся вѣболела, вѣлежала за этот гѣт.*

изболеть — *Я вѣсохла фся, изболела.*

2. Глагол *поболеть*.

В говорах архангельского региона глагол *поболеть* употребляется в значении ‘прийти в состояние болезни, заболеть’. Данное значение глагола *поболеть* отсутствует в современном русском литературном языке. Однако именно такая семантика была у этого глагола в древнерусский период развития языка. Если в ЛЯ словообразовательный формант *по-* утратил свою возможность присоединяться к глаголу *болеть* в значении «начало действие», то в говорах участие в словообразовательном процессе приставки *по-* в начинательном значении и глагола *болеть* позволяет сохранить исконное значение глагола *поболеть*:

Она хорошая, закоренѣлая, щяс в Няндому увѣзена, поболела грипом, ией племяньник увѣс, детѣй-то у ией никакѣх нѣ было. Я по-

болёл, тут меня нэсколько рас вышыбáло ис пáмети. В дóm худóй увезли, поболéла и такáя стáла. Мы-то поболéли — фсáко опрáвились.

3. Существительное *бóль* и глагол *заболéть*.

В говорах архангельского региона существительное *бóль* имеет значение 'родовые схватки'. Можно предположить, что данное значение является производным, основанным на концептуальной метонимии: при родах испытывают боль, тем самым здесь отражена связь болезни и сильных болевых ощущений. Однако производящий глагол *болéть* в старославянском языке в своей семантической структуре обнаруживает ЛЗ 'иметь родовые потуги'. Это значение уже утратилось в СРЯ, но находит свое выражение в русских говорах в словообразовательных дериватах глагола *болéть*.

бóль — *Нóчью-то фсё бóль прихóдит, а к шэстí утрá родилá пёрвого пáрня, он заревёл.*

Также данные семантические потенции реализуются и у глагола *заболéть*, имеющего значение 'начать испытывать родовые схватки':

Я полпёрвого заболéла — полтрéтево родíла. На пóжне заболём, домóй прибежём, да родíця. Я заболéла, муш ушóл за медíчкой, а я вóтки вы́тила полстакáна — меня разобрáло, быстрéхонько родилá.

4. Сочетание *болéзнь болíт, бóль болíт*.

Сочетания такого типа (этот ряд может быть продолжен: гром гремит, свет светит) приписываются исследователями «древнейшему периоду языка, поскольку они указывают на первоначальную, мифическую причину явления, на мифического деятеля, производящего его»⁵. Впоследствии, по мнению А.А. Потебни, именно из таких конструкций оформится 3 л. безличного глагола.

В диалекте гносеологическая база «складывается и из традиционных знаний крестьянина, в течение столетий связанного с землей, и из архаических представлений об устройстве мира, и из обобщения мгновенного опыта деревенской жизни»⁶. В народной картине мира болезнь предстает как живое мифическое существо, активно воздействующее

на человека. Так, восприятие болезни как деятеля находит свое отражение в языке, в т. ч. и в сочетаниях типа *бóль боли́т, болéзнь боли́т*:

Ме́сяц бу́дет болéть éта болéзнь. Сняла урас, штобы не так бóль-то болéла. Разродíть náдо, болéзни-то мéньшэ боля́т, когда́ разродíш-то.

Таким образом, в говорах архангельского региона слова могут сохранять ту семантику, которую они имели в XI–XVII вв., утраченную современным русским литературным языком. Также лексические единицы способны сохранять в своих семантических структурах потенциальные семы, которые актуализируются в их производных.

Примечания

¹ Плу́нзян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях. Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 325.

² Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 393

³ Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецово́й, Е.А. Нефёдовой. Вып. 1–9. М., 1980–1996; Вып. 10–18. М., 2018.

⁴ Белозерцев Г.И. Префиксы вы- и из- как различительные признаки ранних славянских текстов. Памятники русского языка: вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 122.

⁵ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. С. 345.

⁶ Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность. Язык и личность. М., 1989. С. 46.

Секция
«ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИЕ»

Образы «лишних людей» в творчестве Болеслава Пруса: взгляд с исторической точки зрения

Выдающийся польский прозаик — «реалист чистой воды», как сказал о нем Генрик Сенкевич, — художник, умевший внимательно наблюдать и ярко изображать увиденное, писатель и публицист, в произведениях которого удивительно точно переданы быт и нравы, повседневная жизнь людей в Польше второй половины XIX в. ... Александр Гловацкий, более известный под псевдонимом Болеслав Прус, был и остается одним из известнейших польских писателей.

Творчество Пруса имеет высокую художественную ценность. Он был настоящим мастером слова, писал остроумно и живо, говорил о тяжелом, важном, волнующем, но всегда смеялся: над неудачами, над глупостями, наконец, над самим собой. Правда, трудно не согласиться с утверждением Д.К. Царика, который говорил о его смехе так: «Это юмор, которому трудно довериться, это смех, который заставляет насторожиться. Если сейчас очень смешно, то, значит, что скоро будет очень грустно»¹.

Нашей задачей будет взглянуть на творчество писателя с исторической точки зрения. Почему же оно представляет такой интерес не только для литературоведов, но и для историков?

Болеслав Прус, как уже отмечалось выше, был одним из крупнейших польских писателей-реалистов второй половины XIX в. Его произведения пестрят описаниями польских городов и особенно Варшавы: читая его, начинаешь представлять себе облик города с его тесными шумными улочками, с тихими раскидистыми парками, театрами, магазинами, маленькими светло-желтыми домиками, стоящими рядом с новыми высокими зданиями... Еще более интересны

яркие портреты людей, принадлежащих к самым разным социальным группам. Герои Пруса — шляхтичи и мещане, зажиточные купцы и городская беднота, поляки и евреи; в каждом из них писатель часто подмечал определенные черты, свойственные тому или иному типу.

Именно поэтому произведения Пруса являются таким любопытным источником для изучения польского общества. Писатель говорит об образе жизни, взглядах, мыслях, мировоззрении людей из различных социальных слоев. Каковы были взаимоотношения между общественными группами? Были ли у каждой из них правила поведения, стереотипы мышления, и, если да, то в чем они заключались? Что составляло основной род их занятий, как они проводили досуг? Найденные в творчестве Пруса ответы на эти и многие другие ключевые вопросы позволяют представить себе польское общество наиболее полно и точно.

Понимание специфических особенностей польской общественной жизни, в свою очередь, принципиально важно не только для изучения развития общественных движений и общественной мысли, но и для оценки ряда процессов в области политики, экономики и культуры. Таким образом, проблемы социальных отношений приобретают особую значимость как необходимый элемент для изучения истории Польши интересного нам периода во всей ее полноте.

Что касается проблемы «лишнего человека», выдвинутой нами в качестве ключевой, необходимо отметить, что, безусловно, задачи данной работы не сводятся лишь к описанию соответствующих литературных образов. Цель исследования — выявить, кого именно Болеслав Прус относит к «лишним людям» и понять, почему подобные герои оказываются «вне» польского общества. Для ответа на эти вопросы необходимо будет говорить, с одной стороны, о людях «неординарных» и потому отвергнутых, а с другой — о наиболее типичных представителях различных социальных слоев, и такая постановка проблемы позволит достаточно подробно рассмотреть польское общество, а также увидеть основные социальные противоречия.

Для достижения поставленной цели мы постарались решить ряд исследовательских задач, а именно:

► Обратит внимание на персонажей, которых Прус представляет как людей «прошлой эпохи», проанализировать их образ жизни и «устаревшие» взгляды;

► Рассмотреть образы героев, «опережающих свое время», попытаться объяснить, почему они не могут найти места в обществе;

► Обратиться к женским образам и подумать о том, какого персонажа и по какой причине можно назвать «лишним».

В качестве основных объектов исследования были выбраны два крупных романа Болеслава Пруса — «Кукла»² и «Эмансипированные женщины»³. Именно в этих произведениях, на наш взгляд, Прус особенно остро поднимает проблему «лишнего человека» и дает наиболее полную картину жизни польского общества. Оба произведения представляются действительно очень любопытными и подробными источниками по истории польского общества, развитию общественной мысли. В романах изображены различные социальные слои, показаны взаимоотношения между ними, отражены основные противоречия и конфликты.

Необходимо, с другой стороны, отметить, что любое литературное произведение, безусловно, несет в себе субъективный взгляд его автора. Именно поэтому для нас так важно было постараться «отделить» (насколько это возможно) личное мнение Пруса от описываемых им реалий польской жизни. Иными словами, одной из наших серьезнейших задач на протяжении всей работы было выявление случаев искажения автором польской действительности, поиск причин их возникновения в тексте.

В центре нашего внимания оказались «истории» нескольких героев: Игнация Жецкого, Станислава Вокульского, Юлиана Охоцкого («Кукла»), Стефана Сольского, пани Ляттер, Магдалены Бжеской («Эмансипированные женщины»). Несмотря на отсутствие схожих черт у перечисленных персонажей, есть нечто, что объединяет их — трагическая

судьба быть непонятыми, непринятыми. В настоящей работе мы попытались ответить на вопрос, почему же именно эти личности оказались «лишними».

Примечания

¹ Царик Д. К. Тема утраченных иллюзий в романе Болеслава Пруса «Кукла» // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Т. 47. Вып. 1. 1962. С. 191–206.

² Прус Б. Кукла. Часть первая // Сочинения. Т. 3. М., 1962; он же. Кукла. Часть вторая // Сочинения. Т. 4. М., 1962.

³ Он же. Эмансипированные женщины. Части первая и вторая // Сочинения. Т. 5. М., 1963; он же. Эмансипированные женщины. Части третья и четвертая. Сочинения. Т. 6. М., 1963.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.2

Я. Е. Белых

Амур и череп: тема любви и смерти в творчестве польского поэта Рафала Воячека

Сборник «Сезон» («Sezon», 1969) польского поэта Рафала Воячека (1945–1971, Wojaszek) представляет собой нелинейное лирическое повествование, которое продолжает традиции сложившейся к середине XX в. «исповедальной поэзии» и наследует ее основные черты: деконструкцию авторитетных дискурсов, чрезвычайно сильную образность, достигаемую посредством нелитературного, вульгарного языка, и переход от традиционных форм стихосложения к верлибру, свободному стиху. С другой стороны, на примере таких стихотворений, как «Erotyk» и «Kochanka powieszzonego», включенных в исследуемый сборник, можно установить, что усвоенные традиции находят в творчестве Воячека своеобразное выражение и заметно обогащаются, преломляясь в его авторском видении.

Неразрывная связь сексуальности и смерти в поэзии Воячека обусловлена также его видением смерти в качестве женского образа с одной стороны, а с другой — усвоением символистской традиции «соответствий». Так, сочетание условно «прекрасного» (женщины) с отталкивающим (смертью), берущее свое начало еще в американском романтизме и, в частности в поэзии Эдгара По, звучит у Воячека не как вынужденное сосуществование уродливого и прекрасного, а как естественное, единственно возможное соответствие «жизнь—смерть». «Смерть — другая сторона любви», она — это «очаровательная дама, вездесущая в поэзии [Воячека] — с первой книги стихов является смертью, наконец, подтверждая смысл существования поэта... Рождаться невольно, чтобы умереть от нашей собственной воли — это так шокирует, что не очень сложно определить смысл жизни, если мы упорствуем в этом, она ведь должна иметь смысл; но сперва вы должны жить решительно и жадно, среди рисков и неожиданностей, пытаясь не пропустить ни одной из букв человеческого алфавита, ни одну — самую экстремальную — возможность»⁴.

В процессе работы над докладом было выявлено, что эротизм, совмещенный в стихотворениях Воячека с острым лиризмом темы трагической гибели, устанавливает характерную для его поэтического мира прочную связь реального, физического и духовного аспектов любви, однако границы этих понятий не осознаются лирическим героем до конца. Так называемая «сезонность», темпоральность происходящего, в том числе и любви, характерна для первого сборника Воячека и во многом схожа с «порой» или «сезоном» Артюра Рембо, о котором он писал в книге «Одно лето в аду»⁵. Однако если «сезон» Рембо был строго литературным вопросом, то «сезон» Воячека проник во все сферы жизни поэта.

Немаловажно и то, что в литературной жизни Польши 60–70-х гг. XX в. преобладают политические и гражданские мотивы, которые осмысляются Воячеком не как самостоятельные, требующие концентрации на себе силы, но как один из способов познания себя и своего противоречивого отношения к миру (стихотворения «Żydówka», «List do Królowej Polski»).

Таким образом, сборник «Сезон» является наглядным примером глубокого лиризма, выраженного посредством натуралистического, «исповедального» языка, в котором нашли свое уникальное отражение одни из самых востребованных тем мировой поэзии и который составляет важную часть культурного наследия Польши второй половины XX в.

Примечания

¹ *Nawrocki M.* Tego się naucz każdy, kto dotykasz próżni: rzecz o poezji Stanisława Grochowiaka. Kraków: Wydawn. Arcana, 2007. S. 186–188. Здесь и далее перевод мой. — Я. Б.

² *Fostowicz M.* Mięso nieśmiertelności, [w:] *Który jest. Rafał Wojaczek w oczach przyjaciół, krytyków i badaczy*, pod red. R. Cudaka i M. Maleckiego, Katowice. 2001. S. 207.

³ *Rafał Wojaczek.* Sezon. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1969. S. 56–57.

⁴ *Kolbus E.* Z dziejów krucjaty, której nie było, [w:] *tegoż, Kaskaderzy literatury. O twórczości i legendzie Andrzeja Bursy, Marka Hłaski, Haliny Poświatowskiej, Edwarda Stachury, Ryszarda Milczewskiego–Bruna, Rafała Wojaczka.* Łódź, 1986. S. 377.

⁵ *Рембо А.* Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М., 1982. С. 183.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.3

С. С. Шершне

Память о сталинской эпохе в художественной культуре позднего социализма: снятие табу (на материале «Дома на набережной» Ю. Трифонова и «Человека из мрамора» А. Вайды)

В своей книге «Кривое горе» историк Александр Эткинд вводит понятие «миметическое горе» и определяет его как «реакцию на потерю, которая символически воспроизводит саму потерю»¹. Исследователь продолжает: «Идут года, поколения сменяют друг друга, и миметическое горе перемещается все дальше в виртуальные пространства искусства,

музыки, театра, литературы, а впоследствии — в кино, телешоу и социальные сети². По мнению Эткинда, в Восточной Европе «мягкие» формы памяти (роман, фильмы, споры о прошлом) преобладают над «твердыми» (монументы, мемориалы и музеи)³.

В художественной культуре поздних СССР и Польши два автора создали важнейшие поэтические репрезентации катастрофического прошлого — это прозаик Юрий Трифонов и режиссер Анджей Вайда. Примечательно, что отцы обоих были репрессированы в 1930-х гг. В повести «Дом на набережной» и фильме «Человек из мрамора» было снято табу на дискуссию о сталинизме в художественной культуре. Однако текст и кинотекст объединяет не только историческая и социокультурная роль. Согласно польскому критику Рене Щлизовскому, прозу Трифонова можно сопоставить с фильмами Кшиштофа Занусси. Его, как и Вайду, относят к течению «кино морального беспокойства», существовавшему в 1970-е гг. Время действия (от «сталинизма» до «застоя») и особенности композиции (нарушенная фабула и «ретроспективный» взгляд) могут свидетельствовать об общности в том числе поэтики «Дома на набережной» и «Человека из мрамора».

В докладе преследуются следующие задачи: определить механизмы функционирования «миметического горя» в тексте Трифонова и кинотексте Вайды, а также выяснить, могли ли формальные совпадения в повести и фильме быть обусловлены общими функциями этих механизмов.

Таким образом, в настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотрения исторической памяти о сталинизме в сравнительной перспективе: с одной стороны — в литературе и кинематографе, с другой — в разных, но схожих общественно-политических ситуациях (советской и польской).

Примечания

¹ Эткинд А.М. Кривое горе. Память о непогребенных. М., 2017. С. 10–11.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 226.

«Моральное беспокойство» в кинематографе стран «восточного блока»: уникальность и универсаль- ность

«Кино морального беспокойства» — термин, давно укрепившийся в киноведении и применяемый для характеристики социально ангажированного польского кинематографа второй половины 1970-х гг. Среди его основных представителей такие режиссеры, как Кшиштоф Занусси, Кшиштоф Кесьлёвский, Анджей Вайда, Агнешка Холланд, Феликс Фальк, Януш Заорский, Януш Киёвский (кстати, автор термина) и другие.

В камерных и, на первый взгляд, неброских историях авторам фильмов «морального беспокойства» удалось не просто показать «непредставленный мир» (известная формулировка поэта и эссеиста Адама Загаевского¹), но также выявить болезненные точки в жизни общества, зафиксировать его ускоряющийся нравственный распад. Возможно, наиболее яркий в этом плане персонаж — Лютек Данеляк (в блестящем исполнении Ежи Штура) из «Распорядителя бала» (1977) Ф. Фалька — провинциальный массовик-затейник, который однажды узнает, что в городке готовится торжественный бал, и решает во что бы то ни стало добиться права вести его. В борьбе за место под солнцем оказываются хороши все средства вплоть до предательства ближайших людей: девушки и друга.

Не менее интересен образ доцента Шелестовского (Збигнев Запасевич) из «Защитных цветов» (1976) К. Занусси. Расчетливость, цинизм и конформизм этого героя представляются особенно тревожными, поскольку он общается со студентами, является для молодого поколения в некотором смысле образцом. Заметим, что тема этики в научном мире

волновала Занусси буквально с первых шагов в кино. В дебютной полнометражной ленте «Структура кристалла» (1969) режиссер наметил два различных пути, по которым пошли антагонисты, в прошлом однокурсники и друзья. Первый путь — тихая и скромная жизнь в гармонии с собой на отдаленной метеостанции, второй — научная карьера международного уровня и слава, достигнутая бесчестным образом. Открытая диалогичность фильма, выведение на первый план конфликта двух жизненных позиций позволяют считать «Структуру кристалла» одной из первых ласточек «кино морального беспокойства». Впрочем, иногда истоки этого направления в Польше связывают с еще более ранней картиной, фильмом-расследованием в духе Антониони — «Если кто-нибудь знает...» (1966) Казимежа Куца², и это не случайно.

С середины 1960-х гг. искусство «оттепели» значительно трансформируется — естественно, в непосредственной связи с изменениями политической атмосферы. Если обратиться к советскому опыту, то фильмы «Три дня Виктора Чернышева» (1966) Марка Осепьяна или «Долгая счастливая жизнь» (1966) Геннадия Шпаликова, а позднее «Любить» (1968) Михаила Калика, знаменуют приближение заморозков, беспокойство по поводу будущего, конец иллюзий. Эти картины уже не умещаются в рамки «оттепельного» кино, они проникнуты ощущением неуверенности, недоверия к людям и окружающему миру...

Анализируя влияние трагических событий августа 1968 г. на советское общество, П. Вайль и А. Генис писали: «Коллектив предал личность, заменив коллективную ответственность на индивидуальную. Потеряв мечту об идеале, человек остался в экзистенциальном одиночестве. Ему, и только ему, предстояло решать, что есть добро и зло»³. Так начинается движение от надежд, связанных с реформированием системы, к пониманию невозможности реформ — именно это и становится краеугольным камнем «кино морального беспокойства».

Примечательно, что в Венгрии — стране, которой было суждено в 1956 г. первой пережить шок от столкновения с

«большим братом» (этому предшествовал так называемый Познаньский июнь, однако там было значительно меньше жертв), — подобные настроения появляются в искусстве раньше. Вот как о периоде начала 60-х гг. XX в., «золотом веке» венгерского кино (представленном ранними работами Миклоша Янчо, Иштвана Сабо, Иштвана Гаала), писал его лучший отечественный исследователь А.С. Трошин: «Характер его, если сформулировать коротко, определяло социальное беспокойство, оно же “моральное беспокойство” (выражение ввели в обиход не венгры, как и другое — “социализм с человеческим лицом”, но венгры в не меньшей степени отвечали им своими духовными исканиями в шестидесятые и позже). Венгерские фильмы “морального беспокойства” вглядывались в реальность, в трагическое прошлое и в противоречия социализма, описывали столкновение старых и новых жизненных форм, исследовали связи человека с социальным миром, с историей, размышляли о рамках его индивидуальной свободы и о степени его личной ответственности»⁴.

Слово «размышление» здесь ключевое. Недаром именно так в советском прокате была названа «Структура кристалла» (один из немногих примеров осмысленного изменения названия!). Фильмы «морального беспокойства» предлагали зрителям задуматься над тем, что же с ними не так. И вот что важно: данная тенденция становится едва ли не доминирующей и в советском кино эпохи, которую принято называть «застоем». В первую очередь, режиссером «морального беспокойства» следовало бы назвать Вадима Абдрашитова, о чем автору статьи уже приходилось писать⁵. Кинокритик Ю. Богомолов включает в эту орбиту практически всех режиссеров-авторов, снимавших в 70-е гг.: «...еще при Советах случилась новая волна пост-оттепельного кино: Тарковский, Кончаловский, Панфилов, Шукшин, Сокуров, Абуладзе, Иоселиани, Климов, Смирнов, Соловьев, Абдрашитов, Герман, Балаян, Михалков... Этот кинематограф, по аналогии с “польской киношколой”, можно было бы назвать кинематографом “морального непокоя”. Оно таковым и было. Обеспокоено оно было здоровьем общественного организма»⁶.

Отдавая себе отчет в расширительности подобного толкования «морального беспокойства», нельзя не заметить множество любопытных польско-советских параллелей. Перекликаются между собой два громких фильма начала 70-х: «Надо убить эту любовь» (1972) Януша Моргенштерна и «Романс о влюбленных» (1974) Андрея Кончаловского. Несмотря на совершенно разную стилистику (доведенная до апогея условность, метафоричность советского фильма и традиционный реализм польского), они схожи по своему послылу. Еще одна интересная пара — полнометражный дебют К. Кесьлёвского «Шрам» (1976) и «Премия» (1975) С. Микаэляна. Оба фильма, поначалу кажущиеся типичными производственными драмами, в итоге оборачиваются экзистенциальными размышлениями.

Примеры «морального беспокойства» можно найти и в кинематографиях других стран «социалистического лагеря». Это и творчество Эвальда Шорма в Чехословакии, и болгарские фильмы, посвященные миграции из деревни в город («Дерево без корней» (1974) Христо Христова), и шокирующая румынская лента «Реконструкция» (1967) Лучиана Пинтилие... Конечно, контекст появления этих фильмов отличается, но задача у них общая: они призывают зрителя пробудиться.

В последнее время многие польские исследователи (и мы солидарны с ними) склоняются к тому, чтобы не переоценивать значение «кино морального беспокойства» для истории кино Польши 1970-х. Надо осознавать, что это было одно из направлений. Вместе с тем практически очевидно, что в масштабах всей Восточно-Центральной Европы это своего рода магистральная линия, связующая нить. Ее изучение с выходом за пределы Польши представляется важным и необходимым, поскольку демонстрирует, с одной стороны, общность нашего историко-культурного опыта, с другой — позволяет выявить национальные особенности каждой страны.

Примечания

¹ Zagajewski A. Rzeczywistość nie przedstawiona w powojennej literaturze polskiej // Kornhauser J., Zagajewski A. Świat nie przedstawiony. Kraków, 1974. S. 28–46.

² *Lubelski T. Historia kina polskiego. Twórcy, filmy, konteksty. Katowice, 2009. S. 261.*

³ *Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2013. С. 374.*

⁴ *Трошин А.С. Иштван Сабо: темы и вариации. М., 2008. С. 76.*

⁵ *Вирен Д.Г. Структура кристалла по-русски // Наше время. 2007. № 29. С. 13.*

⁶ *Богомолов Ю.А. Смены веж // Кино в меняющемся мире. М., 2016. Ч. 1. С. 67.*

В приведенной цитате есть известная путаница, которую хотелось бы уточнить: «польская киношкола», конечно, предшествовала «кино морального беспокойства, но никак не была его частью.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.5

М. А. Ламм

Мост на Немане. Эссе А.Н. Карпюка «Из истории гродненского моста, 1392–1944»

В век глобализации и постепенного исчезновения местечковых и региональных различий особенно интересным представляется изучение провинциальной литературы, вслед за В.Л. Кагановским мы понимаем провинцию как «полноценное культурное бытие»¹. Западная Белоруссия — особый регион, тесно связанный культурно-историческими узами с Россией, Литвой и Польшей. Алексей Никифорович Карпюк (1920–1992) — западнобелорусский писатель, журналист и музейный работник — всю свою жизнь провел на «кресах всходних». Сегодня его имя носит одна из улиц города Гродно. Характерной особенностью поэтического мировосприятия писателя является глубокое чувство принадлежности своей малой родине. А.Н. Карпюк родился в небольшой деревне Сташавы в окрестностях Белостока. Учился в польской гимназии в Вильнюсе (Литва), позднее поступил в педагогическое училище в г. Новогрудок (Белоруссия). Данная территория представляла собой единое культурное пространство с особыми традициями, языком и бытом. Жители этих земель нередко называли себя «тутэйшыми» в переписях населения, не ощущая себя в полной мере ни

поляками, ни белорусами, ни литовцами. Особая культура белорусско-польско-литовского пограничья становится главной темой в творчестве Карпюка.

Его биография и литературная деятельность неразрывно связаны с непростой судьбой региона, который на протяжении XX в. многократно переходил из рук в руки, подвергался различным культурным и идеологическим влияниям, в результате чего региональное западнобелорусское самосознание оказалось почти неуместным. Писатель еще подростком принимал участие в антипольском сопротивлении, во время Второй мировой войны командовал партизанским отрядом, а после войны Карпюк, разочаровавшись в новых реалиях, выступал с критикой советской власти. Причиной этого бунтарства стала приверженность писателя к самобытным традициям и укладу Гродненщины. Каждая система — как польская или советская власть в регионе, так и немецкая оккупация — стремилась ввести в самодостаточном и цельном регионе культурные и литературные нормы центра. В подобных условиях особенно сложно было писать на белорусском языке. Как пишет о сложившейся в регионе языковой ситуации гродненская поэтесса Данута Бичель-Загнетова, в западной Белоруссии, «на пересечении границ, народов, культур и языков, где язык нашего выбора большинство всерьез не принимает, словно наш язык есть какая-то тень, где люди никак не могут разобраться, кто они — белорусы или поляки, [...] разговаривают по-русски»². Быть писателем в таких условиях предполагало выбор глобальной идеологической модели и соответствующей культурной традиции: польской (до 1939 г.) или, позднее, советской, однако «что касается Алексея Карпюка, то по отношению к нему чаще употреблялось определение — белорусский писатель»³. Это больше, чем номинация региона, это маркер принадлежности к самобытной региональной традиции: не только в тематике, но также в поэтике и образности.

Эссе «Из истории гродненского моста, 1392–1944» (3 гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944) было опубликовано в 1983 г. в журнале «Беларусь» на белорусском языке. Как в за-

главии, так и в тексте произведения очевидна отсылка к роману Иво Андрича «Мост на Дрине». В центре художественного пространства — подвергаемая набегам и завоеваниям территория пограничья, где взаимодействуют представители разных культур. В романе И. Андрича мост, долгие века стоящий над Дриной, ощущается незыблемой материальной константой: сотворенный человеком, он может быть разрушен по воле людей. В эссе Карпюка мост скорее неизбежен: из века в век он возникает снова на том же самом месте. Сюжет не завершается разрушением, последние части произведения увлекают нас в будущее: «Говорят, самая красивая форма у моста, когда он имеет самую совершенную и современную конструкцию. Таким мы впервые увидели Новый мост. Таким у нас будут и следующие. Ибо народ наш через невзгоды и беду достиг титанического уровня, достойного космической эры. Но полет космических кораблей только продолжает стремительный путь той самой стрелы, запущенной из лука в небеса нашим пращуром в накидке из шкуры зубра, прочертившей параболу, как мост между прошлым и настоящим»⁴.

Мосты были разные, но в названии «Из истории гродненского моста» звучит единственное число, как бы подчеркивая, что Гродно — это культурный мост между востоком и западом, мост между прошлым и будущим. Как директор музея истории религии, Карпюк даже в безусловно художественном и поэтическом тексте упоминает различные документы и дает четкие ссылки на факты. Подобная дотошность литератора является важной особенностью белорусской литературы второй половины XX в. По мнению Н.М. Куренной, «даже неуглубленный анализ развития и вектор движения современной белорусской литературы свидетельствует о том, что документальность — ее характерная и наиболее значительная черта»⁵.

Образ моста в мировой культуре имеет богатое символическое наполнение, это атрибут всех известных религий, культурная универсалия. Мост, по формулировке В.Н. Топорова, «образ связи между разными точками сакрального пространства»⁶. В эссе Карпюка мост означает одновременно

множество единств: связь между народами, а также непрерывность бытия. Структурно эссе разделяется на 12 частей. Проходящая через весь текст мысль о непрерывности времени позволяет предположить аналогию с двенадцатью месяцами — непрерывностью календаря, где год сменяет год, век сменяет век, предки сменяются потомками. Это подчеркивается также структурой текста: от доисторического прошлого к настоящему. В глобальные события мировой истории, такие как открытие Америки, русско-шведская война (интересно, что Карпюк называет ее «шведско-русской») и даже освоение космоса писатель вглядывается с моста, объединяя мифологическое и физическое: «Теперь, когда ушли в прошлое горькие времена, часть народного продукта из Гродно идет через современные мосты города в Польшу, Германию, Францию и даже в чопорную Англию, так как наведение мостов между людьми, между жизнью, правдой и прогрессом на пути к цели — основной смысл человеческого существования и его деятельности»⁷.

Город Гродно, оказавшийся в силу многократных изменений границ в XX в. приграничным городом, не может быть ни замком, ни бантом на полотне железного занавеса. «Мост молчит», — неоднократно повторяет Карпюк в рассматриваемом эссе, раскрывая перед читателем историю края. Но мост — не просто конструкция: это и культура, и люди, и весь город. Сам город Гродно — мост, часть огромного пространства, соединенного общей историей: самодостаточный элемент, но ни в коем случае не изолированный. Традиции этой земли тесно переплетаются с традициями Литвы, России и Польши и все-таки на Гродненщине любят свой мост. Рассуждая об истории, писатель напоминает своим землякам о корнях и исконных — внеидеологических — ценностях пространства. Здесь особенно интересна предложенная автором датировка: 1392 (год связи с Великим княжеством Литовским) по 1944 (повторное вхождение в состав БССР). Тень древнего пращура «в накидке из шкуры зубра» словно подает знак далекому потомку, напоминая основные вехи межкультурного диалога.

Примечания

- ¹ *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. С. 80.
- ² *Бічэль-Загнетова Д.И.* «Сэрца людское яднаецца з сэрцам сусвету...» // *Карпюк А.* Развітанне з ілюзіямі. Гродно-Вроцлав, 2008. С. 6. Здесь и далее перевод с белорусского мой. — М.Л.
- ³ *Черепица В.Н.* Гродненский исторический калейдоскоп: очерки истории, историографии и источниковедения. Гродно, 2013. С. 256.
- ⁴ *Карпюк А.Н.* З гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944. Беларусь. 1983. № 2. С. 25.
- ⁵ *Куренная Н.М.* Документализм в белорусской литературе о войне // Феномен мировых войн в истории XX века: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 381.
- ⁶ *Топоров В.Н.* Мост// Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 176.
- ⁷ *Карпюк А.Н.* З гісторыі гродзенскага маста, 1392–1944. Эсэ. С. 25.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.6

К. Б. Егорова

Д.Н. Вергун между русской и русинской литературами*

Одним из наиболее активных русинских культурных и политических деятелей в межвоенной Чехословакии был Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951). Поэт и журналист, он вел активную деятельность, направленную на популяризацию славянских идей в обществе. Вергун работал в Вене, Петербурге-Петрограде и Праге, где он провел годы эмиграции. В центре внимания Вергуна — исследователя славянского мира — был Карпаторусский край, его история, культура и литература.

Общественная, политическая и просветительская деятельность Вергуна может быть описана и проанализиро-

* Работа ведется в рамках проекта РГНФ 16-04-50095-ОГН «История одного славянского пограничья: Подкарпатская Русь в контексте литературных и эстетических исканий русской и украинской эмиграции».

вана благодаря архивным материалам, сохранившимся в Санкт-Петербурге (основное место хранения — РГИА, отдельные документы — РО ИРЛИ). Несмотря на то, что существует обширная литература по карпаторусскому вопросу¹, жизнь, творчество и политическая борьба Вергуна остались на периферии исследовательского внимания; вопрос влияния этого активного общественного деятеля на процесс национального самоопределения населения Подкарпатской Руси нуждается в специальной разработке.

Просветительская деятельность Вергуна в Подкарпатской Руси соответствовала его сложившимся еще в студенческие годы взглядам на славянство и будущее славянского мира. Борец за права карпаторусского населения изучал славянскую филологию в Вене под руководством выдающегося филолога XIX в. Игнатия Викентьевича Ягича (1838–1923). В студенческие годы Вергун выступил в качестве издателя журнала «Славянский век», являвшегося, по мысли его организатора, всеславянским печатным органом, учрежденным для защиты славянских культурных интересов. После Первой мировой войны Вергун вел активную славянскую политику и (в числе карпаторусских делегатов) принял участие в Парижской мирной конференции, где он выступал за автономию Карпатской Руси и присоединение карпатских земель к России. Эта крайне русофильская позиция Вергуна нашла отражение в его поэтическом творчестве², а также во всей последующей общественно-политической деятельности в Чехословакии.

Политическая жизнь Чехословакии в первые годы существования республики характеризовалась крайне напряженной национальной обстановкой. Сложным и противоречивым оказался языковой вопрос, который на протяжении столетий являлся поводом для дискуссии между приверженцами украинофильских и русофильских взглядов на проблему кодификации русинского языка. Языковые споры вокруг русинского языка в 1920-е гг. приобрели политическое звучание, поскольку в них включились как представители различных политических партий Чехословакии, так и видные культур-

ные деятели русской и украинской эмиграции (помимо Вергуна в дискуссиях приняли участие Е.А. Ляцкий (1868–1942), С.К. Маковский (1877–1962), В.А. Францев (1867–1942)).

Представляется, что именно «политизация» языковых дискуссий, спровоцированная крайне размытой в 1919–1920 гг. подкарпатской политикой правительства Чехословакии, стала причиной разделения русинской интеллигенции на два лагеря «галицийских псевдоукраинских сепаратистов» и «москвофилов-фанатиков».

Вопрос о языке и культурном самоопределении Подкарпатской Руси, входившей в качестве автономной области в состав Первой Чехословацкой республики, с первых дней ее существования был тесно связан с политикой и решался как проблема прежде всего политическая, что создало непростые условия для кодификации русинского языка и создания методологической базы для обучения детей в русинских школах, а также признания русинской литературы как самостоятельного явления, а не части иных национальных литератур.

Позиция Вергуна была однозначной: признание русинской литературы частью великорусского литературного процесса, что нашло сочувствие в кругах русской эмиграции, считавшей эмигрантскую литературу, созданную вне России, частью единой русской литературы. Эта убежденность в неразрывной связи культуры карпаторуссов с Россией повлияла и на точку зрения Вергуна по языковому вопросу в Подкарпатской Руси: обучение населения русскому языку, введение русских школьных учебников и образовательного процесса на русском языке. Таким образом, Вергун предлагал не кодифицировать новый русинский язык на основе русского или украинского, а перенять целиком российскую дореволюционную систему школьного обучения.

Изучение творческого пути Д.Н. Вергуна позволяет исследователю проанализировать во всей полноте историко-культурный контекст, который сложился вокруг самого понятия Подкарпатской Руси как автономии в рамках чехословацкого государства.

Примечания

¹ Исследователи-фольклористы, антропологи и историки обращались к изучению этого региона в различные исторические периоды. О том, насколько объемна современная литература по русинскому вопросу, можно судить по аннотированной пятитомной библиографии карпаторусских исследований, составленной и изданной Полем Магочим: *Carpatho-Rusyn Studies: An Annotated Bibliography* / ed. P.R. Magosci. London; New York: Garland Publishing, 1988–2012.

² Вергун попробовал себя в качестве писателя в 1901 г., издав поэтический сборник «Червоно-русские отзвуки», который выдержал два издания и снижал популярность в среде австрийских неославистов. Следующий поэтический сборник Вергуна — «Карпаторусские отзвуки» — был опубликован после длительного перерыва в 1920 г.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.7

Н. И. Нечаева

История и образ межвоенной Словакии сквозь призму женских образов в творчестве словацких писателей (на примере романов М. Урбана, М. Фигули, Ф. Швантнера, Я. Есенского)

Почти 100 лет назад — в конце октября 1918 г. — словацкие политические активисты торжественно объявили о независимости своего государства. Произошло это в г. Св. Мартин Турчанский. На тот момент в Словакии еще не знали, что за два дня до этого чешские политические лидеры сделали подобное же заявление. Два народа желали независимости от Австро-Венгерской монархии, желая объединиться в одно государство. По итогам Парижской мирной конференции эта возможность была предоставлена чехам и словакам в полной мере. На политической карте мира появилось новое государство — Чехословацкая республика (ЧСР), которое в течение неполных 20 лет будет пытаться построить демократию, став своеобразным *«островом демократии среди бушующего океана авторитарных режимов»*¹.

С конца 1918 г. для чехов и словаков начался новый исторический период. Словаки почувствовали это особенно остро, так как в отличие от чехов, имевших собственное королевство до того, как стать частью Австрийской империи, целое тысячелетие находились под властью венгров. Долгое время, оставаясь *de facto* на уровне национального меньшинства, несмотря на усиленную мадьяризацию, словаки смогли, однако, сохранить свою самобытность, но при этом так и не приобрели политической искушенности. К 1918 г. в Словакии практически не было собственно словацкой аристократии, нация оставалась преимущественно «деревенской», ситуацию спасала только немногочисленная словацкая интеллигенция. Именно в таком состоянии застали словаков чехи в период объединения. Объединение принесло словакам не только звание «государствообразующей нации», но и чувство собственного достоинства. Уже Первая мировая война разбудила в небольшом народе жажду перемен, стремление к сопротивлению: словаки не понимали, за кого на фронте умирают их отцы, мужья и сыновья — австрийский император был для них чужим. Любовь к отечеству, которую пытались навязать словакам венгерские власти, была им непонятна, поскольку своим отечеством они считали родную словацкую землю, теперь же эту землю разоряла война: линия фронта пролегла недалеко от северо-восточных границ Словакии, в связи с чем многие словацкие хозяйства были разорены. Отсюда — повальное дезертирство словаков, нежелание биться на стороне «своих» против славян — русских и сербов, и единый порыв воли и духа, мечта о независимости, которая постепенно становилась реальностью.

Из всех возможных альтернатив объединение именно с чехами оказалось наиболее приемлемым. Однако эйфория словаков закончилась сразу же после подписания Трианонского договора: как им показалось, чехи взяли курс на чехизацию, пойдя путем венгров. Так в Словакии появилось движение, пытавшееся добиться для словаков широкой автономии внутри новообразованного государства. Однако превратить Чехословакию в федерацию автономистам не

удалось. Напротив, к концу 20-х гг. республика окончательно становится унитарной. Это позволило автономистам эволюционировать далеко вправо и привело Чехословакию в итоге к краю пропасти — гитлеровская Германия, жаждавшая реванша, ловко сыграла на противоречиях чехов и словаков и к весне 1939 г. смогла окончательно разделить чехословацкое государство на две части, превратив Чехию в свой протекторат, а Словакию — в подчиненное Германии, но условно независимое государство².

Межвоенный период словацкой истории превосходно описан словацкими писателями — романистами. Более того, нужно сказать о том, что именно в это время словацкая художественная литература наконец-то вырастает из рамок провинциальности и становится известной миру. Словацкие романы переводятся на разные иностранные языки. Первой ласточкой стал «Живой бич» М. Урбана; к сегодняшнему времени словацкая художественная проза стоит в одном ряду с другими европейскими литературами.

Многие из авторов, писавших о межвоенном времени, а также о Первой и Второй мировых войнах, были современниками событий: кто-то из них побывал на войне, кто-то трудился в тылу, кто-то только успел родиться, но всех их объединяет любовь к своей родине. Женские образы в романах словацких писателей весьма колоритны и показательны. Выбранные нами для обзора романы «Живой бич» М. Урбана, «Жизнь без конца» Ф. Швантнера, «Демократы» Я. Есенского, повести М. Фигули из книги «Искушение» и ее же роман «Вавилон»³ имеют одну важную особенность: главные женские персонажи этих произведений отражают своей историей и характером историю и характер своего государства — Словакии. Поэтому нам кажется весьма актуальным в годовщину независимости рассмотреть исторический путь развития Словакии на примере именно женских персонажей.

Примечания

¹ Klimek A. *Voj o Hrad*. 1. Praha, 1996. S. 103.

² Нечаева Н.И. Словацкий вопрос в межвоенной Чехословакии // Славянский альманах. М., 2016. № 3–4. С. 152–159.

³ *Есенский Я.* Демократы. М., 1957; *Урбан М.* Живой бич. М., 1973; *Фигули М.* Искушение. М., 1988. 431 с.; *он же.* Вавилон. В 2-х т. Минск, 1988. С. 382, 350; *Швантнер Ф.* Жизнь без конца. М., 1970. 568 с.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.8

К. К. Маслова

История создания, тематика, проблематика и художественные особенности романа К. Чапека «Кракатит»

В 20-е гг. XX в. определяющим для всего творчества Карела Чапека был интерес к новейшим достижениям науки и техники и значению их в жизни человечества. Предпосылки возникновения этой темы мы можем отметить уже в его ранних произведениях малой формы — «Рассказе назидательном» (чеш. «Povídka poučná», 1908) и рассказе «Система» (чеш. «Systém», 1908), далее она находит свое развитие в драме «Р.У.Р.» (чеш. «R.U.R.», 1921) и, наконец, раскрывается более полно в произведениях крупного жанра: «Фабрика абсолюта» (чеш. «Továrna na absolutno», 1922), «Кракатит» (чеш. «Krakatit», 1922) и «Война с саламандрами» (чеш. «Válka s mloky», 1936). Два романа Чапека — «Фабрика абсолюта» и «Кракатит» — повествуют о том, что может принести человеку использование внутриатомной энергии.

Научно-фантастическая гипотеза Чапека, связанная с идеей расщепления атомов*, предвосхищала создание атомной бомбы. В 20-е гг. это идея была новой, а опасения из-за страшного оружия казались тогда преждевременными и беспочвенными. Расщепление ядра урана, открытое только в 1939 г., еще не было известно, и получение атомной энергии в больших количествах даже ученым-физикам представ-

* Однако она не была уникальна. См., напр.: *Wells G.D.* The World Set Free, 1914 и др.

лялось сложным. Однако открытия Э. Резенфорда, работы А. Беккерля, М. Планка стимулировали замысел романа К. Чапека.

Понятие «кракатит» в романе Чапека имеет как прямое значение (сверхмощное оружие), так и переносное (представление о катастрофических силах, дремлющих в самом человеке и способных вырваться наружу). Основной проблемой, поставленной автором в произведении, является диссонанс между научно-техническим и духовным развитием человечества. Кроме того, Чапек обращается и к другим проблемам: ответственности, индивидуализма, соотношения добра и зла.

«Кракатит» — роман-монография, в центре которого стоит один герой, показанный крупным планом. История борьбы инженера Прокопа за сохранение секрета изготовления кракатита и схватка разнообразных двойственных начал в душе героя составляют содержание книги. Разные чувства владеют им на протяжении романа: эгоистическое тщеславие изобретателя, гордыня гения «деструктивной химии» и чувство человека, знающего на своем опыте, что такое война. Прокоп, гениальный безвестный ученый, человек огромных знаний и поразительной интуиции, чувствует те невообразимые силы, что дремлют в каждой щепотке материи. Физический мир для Прокопа полон взрывов, мгновенных и замедленных. Чапек пытается предостеречь человечество от возможной катастрофы, которую таят в себе результаты научных изобретений (и сам по себе человек). Однако не сам технический прогресс пугает Чапека — он видит трагедию современного прогресса в том, что он не исполняет своего основного позитивного значения, не дает человеку возможностей обрести цельность и гармоничность, а напротив, разрушает, обезчеловечивает его.

Говоря о структуре романа, можно выделить три части — три круга испытаний и искушений, три возможных пути жизни героя: безвестная, тихая, трудовая жизнь в кругу семьи; богатство, слава, возможный брак с аристократкой, купленные ценой выдачи секрета кракатита, и перспектива

безграничного господства над миром. Вновь, как это было в пьесе «R.U.R.», в романе возникает перспектива планетарной утопии. Создается ситуация, когда научное открытие ставит героя в положение человека, который может диктовать миру свою волю, но — ценой страшных человеческих жертв. Чапек ярко освещает проблему творческой личности, а в частности ответственности первооткрывателя перед обществом. Писатель высоко ценит интеллектуальное начало в людях, его привлекают дерзания человеческого гения, смелая концепция переустройства мира, героизм и самоотверженность в их осуществлении. Чапек сосредоточивает свое внимание на людях науки, на творцах современной цивилизации, связывая вопрос об их правах и обязанностях с будущим человечества. Он делает акцент на мысли об опасности притязаний сильной личности, диктатора на власть, его право навязывать свою волю обществу. Прокоп, открывший взрывчатое вещество невероятной силы, в отличие от героев драмы «R.U.R.» — Домина и его коллег — понимает, что он обязан защитить свое изобретение от тех, кто может его использовать во вред человечеству. Он смело вступает в единоборство с милитаристскими кругами и с мощными оружейными концернами. Однако кроме обязанностей первооткрыватель имеет также и права. Но может ли он использовать ту огромную власть, которую дает ему его изобретение, чтобы заставить человечество принять некое идеальное, по его мнению, социальное устройство? Автор отказывает герою в этом праве, так как в таком случае грозит восторжествовать неслыханная тирания и жестокость. Прокоп, потрясенный картиной последствий от действия ужасных сил, пробужденных им, отказывается от мысли о сотрудничестве с Демоном, сулящим ему безграничную власть над миром.

В эпилоге романа Чапек посылает к Прокопу таинственного старика, который убеждает его отказаться от изобретения и от его титанических планов и придумать лучше «какую-нибудь машину, чтоб людям легче работалось [...] чтобы пользы было побольше [...] и чтоб оно светило и грело»¹.

Слова старика заключают в себе мораль романа: «...ты хотел взорваться страшной силой; и вот останешься целым, и мир не спасешь — и не разрушишь. Многое останется в тебе запертым, как в камне огонь; и это хорошо, ибо в этом — твоя жертва. Хотел ты творить слишком великое — а будешь творить малое. И это — хорошо»².

В такой морали есть два аспекта: протест против создания страшного оружия, против войны, насилия, и вместе с тем — вновь высказанные опасения относительно последствий технического прогресса, его грубого вторжения в природу. Призыв автора к подавлению гордыни, к повседневному труду на пользу людям, к созданию вместо кракатита безобидной полезной машины, которая бы «светила и грела», по своей сути гуманен и подсказан добрыми чувствами. Однако чапековская философия «малых дел» трагически бессильна перед реальной угрозой атомной агрессии и войны (это можно проиллюстрировать и личной борьбой Чапека за чешскую независимость). Финал романа свидетельствует об искреннем, но трагически невыполнимом желании автора — разрешить поставленные проблемы «чудесным» путем, примирить непримиримые противоречия.

Обратимся к художественным особенностям романа К. Чапека «Кракатит». Жанрово-стилевая система романа представляет собой результат одновременной реализации возможностей и принципов нескольких различных жанров. Одной из особенностей романа «Кракатит» является то, что научно-фантастическое допущение здесь более правдоподобно, чем в других произведениях писателя. Оно связано с фактически уже сбывшимся предсказанием Чапека. Казавшееся несбыточным его современникам, оно не было столь фантастичным, как «бунт машин» или «эликсир вечной жизни», и опиралось на аналогии с реально растущей мощностью военного оружия, примененного во время Первой мировой войны. Таким образом, роман «Кракатит», включая научно-фантастическое допущение, может восприниматься как гиперболизация уже существующих явлений и тенденций — тем более что экспрессивные фантазмаго-

рические картины как бы вырастают из изображения, тяготеющего к реалистическому плану. Действие романа не сдвинуто ни в прошлое, ни в будущее, оно разворачивается в современной действительности. Места событий достаточно ясны: сначала это Чехия, затем Германия (военный комбинат в Балтине-Дортуме) и Италия. Есть даже элемент социального противопоставления выходца из народа инженера Прокопа и аристократической среды, военных кругов. Большинство событий романа происходит в реальном бытовом контексте, а отдельные фрагменты напоминают картины из произведений Тургенева, Достоевского или Чехова. Писатель стирает грань между реальностью и фантастикой. Зачастую события воспринимаются как сновидения и галлюцинации тяжелобольного Прокопа. Лихорадочное состояние инженера вызывает ощущение кошмара, чудовищности и противоестественности тех злых сил, которым Прокоп дал волю, создав кракатит. В то же время художественный эффект достигается использованием приемов приключенческого жанра, сказки, символично-поэтическими средствами.

Роман вобрал в себя фантастические элементы, реальную историю изобретателя и бытовые картины, экспрессивно-фантазмагорические символы, динамический приключенческий жанр, поэтическую сказку и символическую притчу.

Примечания

¹ Чапек К. Собр. соч.: в 5 т. М., 1958–1959. Т. 4: Кракатит. Гордубал. Метеор. С. 310.

² Там же. С. 309.

Особенности поэтической формы утопии (на материале творчества И. Гауссмана)

Проявление утопического принимает весьма разнообразные формы. На основе многочисленных теоретических работ можно выделить две ипостаси утопии: первая — определенный тип сознания, вторая — непосредственное воплощение утопического сознания в виде: 1) корпуса текстов, составляющих определенный литературный жанр или жанр социальной мысли, 2) социального феномена, то есть практической стороны утопии, связанной с ее реализацией (за основу, с небольшими изменениями берется деление В.Д. Бакулова¹). Философское теоретическое осмысление этого явления представлено, на наш взгляд, наиболее структурированно, в работах Е.Л. Чертковой². Она выделяет такие черты утопии, как создание идеала, противопоставленность истории, акцент на всеобщее благо, рациональность построения идеального общества; добавим также «факторность» Э.Я. Баталова (в реальной действительности утопист видит только отрицательные ее стороны, а в совершенном обществе присутствуют лишь положительные, произвольно выбранные характеристики, которые «работают» на идеал автора утопии³).

Литературная утопия уже давно является объектом внимания исследователей. В художественной литературе сначала сформировался определенный жанровый канон для положительной утопии, а позднее, в XX в. и для отрицательной утопии (антиутопии). Для последней (именно о ней будет идти речь ниже) приведем жанровые признаки, сформулированные О.Б. Сабининой:

► сюжетную схему произведения, развитие действия определяет позиция героя по отношению к описываемому обществу, которая выражает в свою очередь позицию автора;

► герои разделены на два лагеря (мощный, многочисленный лагерь сторонников сложившегося миропорядка и его противники), а конфликт двух идеалов реализуется в их физической борьбе;

► герой находится в постоянном противостоянии с обществом, в отличие от утопии, и как следствие — роман насыщен событиями;

► в антиутопии сохраняется традиционная для утопии фигура путешественника, который наблюдает жизнь нового мира свежим, непредвзятым взглядом, однако в антиутопии оценка героем (выражающая и позицию автора) этого общества негативная;

► гид, который сопровождает героя в его странствиях по новому миру, в утопии — носитель идей этого мира, в антиутопии же он, наоборот, становится яростным противником этого мира, чаще всего гидом героя становится любимая женщина;

► по сравнению с утопиями мир антиутопии более населен, а система образов более сложная, главный герой часто имеет своего двойника⁴.

Такая трансформация жанровых признаков связана с тем, что некоторыми исследователями называется утопизмом, то есть переходом от идеального конструкта, вневременного и внеисторического, к его реализации в конкретных исторических условиях, а значит и со столкновением чистой идеи с реальными условиями, в которые она не может вписаться в принципе.

Перечисленные жанровые признаки были выделены исследователями в первую очередь на материале романских жанровых форм. Именно роман позволяет автору показать изображаемое общество со всех сторон, раскрыть его конфликты (как в антиутопии). В малых формах — рассказах или стихотворениях — выделить более или менее постоянные жанровые знаки гораздо сложнее, поскольку такие формы не обладают теми же возможностями, что и роман. Опыт показывает, что в каждом конкретном случае вывод о том, что перед нами утопическое произведение, или произведение, содержащие элементы утопического сознания, мы делаем на основе анализа набора разных средств. Рассказ может

содержать жанровые признаки антиутопии, свойственные роману, в свернутом виде, частично или потенциально. Похожая ситуация складывается и с небольшими поэтическими произведениями. В сущности, в таких случаях едва ли можно говорить о каноне: слишком редки и неустойчивы такие формы, в особенности, когда речь идет о первых десятилетиях XX в., то есть периоде, на который приходится начальный этап формирования литературной антиутопии. На наш взгляд, задача исследователя при работе с такими произведениями заключается в четком определении механизмов и средств воплощения утопического мышления в художественном тексте, опираясь, если возможно, на романский канон, и на философскую основу явления утопии.

В рамках исследования чешской межвоенной утопии мы сделали ожидаемый вывод, что абсолютное большинство утопических и антиутопических произведений представлено более или менее классической романной формой (всего их более трех десятков). В виде трактата-диалога написан «Телефонный разговор чеха с жителем планеты Марс» (1918) авторства Й. Мичана. Сборники рассказов с чертами утопического принадлежат перу В. Раффела.

Наибольшее жанровое разнообразие мы находим у Иржи Гауссмана (1898–1923) — чешского писателя-сатирика несомненного поэтического таланта, достойно продолжавшего традиции Карела Гавличека-Боровского. Можно смело утверждать, что, несмотря на свой юный возраст, до возвращения Я. Гашека из России Гауссман был первым сатириком в Чехии. Начал он с поэзии, вскоре переключился на прозу, а своеобразным итогом его творческого пути стал роман «Фабричное производство добродетели» (1922). Утопичность у Гауссмана проявляется в своем негативном варианте — все его произведения с признаками утопического мышления можно назвать антиутопиями. Утопия позитивная ему не свойственна вовсе, поскольку как сатирик он в первую очередь видит своей миссией выявить и высмеять недостатки существующих явлений, и даже близких ему по взглядам политических партий и их деятелей он не обходит. В этой

связи сатира и антиутопия служат у него одной цели — вывернуть утопию наизнанку, показать ее нелепость, чтобы не допустить краха хрупкой чешской государственности.

Утопичность Гауссмана проявляется в разной степени, но во всех жанрах, в которых он работал. В самом развернутом виде она присутствует в упомянутом выше романе, в более свернутом — в рассказах, например в «Метафизическом производстве» (сб. «Дикие рассказы», 1922), где социальная система характеризуется разрозненными примерами из жизни общества, и на 4–5 страницах автору удается описать целый период истории человечества.

Реализуется утопичность и в поэзии. Например, в сатирическом стихотворении «AVE!»/«Аве!» (опубликовано в декабре 1918 г.) высмеивается утопизм большевиков и идея революции в Чехии. Гауссман, будучи восхитительным сатириком, обладает способностью вместить объемную идею в небольшой текст, метко обозначив явления, столкнув их между собой и доведя ситуацию до абсурда. Он это делает и в «Аве!»: на объеме менее двух страниц писатель мысленно переносит большевистскую революцию на чешскую землю. На Рождество наступает самое радостное из возможных событий: «не вернулись легионы,/ а пришел к нам Муна!⁵»,⁶ приходит революция, «и теперь буржуев свору/ как свечи повесим/ дома на ёлочки», и далее: «Красный террор на улицу, /товарищи, внесите!/ Слава, ejjen⁷, большевики! Виват Ленин, Este!» В коротких строках скрывается множество отсылок к политическим реалиям современной Чехословакии, до конца понять которые не всегда даже возможно, не пролистав периодику за месяц, предшествующий написанию стихотворения. Этим в какой-то мере восполняется отсутствие пространственных описаний романских антиутопий. У Гауссмана мир реальный, уже читателю знакомый, становится фоном и местом действия стихотворной антиутопии, на современную тогдашнему читателю жизнь накладывается некое допущение, социальный эксперимент в виде большевистской революции.

В докладе будут рассмотрены и другие поэтические произведения Гауссмана.

Примечания

- ¹ Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма: автореферат дис. ... д.ф.н. Ростов-на-Дону, 2003. С. 6–7.
- ² Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3. С. 71–81.
- ³ Баталов Э.Я. В мире утопии: (Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах). М., 1989. С. 21–22.
- ⁴ Сабина О.Б. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30–50-х гг. XX в.: автореферат дис. ... к.ф.н. — М., 1990.
- ⁵ Алоис Муна (1886–1943) — чешский коммунистический деятель.
- ⁶ *Pešta P. Satirik převratu Jiří Haussmann*. Brno, 1999. S. 202–203. Здесь и далее перевод мой. — А. А.
- ⁷ В переводе с венгерского «здесь». Это слово чешские солдаты использовали вместо немецкого hier (чешский вариант в армии Австро-Венгрии был запрещен), во-первых, чтобы не употреблять немецкий вариант, а во-вторых, потому что оно было созвучно с чешским словом jelen (олень), превращая, по сути, обращение к офицеру в обзывательство.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.10

С. А. Кожина

Канон социалистического реализма в чешской литературе 1970–80-х гг.: идеологические и художественные ориентиры официальной критики и их реализация

Термином «нормализация» в чешской историографии обозначается период с 1969 г. (избрание нового правительства во главе с Г. Гусаком) по 1989 г. (Бархатная революция). Традиционно он включает в себя процессы политической, экономической и культурной жизни Чехословакии этого периода, направленные на восстановление предшествующих реформам Пражской весны условий регламентации жизни государства на основе марксистско-ленинской идеологии, возвращение прежнего статуса КПЧ и сближение в решении этих задач с Советским союзом.

Особое внимание нормализационное правительство уделяло вопросам культуры и, уже, литературы. Целью нашего доклада является описание художественных и идеологических требований официальной критики по отношению к литературе периода нормализации и способов их реализации в произведениях.

Литературная критика данного периода характеризуется разделением на две параллельно развивающиеся и взаимодополняющие линии.

Первая, непосредственно связанная с процессами политическими, включает в себя разворачиваемые на страницах крупных изданий («Руде право», «Творба», «Турбина», «Кветы» и т. д.) идеологические кампании против деятелей культуры и искусства сначала 1960-х гг., а позже и представителей андеграунда и самиздата 1970-х гг. Примерами таких кампаний служит критика творчества Л. Вацулика, В. Черного в 1970 г., В. Гавела, П. Когоута после 1977 г. и других. Программные по своему характеру статьи, направленные против творчества активистов самиздата и андеграунда конца 1970-х гг. (связанных в первую очередь с Хартией-77), были объединены в сборник «Во имя социализма и счастливой жизни — против вредителей и самозванцев» (1977). Эти тексты носили преимущественно политический характер, поэтому сосредоточивались в первую очередь на осуждении представителей культурной жизни за их принадлежность к неофициальным течениям и группам. Характеристика поэтики произведений прямо проистекала из социального положения автора.

Вторая линия официальной критики фокусировалась в большей степени на обновлении сформировавшегося еще в 1950-е гг. канона социалистического реализма. На съезде чешских писателей 18 ноября 1971 г. социалистический реализм был снова объявлен «ведущим литературным методом», однако была очевидна его внутренняя пустота: он представлял собой своего рода бесплотную конструкцию. Появилась необходимость в восстановлении его содержания, реконструкции и одновременно с тем пополнении.

Центр критики составляли В. Достал, Й. Рыбак, В. Рзоу-нек, Г. Грзалова, которые стремились к преодолению «вредоносных тенденций» 1960-х гг., возвращению эстетических (на деле идеологических) ориентиров 1950-х гг.¹ Образцом для них являлось творчество М. Майеровой, И. Ольбрахта, С.К. Неймана, В. Ванчуры, В. Незвала. Авторы, излишне поддавшиеся влиянию эксперимента или спиритуализма, осуждались (В. Голан, Ф. Галас и др.). Г. Грзалова в своем труде «Совместное формирование действительности» (*Spolu-vytvářet skutečnost*, 1976) говорит о том, что современное творчество «возвращается к классическим основам социалистической литературы межвоенной и поствоенной, обновляются контакты с классической советской литературой и творчеством современных советских авторов»². К приведенному выше списку «образцов новой литературы» Грзалова прибавляет имена Я. Козака, Я. Коларжовой, Й. Рыбака. Позитивно Грзалова оценивает и изменения, произошедшие в творчестве В. Парала в романе «Молодой мужчина и белый кит» (*Mladý muž a bílá velryba*, 1974). Она, однако, воспринимает социалистический реализм нового времени не как механически воссозданные концепты 1950-х гг., а как синтез предшествующих достижений соцреалистического метода и современных экспериментов³.

Особый интерес работа Грзаловой представляет в первую очередь потому, что в ней автор выводит основные аспекты, на которых основывается «хорошее» произведение:

- ▶ партийность (ориентированность на нужды рабочего класса);
- ▶ историчность;
- ▶ связь прошлого и будущего («изображение жизни как целого [...] как в его современном состоянии, так и в отношении к прошлому и будущему[...]»⁴);
- ▶ назидательность;
- ▶ коллективность («Социализм ликвидирует разрыв между частной и общественной жизнью [...]»⁵).

Соответственно, в центре литературного процесса того периода оказывались произведения, изображающие «про-

цессы социального развития в недавнем прошлом»⁶, которые отвечали почти всем требованиям официальной критики (историчность, назидательность, опора на простые жизненные ценности). К ним относились и те произведения, которые должны были «правильно» охарактеризовать спорные моменты недавнего прошлого (преимущественно 1960-х гг.). Произведения такого плана можно охарактеризовать как «ретроспективные»⁷. Новый тип прозы в своих поисках определенного исторически сформированного идеала для создания образа будущего выполнял и требование дидактизма (правда в таких текстах изображена как непреложная истина, однозначная по отношению ко всем членам общества). Примером может служить творчество Й. Фрайса, Ф. Копецкого, Б. Ногейла и др.

Однако именно в рамках этой линии литературы начали появляться произведения, в значительной степени отступающие от официальных ориентиров, но формально выполняющие требования критики: В. Парала, З. Заплетала, Б. Грабала и др. Они формировали своего рода «среднее течение» — прослойку между официальной и неофициальной линиями литературы. В творчестве данных авторов, маскируясь за клишированным каноном социалистического реализма, продолжали развиваться тенденции 1960-х гг.: изображение жизни отдельной личности и ее взаимоотношений с окружающим миром, стирание границ между «правильным» и «неправильным», размывание понятия «нормы».

Анализ произведений таких авторов представляет собой наибольший интерес. Их творчество демонстрирует не простое механическое следование правилам, а эстетическую переработку требований официальной критики. Нередко путем такой трансформации достигался обратный эффект (Б. Грабал, З. Заплетал): произведение превращалось в тонкую сатиру на современное политическое устройство, жизнь общества и способы его стратификации. Так, в творчестве этих авторов историзм занимает центральное положение, однако не является самоцелью. В романе В. Парала «Мука

образности» (*Muka obraznosti, 1980*) история становится фоном для основного действия, повествования о жизни сомневающегося интеллектуала. Кумуляция событий в романе З. Заплетала «Полуночные бегуны» (*Půlnoční běžci, 1986*) — способом изображения напряженной нормализационной атмосферы. Иначе на переворотные моменты истории в новелле «Городок, где остановилось время» (*Městečko, kde se zastavil čas, 1978*) смотрят и нетривиальные герои Б. Грабала, разрушая тем самым однозначность трактовки.

Таким образом, канон социалистического реализма в период нормализации переживает несколько обратных направленных процессов. С одной стороны, наблюдаются активные (политически обусловленные) попытки его возрождения и восстановления как ведущего литературного метода. С другой, однако, именно они обнаруживают внутреннюю пустоту метода, его клишированность и невозможность применения в новых условиях. К концу 1970-х гг. в центре литературного процесса все чаще оказываются произведения, тем или иным способом нарушающие канонические правила или отходящие от них настолько, что по отношению к ним характеристику «социалистический реализм» применить невозможно.

Примечания

¹ Z dějin českého myšlení o literatuře: antologie k Dějinám české literatury 1945–1990. 4, 1970–1989. Praha, 2005. S. 16. Здесь и далее перевод мой. — С. К.

² Hrzalová H. Spoluvytvářet skutečnost: k vývoji české socialistické kritiky a prózy v letech 1945–1975. Praha, 1976. S. 151.

³ Ibid. S. 153.

⁴ Ibid. S. 155.

⁵ Ibid. S. 157.

⁶ Fialová A. Poučení z krizového vývoje: poválečná česká společnost v reflexi normalizační prózy. Praha, 2014. S. 63.

⁷ Ibid. S. 63–64.

Поэтика сборника рассказов С. Стратиева «Лицо с картин Эль Греко»

В сборнике рассказов С. Стратиева «Лицо с картин Эль Греко» (1997), относящемся к зрелому периоду его творчества, нашли художественное воплощение такие актуальные для писателя проблемы, как проблема истинных и мнимых ценностей, роли дома в жизни человека, памяти и забвения, самореализации личности и др.

Цель настоящего доклада — исследование сюжетно-композиционных, мотивных, пространственно-временных, стилизованных, повествовательных особенностей рассказов, специфики их цветопоэтики.

В архитектонике художественного мира Стратиева важное значение имеет сочетание драматического и комического, причем последнее служит выражением как скептического отношения автора к описываемым событиям, так и некой защитной реакцией на неприемлемые факты окружающей действительности через их осмеяние. О творчестве Стратиева 1990-х гг. И. Димитрова пишет так: «...за гротесковыми, парадоксальными и абсурдными образами и сюжетами следовало бы увидеть боль и переживания писателя о том пути, по которому движется современный мир, о все более уменьшающихся возможностях, которые общество потребления предоставляет личности для самореализации»¹. Однако сборник «Лицо с картин Эль Греко» несколько выбивается из ряда произведений остросоциальной направленности, созданных Стратиевым в 1990-е гг. («Болгарская модель», 1991; «Упражнения в отличиях», 1993; «Стоян» 1995, «Мотивы для кларнета», 1997). Элементы поэтики комического, встречающиеся в рассказах цикла, представлены в весьма редуцированном виде и связаны в первую очередь с фиксацией про-

тиворечивых реалий самой жизни, обнаруживая себя как на уровне сюжета, так и на уровне композиции («Кто-то идет», «Хорошие новости с Балкан», «Вторичный источник»).

Общечеловеческие универсалии Стратиев раскрывает прежде всего через драматические индивидуальные истории героев в рамках малой эпической формы, в данном случае — рассказа. В структуре композиции можно выделить центрального персонажа или событие, к которому тяготеют все другие действующие лица и сюжетные элементы. Как правило, это герой, пребывающий в таком «жизненном положении, при котором под угрозой находится осуществление каких-то важных и значительных, неотъемлемых запросов человеческой личности»². Для раскрытия драмы такого персонажа автор в подавляющем большинстве случаев (в 13 рассказах из 17) выбирает субъективное повествование от первого лица (нарратор — участник событий или сторонний наблюдатель).

Одной из ключевых в данном цикле является тема безрадостной, уходящей или загубленной жизни (как по собственной вине, так и под влиянием внешних обстоятельств). Большинство персонажей переживают «осень» своей жизни, и их настоящее противопоставлено «прекрасной молодости, которая никогда не вернется»³. «Бабье лето» с «чистыми и яркими днями»⁴ предстает хронотопом-границей, когда для героев, находящихся в его пределах, перемены либо наступают, либо нет («Эта жизнь была так непохожа на ту, какой они жили прежде, жалко, что она пришла поздно, осенью их жизни»⁵; «Прошло и бабье лето [...], оно было божьей благодатью, но ночью становилось холодно, и аллеи укрывала опавшая листва»⁶). Благодаря широкому использованию пейзажных зарисовок Стратиеву удается маркировать пространство прошлого и настоящего, идеального и актуального, используя поэтику цвета: белизна снега, «коричневая пряжа» осени, «приглушенная желтизна опавших листьев»⁷ противопоставлены краскам весны и лета.

Как и в других прозаических сборниках Стратиева, важную структурообразующую функцию имеет специальный

фактор. Действие разворачивается, как правило, в небольших замкнутых пространствах: парк («Старик»), приморский городок («Лицо с картин Эль Греко»), кинотеатр на окраине города («Последнее кино»), отель на парижской улочке («Вторичный источник»), квартира, жилой дом («Кто-то идет»), почтовое отделение («Кошка на лестнице»), «старый, родной заповедник»⁸ («Шкура для азбуки») и т.д.

Мысленное или физическое возвращение в места прошлого порождает ретроспективную композицию ряда рассказов и использование в них таких оппозиций, как *настоящее / прошлое, близкий / далекий, разрушенный / новый, старый / молодой, пустой / наполненный, действительный / желаемый, цветной / бесцветный, белый, домашний / бездомный, бродячий* и др. Можно предположить, что в основе логики подобных бинарных семантических оппозиций лежит мифологическая оппозиция *хаос / порядок*, главных концептов конструирования бытия. Интересно, что подобная тенденция к использованию биспациальных хронотопов наблюдается у Стратиева и в его ранних работах (например, в рассказах цикла «Одинокое ветряные мельницы» 1969 г.), и в произведениях 1970-80-х гг. В сборнике «Лицо с картин Эль Греко» продолжает развиваться важная для Стратиева тема утраты / обретения идентичности через корреляцию с концептом дома. Дом — образ-символ, конституирующий пространство этого цикла. «Недомашние» пространства, мимикрирующие под дом, пригодны для жизни, но «лишены как внутренней динамики, так и внешней перспективы, поскольку не обладают механизмами сохранения памяти»⁹. Физическое разрушение родного пространства или невозможность возвращения в него, коррелирующие с трансформацией системы нравственных ценностей, приводят к необратимым изменениям в судьбе персонажей, смерти («Исчезающие хоругви», «Старик»). Через индивидуальные судьбы героев рассказов воссоздается по сути «вечная история», которая «на наших глазах начинается, развивается и заканчивается»¹⁰.

Эпическую прозу Стратиева следует рассматривать как сверхтекстовое единство, поэтому в докладе планируется

осуществить помимо вышеуказанных задач исследование проблем автопересказа и цитации, сквозных образов и деталей, характерных для художественного мира писателя.

Примечания

- ¹ *Димитрова И.* Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. Велико Търново, 2015. С. 199. Здесь и далее перевод мой. — *Н. Л.*
- ² *Хализев В.Е.* Драма как явление искусства. М., 1978. С. 56.
- ³ *Стратиев С.* Лице от Греко. София, 1997. С. 130.
- ⁴ Там же. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 53.
- ⁷ Там же. С. 43.
- ⁸ Там же. С. 36.
- ⁹ *Димитрова И.* Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. С. 35.
- ¹⁰ *Стратиев С.* Лице от Греко. С. 116.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.12

Е. В. Шатъко

Стилистические фигуры контраста в сборнике рассказов «Страшные любовные истории» М. Павича

Творчество М. Павича, сербского прозаика-постмодерниста, отличает витиеватый язык — с избыточной метафоричностью, недосказанностью, развернутыми сравнениями, архаичной лексикой, тяжеловесными перечислениями. Знарок сербской литературы периода барокко, он использовал ее поэтику в своем творчестве: «Те люди очень хорошо знали, что внимание того, кто вас слушает, должно оставаться в напряжении, и умели этого добиваться [...] У них я научился тому, что делаю в литературе: в каждом предложении бороться за своего читателя»¹.

Павич часто использует прием антитезы, как сперва может показаться, без видимой на то причины: например, при описании интерьера («Одна дверка открывается только в день, а другая только в ночь»², «...большая комната, где один угол был глухим, а три других обладали эхом»³), в характеристике персонажа («Днем ее ум работает быстрее, чем сердце, но ночью наоборот»⁴, «Быстро и без дрожи в голосе переходила она с самых тихих звуков на самые громкие, со скорых на медленные, с высоких нот — на басовые»⁵, «...напудренные щеки отсвечивали — одна фиолетовым, а другая желтым»⁶, бедняк, «у которого в этом городе имеется всего лишь пятьдесят домов»⁷), при передаче его эмоционального состояния («...слышал, как свистят его уши — левое басом, а правое тоненьким голоском»⁸, «Мы жили быстро, и время для нас текло медленно, потому что мы его обгоняли. А теперь мы живем не спеша и наше время плывет все скорее...»⁹) или при описании окружающего мира («Прошла весна, когда луга пахнут завтрашним утром, наступило лето, и нивы запахи вчерашним днем»¹⁰).

Двойственность мира и самого человека — мотив, характерный для литературы барокко, — встречается и в прозе М. Павича. В сборнике рассказов «Страшные любовные истории» предлагаются две концепции соотношения души и тела. В «Истории о душе и теле» представлена следующая идея: «У души, как и у тела, есть свои органы. Узнав об этом, мы начинаем понимать, что реальность двойственна. [...] У души их [органов] десять — в два раза больше, чем органов чувств у человека. С их помощью душа общается с миром, который содержит внутри себя»¹¹. Тогда как в рассказе «Шляпа из рыбьей чешуи» предлагается иное видение: «Душа и тело — лабиринт... Тело — это стены лабиринта, а душа — дорожки, ведущие или не ведущие к центру»¹². Лабиринт также является важным философским символом жизни в эпоху барокко.

Прием антитезы важен и для создания героя-двойника. В рассказах «История о душе и теле» и «Шляпа из рыбьей чешуи» главному герою-мужчине противостоит и одновре-

менно его дополняет женский герой-двойник, тогда как в рассказе «Корсет» героем-двойником женского персонажа выступают сразу два женских образа, один из которых в финале сливается воедино с образом главной героини. Так Павич, с одной стороны, воссоздает традиции литературы барокко, а с другой — предлагает их новое прочтение, постмодернистскую игру с устойчивыми образами и мотивами. При создании подобных образов Павич часто использует противопоставление мужское-женское: «Я положил в огонь и мужских, и женских дров»¹³, «Мужчины любят зрением, а женщины слухом»¹⁴, «две кровати — женская и мужская»¹⁵, «...за стенами смешивались волны. Звуки мужской и женской речи»¹⁶, «И вдруг бог знает откуда, из Верхнего Котора, в этот женский смех ворвался бархатистый мужской голос»¹⁷, «Затем ощутил мужское желание, и, наконец, на голове его выросли чьи-то чужие волосы. Явно женские»¹⁸, «Они раздели друг друга и снова одели, он ее — в свою мужскую одежду, а она его — в свою женскую»¹⁹. Антитеза мужское-женское у Павича может быть выражена не только лексически, но и на уровне развернутых образов. Герой рассказа «Сводный брат» носит две пары часов (свои золотые и серебряные часы своей возлюбленной, чтобы получать известия о ее жизни). Герой рассказа «Шляпа из рыбьей чешуи» собирает коллекцию ключей и замков: ключи являются одновременно подсказкой на жизненном пути и символом мужского начала.

Павич использует антитезу на разных уровнях организации художественного текста: в качестве интенсификатора нереальности описываемого, что является характерным для него приемом при создании авторской (художественной) картины мира, для создания героя-двойника (рассказы «Корсет», «Шляпа из рыбьей чешуи»), а также как основу композиции произведения (рассказ «История о душе и теле»). Подобное использование противопоставлений, зачастую намеренно лишённое правдоподобия, позволяет автору создать вымышленный, эфемерный мир и одновременно создать своего рода оммаж литературной традиции барокко.

Примечания

- ¹ Kratka istorija jedne knjige. Izbor napisao Hazarskom recniku Milorada Pavića. Beograd, 1991. С. 28. Здесь и далее перевод мой. — *Е. Ш.*
- ² *Павич М.* Страшные любовные истории. СПб, 2006. С. 23.
- ³ Там же. С. 68.
- ⁴ Там же. С. 28.
- ⁵ Там же. С. 111.
- ⁶ Там же. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 82.
- ⁸ Там же. С. 108.
- ⁹ Там же. С. 118.
- ¹⁰ Там же. С. 110.
- ¹¹ Там же. С. 42–43.
- ¹² Там же. С. 113.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁶ Там же. С. 49.
- ¹⁷ Там же. С. 50.
- ¹⁸ Там же. С. 106.
- ¹⁹ Там же. С. 113.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.13

А. В. Бырина

Особенности поэтики романа Павла Виликовского «Первая и последняя любовь»

Роман Павла Виликовского «Первая и последняя любовь» (2013) состоит из двух частей: «На левом берегу памяти» и «Четвертая речь». В центре внимания писателя — человек. Однако личная драма героя первой части, успешного фотографа Камила, потерявшего интерес к фотографии и занятого поиском нового смысла жизни, интересует писателя в более широком смысле. Это также поиск смысла жизни всех современников Камила. Повествование ведется в двух

временных контекстах: жизнь в современном мире, которую Камил не понимает и понимать не хочет, и его прошлая жизнь — мир его воспоминаний.

Жизнь новая полна незнакомых, неприятных вещей. Например, раньше Камилу никогда не приходилось знакомиться со спонсорами. Когда же ему представляют такого спонсора, Камил всеми силами пытается найти в нем что-нибудь отталкивающее. И найти не может. Спонсор оказывается не чудовищем, а приятным и учтивым человеком. Дабы не расставаться со своими иллюзиями, Камил старается обидеть спонсора, спровоцировать его, заставить показать свое истинное лицо (которое, по мнению Камила, обязательно должно быть).

Другое дело — мир его детства и юности. Камил встречает одноклассников — и его зрение превращает немного безумного пьяного господина в кудрявого мальчугана, а ухоженную (но уже не молодую) женщину — в девочку-подростка, в которую он был когда-то влюблен. Герой едет в родной город своей няни, ищет ее дом. Сквозь современный вид улиц в его воображении проступают улицы прошлого. Он будто разглядывает их на старинных фотографиях. Все это помогает ему понять, почему он, будучи еще подростком, принял решение стать фотографом. Но вновь он начинает фотографировать, лишь обнаружив могилу няни, выросшей его, то есть отыскав во внешнем мире доказательство того, что Рези, чье лицо он никак не мог вспомнить, все-таки существовала.

Вторая часть, обозначенная автором как рассказ, имеет более сложный характер. Виликовский обнажает повествовательскую стратегию, заигрывает с читателем, то и дело повторяя, что история его героя — литература и фикция.

Повествователем второй части является бывший учитель словацкого языка Габриэль. Это фиктивный герой, герой-функция. О фиктивности Габриэля Виликовский заявляет уже на третьей странице рассказа: «Этот мужчина не настоящий, это персонаж из рассказа. Мы могли обозначить его как героя, так делают, но мы его так не назовем, поскольку

ку в нем нет ничего героического. Его будут звать Габриэль, чтобы мы его не спутали со всякими Йозефами, Мартинами или Паволами, которых у нас имеется в изобилии. С Даниэлями, Патриками и Кевинами мы бы его не перепутали: он для этого слишком стар»¹. Однако автор достаточно подробно описывает прошлое Габриэля, его симпатии, личное мнение относительно услышанного. В этой части романа речь вновь идет о поиске собственного Я. И тем интереснее, что этими поисками занят тот, в чьей фиктивности Виликовский пытается заверить своего читателя.

Габриэль фиксирует на бумаге чужие воспоминания. Он верит, что подлинная история существует лишь в устных свидетельствах очевидцев, а история, написанная учеными, — «буквы на бумаге»², ведь для нее существуют лишь народные массы, и нет отдельного человека. Настоящая же история живет в словах тех, кто был ей свидетелем. Поэтому, делая свои записи, Габриэль как бы заставляет страшное прошлое исчезнуть, превращает его в литературу, то есть в фикцию. Исторические события, которые собирает Габриэль, объединяет жестокость сильных и бессилие слабых: жизнь в России времен Первой мировой войны, последовавшие после ее окончания политические изменения, наступление фашистского режима в Словакии и вершина жестокости — холокост. Героя мучает вопрос, как вообще люди могут жить дальше, зная, что произошло что-то подобное.

Связующей нитью двух частей романа, по мнению Л.Ф. Широковой, является возникающий и во второй части романа образ няни, выростившей эмигранта. Габриэля также преследует неуловимый женский образ — уведенная в Освенцим Эма Шлезингер, облик и характер которой он пытается вообразить и домыслить.

При анализе текстов Павла Виликовского стоит, в первую очередь, обращать внимание на название произведения. Название второй части «Четвертый язык», пишет Л.Ф. Широкова, объясняется уже в эпиграфе³: «Прессбург — был трехязычным городом. Четвертым языком было молчание»⁴. Исследовательница отмечает, что сюжет развивается

по двум параллельным линиям: условно «правдивой» (рассказ старого русского эмигранта о пережитом во время гражданской войны) и условно «вымышленной», описывающей жизнь Габриэла, который записывает рассказ старика.

Другим аспектом, на котором критика сосредоточивает свое внимание, является прочтение какого-либо произведения Виликовского в контексте творчества писателя в целом, исследование метатекстуальных связей между произведениями автора. Так, Петер Мраз, например, пишет, что романы «Первая и последняя любовь» и «Мимолетный снег» (2014) объединяет проблема силы или бессилия слова, которая прослеживается уже в самом первом произведении писателя⁵.

Исследователи Ладистав Чузы⁶ и Марта Соучкова⁷ сходятся во мнении, что Виликовский, оставаясь верным себе, ведет в романе «Первая и последняя любовь» диалог-дискуссию с читателем, предлагает ему сотворчество. Данного эффекта он добивается путем «обнажения» стратегии повествования, всячески подчеркивая, что речь идет исключительно о литературе. Этой же точки зрения придерживается и Л.Ф. Широкова.

Виктория Киссова⁸ добавляет, что поэтике Виликовского свойственна фрагментарность, недосказанность, и это побуждает читателя стать соавтором, заполнить пустоту, на что он имеет полное право. Таким образом, говорится в статье Владимира Петрика, среди всех современных прозаиков Павел Виликовский выделяется не только тем, о чем он пишет, но и тем, как он пишет⁹.

Примечания

¹ *Vilikovský P. Prvá a posledná láska*. Bratislava. Slovart. 2013. S. 141. Здесь и далее перевод мой. — А. Б.

² *Ibid.* S. 139.

³ *Широкова Л.Ф.* Роман в словацкой литературе XXI в: модификации жанра, автор, герой. Художественный ландшафт «нулевых». Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века. М., 2014. С. 316–337.

⁴ *Vilikovský P. Prvá a posledná láska*. S. 137.

⁵ *Mráz P. Pavel Vilikovský: Letmý sneh*. (Recenzia). Slovenské pohľady. roč. 4. + 131. 2015. č. 9. S. 111–112.

⁶ Čúzy L. Pavel Vilikovský: Prvá a posledná láska. Slovenské pohľady. roč. 4. + 129. 2013. č. 11. S. 126–128.

⁷ Součková M. Menej sa čudovať, stále žasnúť. Pavel Vilikovský: Prvá a posledná láska. Bratislava: Slovart. 2013. Bratislava. Romboid 8. 2014. roč. XLIX. S. 63–65.

⁸ Kísová V. Pavel Vilikovský: Vlastný životopis zla. Slovenské pohľady. 2010. č. 4. S. 120–122.

⁹ Petřík V. Zlo v nás a mimo nás (Pavel Vilikovský: Vlastný životopis zla). Bratislava. Romboid 2. 2010. ročník XLV. S. 27.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Анна Константиновна — Институт славяноведения РАН

Алексеева Алина Сергеевна — Институт славяноведения РАН

Амелина Анна Вячеславовна — Институт славяноведения РАН

Артюшкова Елизавета Евгеньевна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Бакаева Анастасия Владимировна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Бакшаева Алёна Андреевна — Казанский (Приволжский) федеральный университет

Белых Яна Евгеньевна — Санкт-Петербургский государственный университет

Борисова Елизавета Олеговна — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Бырина Анастасия Владимировна — Институт славяноведения РАН

Ведерников Михаил Владимирович — Институт Европы РАН

Вирен Денис Георгиевич — Государственный институт искусствознания

Гимадеев Тимур Владимирович — Казанский (Приволжский) федеральный университет

Горбушина Ирина Александровна — Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Городецкая Наталья Борисовна — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

-
-
- Кузьмичева Анастасия Евгеньевна** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Кулешова Мария Львовна** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Лагно Анна Романовна** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Ламм Мария Андреевна** — Институт славяноведения РАН
- Лапунов Алексей Алексеевич** — Санкт-Петербургский государственный университет
- Левина Полина Александровна** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Леонтьева Анна Андреевна** — Институт славяноведения РАН
- Луганская Анна Николаевна** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Лунькова Наталья Александровна** — Институт славяноведения РАН
- Маслова Ксения Константиновна** — Институт славяноведения РАН
- Матвеевко Екатерина Алексеевна** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Махмутай Ноэла** — Санкт-Петербургский государственный университет
- Мельчакова Ксения Валерьевна** — Институт славяноведения РАН
- Нечаева Надежда Ильинична** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Никифоров Денис Игоревич** — Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва)
- Новосельцев Борис Сергеевич** — Институт славяноведения РАН
- Мошечков Петр Владимирович** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
- Панина Жанна Александровна** — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Панова Татьяна Вячеславовна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Парфирьев Дмитрий Станиславович — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Пахомова Лидия Юрьевна — Институт славяноведения РАН

Пенькова Яна Андреевна — Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Петрович Игорь Константинович — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Пинхасик Ирина Евгеньевна — Институт иностранных языков Московского педагогического государственного университета

Полякова Мария Владимировна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ридэль Иван Петрович — Институт славяноведения РАН

Саданович Эвелина — Белостокский государственный университет (Польша)

Скачедубова Мария Вадимовна — Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Смирнов Яков Николаевич — Институт славяноведения РАН

Соболева Александра Евгеньевна — Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Струнина-Бородина Наталия Григорьевна — Институт славяноведения РАН

Турилова Мария Валерьевна — независимый исследователь, Калуга

Улитова Анастасия Сергеевна — независимый исследователь, Санкт-Петербург

Чернышенко Дарья Юрьевна — Библиотека Российской академии наук

Чиварзина Александра Игоревна — Институт славяноведения РАН

Шатин Владимир Юрьевич — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Шатько Евгения Викторовна — Институт славяноведения
РАН

Шершнев Сергей Сергеевич — Национальный исследова-
тельский университет «Высшая школа экономики»

Шишкова Анна Сергеевна — Санкт-Петербургский государ-
ственный университет

Шляхтенко Евфросиния — Вильнюсский университет (Литва)

Щербакова Марина Сергеевна — Российская национальная
библиотека

Якимова Агата Павловна — Институт славяноведения РАН

Яхонтова Яна Борисовна — Московский государственный уни-
верситет имени М.В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Лапунов А. А.

«Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян»
К. Г. фон Антона как первая энциклопедия о славянах 4

Касаткин К. А.

Образ сербов в работах И. П. Липранди 1820–1870-х гг. 7

Гимадеев Т. В.

Реакция на славянофильскую концепцию гуситского движения в чешской историографии середины XIX — начала XX вв. 11

Колмакова М. В., Чернышенко Д. Ю.

Книги из личной библиотеки О. М. Бодянского в Славянском фонде БАН 15

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Гуревич К. И.

Образ половцев-союзников в ранних древнерусских летописях 18

Коряков Д. А.

Отношения Балшичей и Венеции в конце XIV в. в контексте турецкого нашествия 22

Ридэль И. П.

Между Римом и Прагой. Ян Пршибрам — католический гусит и гуситский католик 25

Щербакова М. С.

Повседневная жизнь шляхты сквозь призму частной делопроизводственной практики (на основе инвентарей Великого княжества Литовского XVI в.) 30

ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Полякова М. В.

Протонациональные и конфессиональные мотивы
в идеологии Барской конфедерации 1768–1772 гг. 35

Динеш П.

Путешествие императора Иосифа II по России в 1780 г.
глазами императорского духовника Ф.К. Калатаи 38

Леонтьева А. А.

К вопросу о праве владения оружием
христианами Османской империи
(на материалах наследственных описей г. Софии
в XVIII — начале XIX вв.) 41

Дронов А. М.

Военная граница: от армии под командованием Габсбургов
к автономной провинции империи (XVIII–XIX вв.) 47

В ДОЛГОМ ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Петрович И. К.

Идея славянского единства
в общественном движении России
первой половины XIX в. 52

Ксенофонтов И. А.

Франтишек Ладислав Ригер в поисках
зарубежных союзников в 1867–1871 гг. 55

Мельчакова К. В.

«Благочестивый обманщик» митрополит Дионисий
в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е гг.
(по материалам донесений российских консулов) 59

Никифоров Д. И.

Политические решения Сербского княжества
по восстанию в Боснии и Герцеговине
в августе–сентябре 1875 г. 64

Струнина-Бородина Н. Г.

О поездке русского художника В.Д. Поленова
на Балканы в 1876 г. 67

Пахомова Л. Ю.

Российское консульство в Боснии и Герцеговине
в австро-венгерский период 71

Киреева (Сергеенко) Е. С.

Сербо-черногорские отношения
и Косовский вопрос на рубеже XIX–XX вв. 76

Махмутай Н.

Политическая философия в Албании
во время Возрождения 79

**БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ:
НА ПУТИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ**

Гусев Н. С.

Хотели ли русские войны
из австро-сербского конфликта в 1912 г.? 83

Артюшкова Е. Е.

Балканский опыт РОКК:
отчет о Первой Балканской войне 87

Градобоев И. А.

Балканские войны в мемуарах и дневниках
македонских болгар 91

**РАСПАД АВСТРО-ВЕНГРИИ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

Парфирьев Д. С.

Холмщина в геополитических планах
украинских политиков Австро-Венгрии (1915–1916 гг.) 96

Мошечков П. В.

Чешско-Словацкий корпус
между Западным и Восточным фронтами
(конец 1917 – начало 1918 г.) 100

Луганская А. Н.

Как Чехословакия получала свои границы:
дискуссия о Гроссе-Шют 104

ИЗ ИСТОРИИ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Кузьмичева А. Е.

Юзеф Бек: «диктатор внешней политики» 107

Шипкова А. С.

Польская пресса межвоенного периода:
обзор источников. Роль ежедневных изданий
в исторической политике Второй Речи Посполитой 110

**ЮГОСЛАВИЯ
И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА**

Городецкая Н. Б.

Начало идеологического раскола
в социалистической Югославии
(первая половина 1960-х гг.) 115

Новосельцев Б. С.

«Еретики» в международном коммунистическом движении.
Реакция Югославии и Румынии на интервенцию
в Чехословакию 119

**ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Колосков Е. А.

Косовский миф в сербском политическом дискурсе
(1986–1991) 124

Смирнов Я. Н.

Российская дипломатия
и Югославский кризис в 1992–1995 гг. 128

Каткова Е. П.

Феномен «югоностальгии» в современной Словении 132

Александрова А. К.

Особенности протестного движения в Греции
на начальном этапе финансово-экономического кризиса 135

Лагно А. Р.

Немцы, поляки, евреи: преступники, жертвы, сообщники?
Ответ Ярослава Качиньского и его партии 139

Ведерников М. В.

Подход к вишеградскому (центральноевропейскому)
сотрудничеству: взгляд из России 142

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

**ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Бакшаева А. А.

Толстовский Апостол конца XIV в.:
к вопросу о происхождении рукописи 148

Улитова А. С.

- Частные замечания к вопросу
о польском влиянии в «Летописной книге»
Н.М. Катырёва-Ростовского 151

Караваева П. Ю.

- Особенности синтаксиса первого славянского перевода
Жития Святого Афанасия Афонского 155

Скачедубова М. В.

- О некоторых особенностях употребления -л- формы
в нарративе без связки в Псковской I и II летописях 159

ИСТОРИЯ**СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ****Соболева А. Е.**

- Новшества XVIII в.: вирши и миниатюры
в житии Александра Свирского 163

Матвеевко Е. А.

- Полонизмы в русском переводе «Метаморфоз»
Овидия начала XVIII в.
(на материале рукописи РНБ Q.XVIII.4) 166

Алексеева А. С.

- О переводе «Αβραάμ σε καταδίωκει, ὁ Ἰσαάκ σε καταφθάνει,
Ἰακώβ σε ἀνατρέχει...» в русских неканонических молитвах 170

Горбушина И. А.

- Праславянская форма словацкого глагола
rovǵazat': *ro-vorž-a-ti или *ro-vъ-raž-a-ti? 174

Шатин В. Ю.

- О сопоставительных парах губных фонем
в костромских говорах XVII в.
по данным памятников деловой письменности 177

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**Саданович Э.**

- Культурное и языковое разнообразие
восточнославянских меньшинств в Подляшье (Польша) 181

Шляхтенко Е.

- Сопоставительный анализ социолекта
компьютерщиков России и русских Литвы 184

Пенькова Я. А.

К типологии нефутуральных значений
предбудущего в славянских языках 189

Борисова Е. О.

О семантической структуре гнезда рус. *строгий*
(русские диалектные значения на славянском фоне)..... 193

ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**Кулешова М. Л.**

Сопоставительный анализ лексем
с пространственной семантикой в словенском языке:
mesto, kraj, prostor 198

Егорова М. А.

Семантика аориста
в современном сербскохорватском языке
по результатам наблюдений за языком нарратива
художественной прозы 203

Пинхасик И. Е.

Многозначность обозначений пищи
в современном русском языке
(на фоне других славянских языков) 206

Турилова М. В.

Судьба некоторых утраченных церковнославянизмов
в лексико-семантическом поле «Безумие» 210

СЛАВЯНСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА**Чиварзина А. И.**

Цвета-смеси в пограничных диалектах
сербского и болгарского языка 213

Якимова А. П.

«Хубавата дреха не прави хубав челяка»,
или болгарские наименования человека —
дериваты от названий предметов одежды 216

Бакаева А. В.

Этнолингвистический анализ
греческого похоронного обряда
на балканском фоне 219

Яхонтова Я. Б.

Весенняя календарная обрядность
Северной Греции и балканских славян.
Уникальные и универсальные черты 222

Панова Т. В.

- Функционирование персонажа «волшебный помощник»
в русских и греческих волшебных сказках 227

**СЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР И ДИАЛЕКТЫ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

Истомина П. А.

- Дом и его локусы в суеверной прозе
(на материалах XXI в. русского населения
Республики Коми) 232

Панина Ж. А.

- Значимые недели в традиционной
народной культуре Русского Севера
(на материале архангельских говоров)..... 236

Ковригина Е. А.

- Некоторые архаические лексико-семантические
особенности говоров архангельского региона
(на материале единиц семантического поля 'БОЛЕЗНЬ') 240

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Левина П. А.

- Образы «лишних людей» в творчестве
Болеслава Пруса: взгляд с исторической точки зрения 246

Белых Я. Е.

- Амур и череп: тема любви и смерти
в творчестве польского поэта Рафала Воячека 249

Шершнев С. С.

- Память о сталинской эпохе в художественной культуре
позднего социализма: снятие табу
(на материале «Дома на набережной» Ю. Трифонова
и «Человека из мрамора» А. Вайды) 252

Вирен Д. Г.

- «Моральное беспокойство»
в кинематографе стран «восточного блока»:
уникальность и универсальность 254

Ламм М. А.

- Мост на Немане. Эссе А.Н. Карцюка
«Из истории гродненского моста, 1392–1944» 258

Егорова К. Б.

Д.Н. Вергун между русской и русинской литературами 262

Нечаева Н. И.История и образ межвоенной Словакии
сквозь призму женских образов в творчестве
словацких писателей (на примере романов М. Урбана,
М. Фигули, Ф. Швантнера, Я. Есенского) 265**Маслова К. К.**История создания, тематика,
проблематика и художественные особенности
романа К. Чапека «Кракатит» 268**Амелина А. В.**Особенности поэтической формы утопии
(на материале творчества И. Гауссмана) 273**Кожина С. А.**Канон социалистического реализма
в чешской литературе 1970–80-х гг.:
идеологические и художественные ориентиры
официальной критики и их реализация 277**Лунькова Н. А.**Поэтика сборника рассказов С. Стратиева
«Лицо с картин Эль Греко» 282**Шатько Е. В.**Стилистические фигуры контраста в сборнике рассказов
«Страшные любовные истории» М. Павича 285**Бырина А. В.**Особенности поэтики романа Павла Виликовского
«Первая и последняя любовь» 288**Краткие сведения об авторах** 293

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

Тезисы
молодежной научной конференции
в рамках Дней славянской письменности и культуры,
22–23 мая 2018 г.

Ответственные редакторы:
Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 11.09.2018. Формат 60×90 ¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Объем 19,13 печ. л.

Заказ № 34.

Тираж 500 экз.